

НА ПАМИРАХЪ

Ю. Головина.

Annotation

Юлия Головнина и Надежда Бартенева — одни из первых русских женщин-путешественниц. Они участвовали в экспедиции на Памир, организованной в 1898 г. сотрудником зоологического музея Московского университета Дмитрием Головниным для сбора коллекции горной фауны. Как настоящие амазонки, обе женщины имели оружие — револьверы системы «Маузер». Записки Ю.Д. Головниной рассказывают ярким и образным языком, в легкой и довольно ироничной манере, о путешествии по малоизвестной русскому читателю удивительной горной стране.

-
- [Предисловие](#)
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V.](#)
- [Глава VI.](#)
- [Глава VII.](#)
- [Глава VIII.](#)
- [Глава IX.](#)
- [Глава X.](#)
- [Глава XI.](#)
- [Географический очерк Памиров](#)
 - [Местонахождение Памиров и политическое их значение](#)
 - [Исследования Памиров](#)
 - [Орография и рельеф Памиров](#)
 - [Климат Памиров](#)

- [Метеорологический график памирского путешествия 1898 г.](#)
- [Флора, фауна, население.](#)
- [Прибавление.](#)
- [Литература о Памирах.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
-

Ю. Д. Головкина.

НА ПАМИРАХЪ.

ЗАПИСКИ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Съ портретомъ, посвященіемъ, географической картой, метеорологическимъ графикомъ, 64 цинкографіями въ текстъ и двумя прибавленіями.

1902 г.

МОСКВА.

Тино-латографія Т-ва И. Н. Кушневель и Н. П. Печенов. ул. соб. земл.

Военный Губернатор Сырдарьинской Области,

Генерал-Лейтенант

Николай Иванович Корольков.

Посвящается Глубокоуважаемому Николаю
Ивановичу
Королькову.

Предисловие

В 1898 г. нам с мужем удалось привести в исполнение задуманное несколько ранее путешествие на Памиры, и в настоящей книге я решаюсь поделиться с читателями теми сведениями и наблюдениями, которые мне удалось лично получить за эти несколько месяцев. Страна эта так далека от всего, что нас окружает обычно, от тех условий культуры, к которым мы все более или менее привыкли, и сведения о ней так мало распространены, что описание её по личным наблюдениям, смею думать, должно представить некоторый интерес...

Помимо описания самого путешествия и сведений, собранных попутно, мною в конце книги помещены два прибавления: 1-е заключает в себе краткий географический очерк Памиров, составленный частью по собственным наблюдениям, частью по литературным источникам, а 2-е-сведения о подробностях экипировки и денежной стоимости нашего путешествия.

Если, эта книга попадет на глаза человеку, имеющему в виду предпринять подобное путешествие, и выяснить ему как те нужды, с которыми ему придется считаться, так и те условия, при которых придется удовлетворять им, и тем самым облегчить его сборы в путь, — я сочту свою задачу выполненною.

Несмотря на интерес, проявляемый к Памирам за последние полвека, несмотря на большое количество экспедиций и путешественников, перебивавших там, — много областей этого пространного нагорья остаются еще совершенно не исследованными и представляют обширное, поле для разнообразных наблюдений. И человек науки, черпающий знания в открытой книге природы, и турист, ищущий новых и сильных

впечатлений, и охотник, интересующейся красавцем архаром, как единственной в своем роде дичью, конечно не пожалеют о том, что решились на время отказаться от некоторых, весьма, впрочем, несущественных и условных удобств: за это их с лихвой вознаградит тот захватывающий интерес, те крупные впечатления, которыми подарить их эта суровая, но заманчивая страна.

Считаю приятным долгом выразить свою глубокую признательность участнице нашего путешествия Надежде Петровне Бартеневой, взявшей на себя все фотографические работы экспедиции и тем самым давшей мне возможность поместить, прилагаемые здесь иллюстрации.

Глава I

Отъезд. — Тифлис; религиозный обряд. — Баку; «Вечные огни»- Переезд через Каспийское море.

Выехали мы из Москвы 12 мая 1898 года в ясный солнечный день, покончив, наконец, со всеми делами, задержавшими нас гораздо долее, чем мы рассчитывали; особенно огорчали нас выписанные из-за границы инструменты, последний из которых пришел накануне нашего отъезда. Но вот все, что следовало получить, получено, что надо было купить, куплено, наш личный багаж сокращен до возможного минимума: отныне мы путешествуем вооруженные фотографическими аппаратами, барометрами, треногами и различным смертоносным оружием.

Пока нас было всего трое: мой муж, он же «глава экспедиции», наша хорошая знакомая Н. П. Б-ва и я; остальные спутники наши должны были нагнать нас в Ташкенте. Не буду описывать пути до Владикавказа, так же как и красот Военно-Грузинской дороги, мало кому не знакомых, скажу лишь, что на душе у нас пели соловьи и что удивительную бодрость ощущали мы при одной мысли о том, что мчимся куда-то далеко, в Азию, оставляя за собою все условное, серое и будничное. Не мало однако хлопот и волнений доставил нам наш багаж: все инструменты шли с нами, так же как и фотографические пластинки, упакованные в шести ящиках, небольших по объему, но всящих по два с половиною пуда каждый: доверить их нужной заботливости багажных кондукторов муж не решался, так что понятным будет наше стремление запрятать под диваны вагона возможно большее количество этих ящиков. Многие жалостливые пассажиры, узнав, что мы едем «куда-то на Памиры», деятельно помогали нам

скрывать их от бдительного ока кондуктора, но при каждой пересадке приходилось повторять фокус исчезновения ящиков под диванами, и это было до крайности утомительно.

Приехав в Тифлис поздно вечером, мы поместились в прекрасной гостинице «Ориант», из окон которой открывается красивый вид на главную улицу, собор и горы с монастырем св. Давида, в котором похоронен Грибоедов. Тифлис произвел на нас очень приятное впечатление своим внешним видом. Европейская часть города вполне благоустроена, с прямыми, широкими улицами, прекрасными тротуарами и мостовыми; по мере удаления от центра город утрачивает свое благообразие, улицы становятся узкими, кривыми, грязными и поднимаются в гору так круто, что по некоторым из них езда в экипажах невозможна.

Большую часть следующего дня мы посвятили осмотру естественно исторического музея, основанного в Тифлисе в 1867 году. Нынешний директор его, д-р Г. И. Радде, неутомимой энергией довел его до того блестящего состояния, в котором он находится в настоящее время: этот музей — его детище, над которым он с любовью и заботливостью трудится не один год. При входе можно получить подробный, прекрасно составленный каталог. Особенно богат отдел зоологический с громадной коллекцией чучел всей кавказской фауны; здесь же имеется единственное в России чучело кавказского зубра. Многие животные расставлены группами так, что представляют целые сцены, полные жизни и движения; даже стены и потолки расписаны картинами, дополняющими обстановку и условия данной местности. Д-р Радде показывал мужу фототипии для готовящегося к печати иллюстрированного описания музея. Вечером нам удалось быть свидетелями поразившей меня сцены, и с этого времени начинается мой дневник.

19 мая. После обеда направились мы в Ботанический сад, чтобы полюбоваться на его водопад, забраться на гору и оттуда взглянуть на широко раскинувшийся город, весь розоватый под лучами заходящего солнца; но еще у входа в сад мы услышали какие-то странные возгласы, остановившие на себе наше внимание: против сада, через неглубокий овраг находится магометанское кладбище, на котором персияне имеют обыкновение собираться для совершения некоторых религиозных обрядов; на этот раз там происходил обряд самобичевания в честь какого-то святого. Толпы персиян собираются в определенные для чествования памяти святого дни, но действующими лицами являются лишь десятка два-три мужчин среднего и молодого возраста, да группа мальчиков-подростков по обету, данному ими или их родителями. Все они одеты в специальные костюмы, состоящие из обычных шаровар и черной куртки, наглухо закрытой спереди и оставляющей обнаженную спину до пояса; черная повязка на голове и большой пучок тяжелых коротких цепей, привязанных к веревке, дополняют покаянное одеяние.

Под унылый мотив, напоминающий стонущий припев нашей «дубинушки», эти кающиеся равномерно взмахивали своими тяжелыми связками цепей и ударяли с размаха ими себя по спине, ловко и уверенно перехватывая веревку то правою, то левою рукою; так продолжалось минуты две, после чего ритм напева несколько менялся и они в порядке двигались далее. Спины кающихся вздулись, были сине-багрового цвета, но они, по-видимому, не чувствовали ни боли, ни усталости и долго еще после того, как мы ушли, доносился до нас однообразный, отрывистый, словно стон, припев, которым сопровождался обряд. Нам говорили, что еще недавно эти дни искупления длились две-три недели; теперь они сокращены до трех дней, да

и от самого обряда, вероятно, в скором времени останется только форма, так как уже теперь, и мальчики, и многие взрослые, по-видимому, не причиняют себе этими ударами значительной боли.

20 мая. Местность от Тифлиса до Баку степная, унылая, с желтой и совершенно выжженной травой, что особенно поражает после западного и среднего Кавказа, покрытых густой и сочной зеленью; около Баку уже начинаются характерные азиатские постройки с плоскими крышами на домах и куполообразными возвышениями на крышах сакль.

Баку, как город, не представляет собою особого интереса, а потому мы поспешили ознакомиться с его окрестностями. На «Промыслы» мы попали удачно: в этот день забил новый фонтан нефти громадной вышины; он весь был бурого, почти черного цвета и наверху разбивался на темно-бронзовые брызги; кругом целые озера нефти; почва, дерево, все пропитано ею.

На следующий день отправились в Сураханы посмотреть на «вечные огни»; там уцелел монастырь огнепоклонников, с жертвенником среди двора, обнесенного стеною; в последней и помещаются жилые кельи. В самом жертвеннике, а также наверху башен, проделаны отверстия, из которых и вырывается наружу подземный газ, вспыхивающий от зажженной спички. При монастыре живет сторож, заменяющий проводника и поддерживающий огни, которые временами гаснут. Ночью эти пылающие на стенах светильники должны представлять красивую и своеобразную картину.

Индийцы — огнепоклонники при императоре Николае I были лишены принадлежавшей им земли и остались на Кавказе лишь в очень ограниченном числе, при чем двое из них были лет восемь тому назад убиты местными жителями, предполагавшими, что у них хранятся большие сокровища; единственный же из оставшихся последователей этого культа, отправившись

на родину для свидания с родными, умер на обратном пути. Нам говорили, будто ныне царствующий Император повелел возвратить огнепоклонникам принадлежавшие им некогда земли, и человек 20 из них собираются вновь поселиться близ покинутой святыни.

22 мая.С не совсем покойным сердцем ожидали мы переезда через Каспийское море; хотя все время погода была хорошая и ничто волнения не предвещало, но вода такая коварная стихи я вообще, а в Каспийском море в особенности, что верить ей нельзя.

Явились некоторые затруднения, так как на отходящем пароходе ехал со своей свитой министр путей сообщения кн. Хилков, 1-й класс был, следовательно, занят, а 2-й переполнен. Однако нам посчастливилось, и мы, к нашему большому удовольствию, были водворены в 1-м классе. День прошел незаметно, море кругом было гладко, как зеркало, и на следующий день после 16-часового пути мы подходили к Красноводску. В обыкновенных случаях расстояние от Баку до Красноводска проходит в 19-20 часов, но на этот раз нас доставили быстрее.

Глава II

Красноводск. — Песчаные барханы. — Местные болезни. — Самарканда. — Сартские женщины. — Первые слухи об Андижанских беспорядках. — Голодная степь.

23 мая. Красноводск раскинулся по горному склону у самого моря, желтый тон в нем преобладает: земля, горы, постройки-все желтое, яркое, режущее глаз, зелени абсолютно никакой, у подножия города- тихо плещущее море неестественно зеленого цвета. Город небольшой, пыльный, унылый, точно изнемогающий под лучами палящего солнца; дома почти все с плоскими крышами; недалеко от берега выделяется небольшое, но очень изящное здание вокзала, построенного в мавританском стиле, крытое оцинкованным железом. Постройки блещут новизною, так как город вырос лишь за последние 3-4 года: до тех пор на этом месте ютились 2-3 десятка лачуг.

Еще на пароходе мы встретились и свели первое знакомство с нашими будущими спутниками: студентом гр. Б. и доктором Ш. Теперь мы почти все в сборе, не хватает только нашего зоолога М. М. В-ва, который должен нагнать нас в Ташкенте.

В тот же день выехали мы с почтовым поездом из Красноводска на Самарканд. Поезд какой-то игрушечный, с маленькими вагончиками 2 и 3 классов, выкрашенными белую краскою; в нем имеется вагон-ресторан, что является необходимым, так как на станциях буфеты еще не устроены. В нашем распоряжении оказался отдельный служебный вагон, благодаря случайной встрече с давнишним приятелем и товарищем мужа, инженером Г., который, как оказалось, служит на Закаспийской железной дороге и выезжал

встречать министра, а при этом встретил и нас; свой вагон он любезно предложил нам и мы расположились в нем, как дома.

Ехали в виду моря до позднего вечера, а когда я утром выглянула в окно вагона, тянулась уже степь плоская и гладкая с левой стороны и с цепью гор Копет-Даг с правой; горы эти местами столбчатого строения, выдвигаются сразу из ровной, как стол, степи и тянутся перед глазами в два ряда, из которых задний и более высокий имеет вид стены без выдающихся вершин и всюду приблизительно одинаковой вышины в 2.500-3.000 фут; второй ряд, ближайший, значительно ниже, размыт водою и покрыт травой, теперь уже совершенно выжженной. Грунт степи состоит из лесса.

24 мая. Асхабад проезжали ночью. В 3 часа утра встали, чтобы полюбоваться на развалины старого Мерва, который занимал собою значительную площадь. За мервским оазисом начинается песчаная пустыня, оставившая по себе ужасную память в летописях нашей войны в Средней Азии. Перед нами расстилалось целое море песка желтого, слепящего глаза, все видимое пространство покрыто песчаными барханами, местами поросшими саксаулом и колючкою, местами же совершенно лишенными растительности; по ним шныряет невероятное количество ящериц. Порывы ветра гонят песок по земле, как снег в метель, а в бурю целые тучи его несутся по воздуху, заволакивая все видимое пространство и перемещая барханы с места на место. Вид этот вселяет какое-то отчаяние в душу человека и тянется на сотни верст, изредка прерываемый небольшими оазисами с орошаемыми посевами и постройками; последние сооружаются из глины (лесса) и очень своеобразны по архитектуре: красивые зубчатые стены образуют правильный четырехугольник, внутри которого и помещается самое жилье.

Нас предостерегают от употребления сырой воды не только для питья, но даже и для умывания, в виду обилия болезней, распространенных, в Средней Азии: одна из наиболее часто встречающихся здесь — годовик, или «пендинка», не щадящая ни взрослых, ни детей; это большая язва, появляющаяся чаще всего на лице и излечивающаяся обыкновенно через год; она оставляет по себе безобразящие шрамы и рубцы. Реже встречается «ришта»: это паразит, гнездящийся под кожей и имеющий вид длинного волоса; удален он может быть лишь оперативным путем и, говорят, между туземцами есть люди с непостижимою ловкостью выматывающие их из под кожи целиком.

Как мы слышали впоследствии, сарты приводят своим оперативным искусством в величайшее изумление даже врачей: особенно удачно производят они снятие катарактов, вынимание мочевых камней и выдергивание зубов; при последней операции они сажают больного...

[1]

... вода, которого и совершается особыми черпаками постоянная поливка улиц; только при этих условиях и возможна жизнь в этих городах в течение всего года. Другая особенность, свойственная этим городам, та, что они резко делятся на два различных города: новый, или русский город, построенный после покорения страны, и старый, или азиатский, центр и сердце которого составляет базар. В азиатской же части города в Самарканде находятся все развалины, замечательные и ныне в виде таковых. Наиболее интересно «медресе» [2], построенное в XV веке, с находящеюся перед ним площадью «Ригистан», увековеченную нашим художником Верещагиным. Площадь эта не что иное, как громадный внутренний двор, но тут бьется пульс жизни населения: здесь цирюльник с замечательным искусством бреет головы своих клиентов; подалее расположились торговцы с какими-то яствами в

маленьких чашечках; на самом припеке на каменных плитах спят оборванные, почти раздетые сарты-рабочие; здесь спуют нищие, дервиши, живущие подаянием; здесь же говорятя проповеди, речи, пламенные воззвания, действующие на религиозный и политический фанатизм толпы. Стены и входы, ведущие в мечеть и медресе, выложены майоликовыми кирпичами, довольно хорошо сохранившимися и изумительными по рисункам и сочетанию красок; некоторые части здания, особенно башни, пострадали от времени и сильно наклонились, грозя обрушиться на приютившиеся у их подножия, лавчонки. Взобравшись по головоломной лестнице на одну из башен медресе, мы долго любовались широким видом на город Самарканд и синеющий вдали Заревшанский хребет с его сложными вершинами и ледниками.

Кроме медресе обращают на себя внимание несколько старинных мечетей, разбросанных по старому городу. Таковы, например, мечеть Шах-Зинда, Биби-Ханым, гробница Тамерлана и другие.

Рис. 2. Гробница Тамерлана.

В мечети Шах-Зинда находятся гробницы, под которыми погребены некоторые родственники Тамерлана (проводник перечислял нам, кажется наугад, всякие родственные наименования, до двоюродной тетки включительно). Один из этих родственников считается святым и могилу его, в отличие от прочих, осеняет высокий бунчук. Другая мечеть с знаменитой гробницею Тамерлана находится в южной части старого города. Снаружи это здание так же как и прочие старинные мечети сохранило остатки чудных майоликовых работ; обвалившиеся места замазаны простою штукатуркой. Рисунку состоят из довольно мелких узоров с преобладанием синих и голубых цветов; удивительны они своим неистощимым, разнообразием, и

художник употребил бы не один день на то, чтобы рассмотреть их в подробностях, так как каждый вход, каждая колонка, стена отличаются своим особым, не повторяющимся рисунком и сочетанием красок синих, белых, черных. Самый надгробный саркофаг сооружен из темно-зеленого нефрита с высеченными на нем надписями около гробницы Тамерлана погребены его сын, министр и учитель; все эти гробницы обнесены каменного сквозною решеткою с орнаментами неподражаемой красоты. На внутренней стороне стен здания сохранились куски мраморных плит с высеченными на них орнаментами.

27 мая. У входа в нашу гостиницу в густой и прохладной тени стоят две лавочки; здесь, набегавшись до изнеможения, мы просиживаем час-другой, наблюдая уличную жизнь. В Самарканде она довольно оживлена и даже тут, в русской части города, заметно явное преобладание азиата над русским в численности. Вот прогремела арба., нагруженная какою-нибудь кладью или несколькими закутанными особами прекрасного пола; этот экипаж состоит из деревянной площадки., движущейся на двух громадных колесах, оглобли приходятся лишь немного ниже спины лошади, и правящий последнею сидит на ней верхом, вернее на корточках, упираясь ногами в оглобли; азиаты очевидно привыкли к такой позе и находят ее удобною, но европейские внутренности вероятно пострадали бы на быстрых аллюрах. Плавною ходою на великолепном коне величественно проплывает какой-нибудь местный тузсарт; на нем пестрый шелковый халат, белая чалма, вид его важен и строг. Более же всего способствуют уличному оживлению ослики, которых здесь неисчислимое количество; они удивительно миниатюрны, но очень выносливы. С всегда озабоченным и молчаливо протестующим видом ослик быстро перебирает крохотными ножками, иногда весь исчезая в

том вороху сена, которым его навьючили: только и виднеются надутая рожица и длинные уши; нередко на этом ворохе восседает и сам возница.

Все это двигается мерно, степенно, так как резкие движения несообразны с восточным достоинством: истый правоверный должен говорить и двигаться медленно, важно, — то же в усиленной степени рекомендуется и прекрасному полу. Женщины встречаются часто, и пешком, и верхом (на мужских седлах), нередко одни или с примостившимся за спиною матери ребенком. Закутаны они наглухо: всю фигуру закрывает надетый на голову халат обыкновенно темно-серого или зеленого цвета с длиннейшими, закинутыми за спину и скрепленными внизу рукавами; лицо закрыто густою черною волосяной сеткою, сквозь которую разглядеть его невозможно. Откидывают они эту сетку лишь дома или, изнемогая от духоты, где-нибудь за углом, если уверены притом, что вблизи нет ни одного мужчины. Только раз удалось мне видеть группу женщин, открывших лица за углом стены в невыносимый жар: большинство из них были еще молодыми, но уже ожиревшими, с тупыми, сонными лицами и размалеванными глазами и бровями, — пот струился с них крупными каплями. Девочки ходят с открытыми лицами до 11-12 лет. Лишь нищие обязаны открывать лица для того, чтобы всякий мог видеть, что они не прокаженные: последние здесь обыкновенно питаются подаянием, при чем предосторожности против распространения ужасной болезни соблюдаются, по-видимому, не особенно строго.

Женщина у сартов, как и у большинства мусульмане играет роль скромную: её почти исключительная обязанность состоит в рождении детей, — она даже не рабочая сила, так как вся тяжесть труда вне и внутри дома, а также и уход за скотом лежит на мужчине; женщина ограничивается шитьем, вышиваниями и

заботами о кухне, иногда даже этот последний труд исполняется мужем.

Рис. 3. Сартские женщины.

Женятся сарты не рано, иногда за 30 лет, при чем выбор невесты делается матерью или сестрою жениха; они же иногда доставляют ему возможность увидеть суженую, конечно украдкой. Часто и этого не бывает, и жених довольствуется теми сведениями, которые ему сообщают женщины — родные: «как не знаем невесты, воскликнул наш Мурза, рассказывая мне о своем сватовстве: и мать, и сестра смотрели, потом мне рассказывали, им верю». Видит он ее впервые, когда девушка уже стала его женой. За невесту платится родителям её калым; он, впрочем, значительно ниже, чем у киргизов и можно иметь невесту (конечно не первого сорта) за 100-150 рублей. Подарки, свадебные празднества и угощения производятся на счет жениха. Развод у них в большом ходу, причем

достаточно для него повода самого несложного: жена, например, имеет право требовать развода, если муж не кормит ее пилавом [3] хотя раз в неделю. Сарт в большинстве случаев хороший семьянин, миролюбив и с

детьми обращается чрезвычайно нежно, — никто из них, даже в шутку, не толкнет и не обидит ребенка.

Наша администрация давно сознает необходимость изменить положение сартской женщины и первым к тому шагом были некоторые попытки открыть их лица, но приходилось при этом наткаться на такой решительный отпор, что власти не решались настаивать в виду неизбежности в таком случае поголовного восстания. Такова попытка одного влиятельного лица, окончившаяся довольно оскорбительным инцидентом. Решено было дать бал, на который были приглашены все представители туземной власти и аристократии с требованием, чтобы они привезли своих жен и дочерей с открытыми, конечно, лицами. Бал состоялся, женщин привезено было много, при чем все они получили подарки, и таким образом совершилось, по-видимому, вступление сартской женщины в общественную жизнь. Но оказалось... что приехавшие на бал quasi-жены и дочери были просто женщинами легкого поведения.

Рис. 4 Мечеть Шах-Зинда.

Подарки были у них отобраны, власти получили выговор, но факт остался фактом и дальнейших последствий не имел.

Особенно важно было бы открытие женских лиц еще в виду того, что, как нам говорили, под женским одеянием нередко скрываются важные преступники, которые в таком наряде неуловимы: русские власти не могут выследить подозреваемую личность, а туземец не смеет ни при каких обстоятельствах поднять покрывала женщины, так-как это оскорбление, по укоренившемуся обычаю, может быть смыто лишь кровью. Человек, разрешивший своей жене ходить с открытым лицом,

считался бы изменником, проклятым и никто не решится не только вести с ним какие-нибудь дела, но даже и говорить с ним. Наиболее развитые из сартов сознают ненормальность такого замкнутого положения женщины, но ни один не решается пойти против веками освященного обычая, ставшего законом.

Еще князь Хилков на пароходе сообщал в виде слуха о беспорядках, происшедших в Андижане, но так как подробно ничего известно не было, мы и не придавали этому большего значения. Однако слухи эти подтверждаются все настойчивее, хотя и с различными вариантами: приходится убедиться, что действительно что-то произошло. Настроение в Самарканде сильно приподнято, нам говорят о разъезжающих по ночам патрулях, о будто бы убитой жене офицера, о совершенном безумии продолжать наше путешествие при таких условиях; люди, даже довольно высоко стоящие на административной лестнице, а потому, казалось бы, хорошо осведомленные, говорят, что страна на военном положении что если бы даже, вопреки здравому смыслу, мы и поехали далее, то нас из Ташкента не выпустят. Но именно, вопреки здравому смыслу, мы и решили поступить: придется, быть может, изменить наш маршрут и вместо Памиров свернуть на Иссyk-Куль, но мы не покроем себя позором отступления. Впрочем, в Ташкенте мы получим сведения, уже вполне достоверные, и там окончательно выяснится наш дальнейший образ действия.

29 мая. Из Самарканда выехали мы в 6 часов вечера по не совсем еще законченной линии железной дороги; путь до Ташкента уложен, но не забалластирован. Так как дорога еще не открыта ^[4], то выдача билетов производится бесплатно и всецело зависит от любезности железнодорожной администрации; правильного и обязательного для дороги расписания не существует, классных вагонов нет (за исключением

нескольких вагонов 3 класса). Благодаря любезности строителя дороги, г. Урсати, в наше распоряжение был отдан отдельный товарный вагон, в котором наши чемоданы и ящики заменили столы и стулья. Сегодняшняя ночь была для нас первым испытанием: спать пришлось на полу, подстелив под себя только плед, муж же, великодушно отдавший мне и свой архалух, постлал на пол виксатиновую накидку и на этом спартанском ложе вскоре заснул, как убитый. К моему, впрочем, величайшему изумлению я тоже спала прекрасно и проснулась в 7 час. утра бодрая и совсем отдохнувшая.

Утром мы подошли к станции «Карки» в Голодной Степи. Станционные здания еще не закончены, буфета нет, можно достать лишь горячую воду, питаться же приходится взятою с собою провизией. Кругом — ни деревца, ни кустика, ни травки: на безграничном пространстве виднеется все та же бесплодная «Голодная и Степь» с уныло и редко торчащей на ней асафетидой. Грунт степи состоит из богатейшего лесса, весной покрытого сплошным ковром цветов, но, за недостатком влаги, вся растительность быстро погибает под лучами палящего солнца. При искусственном же орошении эта почва дает колоссальный урожай.

Узнав наверное, что на этой станции мы будем стоять еще неопределенное, но во всяком случае продолжительное время, мы вышли из вагона: осторожность наша в этом отношении будет понятною, если я упомяну, что звонками нас не баловали, и поезд после долгой, иногда несколько-часовой стоянки снимался с места сразу, издавая при своем отбытии свист продолжительный, но уже бесполезный для пассажира, легкомысленно отдалившегося от своего вагона.

Несколько мальчиков и молодой человек, вооруженный шпагою, суетились между путями,

поражая какого-то маленького, но очевидно не безопасного врага: это была битва с фалангами, которые в этот утренний час куда-то передвигались и в громадном количестве перебежали через железнодорожные пути. Фаланга — большое, вершка в полтора-два, паукообразное животное желтого цвета с коричневыми пятнами и четырьмя необычайно жесткими зубчатыми челюстями, издающими о твердый предмет металлический звук; у неё довольно длинные мохнатые лапки, из которых две передние (особенно длинные) она несет, подняв кверху: они служат ей скорее щупальцами или хватательным орудием, чем ногами. Фаланги мало поворотливы и очень нежны, так как несильный удар и, по-видимому, легкое увечье причиняли им смерть; в течение двух часов мальчики и герой со шпагою перебили их несколько десятков. Часов в 9 утра шествие фаланг прекратилось, и они более не показывались.

Рис. 5. Голодная Степь.

Вследствие слышанных нами рассказов, мы вообще побаивались всякой азиатской нечисти, собираясь спать не иначе, как окружив себя волосяной веревкой (через которую эта ж нечисть будто бы не переползает); особенно малодушествовала наша спутница Н. П., очень

храбрая во всяких затруднительных случаях жизни, она испытывала панический ужас при виде паука или противной козявки. Но, вопреки этим страшным рассказам, укус фаланги никогда не смертелен, хотя и вызывает местную опухоль и лихорадочное состояние. Укус скорпиона гораздо болезненнее, хотя в большинстве случаев также не смертелен.

Единственное действительно серьезное животное — каракурт: это маленький паучок, тельце которого не более ногтя на мизинце руки; он весь черный, словно бархатный, с четырьмя парами правильно расположенных на спине белых пятнышек; укус его безусловно смертелен для верблюда. Человек, укушенный им, не всегда умирает, но страдает ужасно; нам рассказывали про укушенного каракуртом в ногу солдата, который хотя и остался жив, но кричал, не умолкая, в продолжении двух суток. Ядовит он весь, и настой его лапки, впрыснутый под кожу кролика, убивал последнего в очень короткое время. К счастью нашему, нам не пришлось иметь дела с этим животным, по удалось добыть для коллекции несколько экземпляров, принесенных нам одним сартом.

На станции «Карки» мы простояли до 10 с половиною часов вечера.

Глава III

Ташкент. — Приготовления к путешествию. — Коканд и его дворец. — Андижан. — беспорядки 16 и 17 мая. — История этих беспорядков. — Управление краем до 1887 г. и после него. — Датха, «Царица Алая».

30 мая. Около часа дня поезд наш подошел к Ташкенту и с вокзала мы направились на дачу Николая Ивановича Королькова, военного губернатора Ферганской области.

Рис. 6. Дача Н. И. Королькова.

Еще в пути получили мы от него телеграмму, уведомлявшую нас о том, что он временно находится в Андижане, но по-прежнему предлагает нам воспользоваться его гостеприимством в Ташкенте. Дача Николая Ивановича находится в самом городе, на окраине его; в наше полное распоряжение отдан большой флигель, прекрасно обставленный и весь в зелени: в нем мы и расположились, не знаю насколько времени. Эта дача — любимое детище Николая Ивановича, каждое дерево на ней посажено его руками 25 лет тому назад. В настоящее время дача

представляет одно из красивейших мест города; на ней находится замечательная коллекция разнообразных сортов роз и редких растений, представляющих немалый интерес для ботаника и садовода.

Ташкент, оправдывая свое значение столицы, очень обширен, вполне благоустроен, имеет прекрасные магазины и обильно снабжен водою; зелени столько, что на иных улицах дома едва заметны. Особенно поражает обилие птиц, которые живут в этой зелени; всюду в городах мы слышали соловьев (пение которых несколько отличается от наших), горлинок с их характерным смеющимся курлыканьем, иволг, видели много удонов. Как часто, путешествуя в Азии, мне приходилось мысленно сравнивать её города с нашей «Белокаменной»: не в пользу последней были эти сравнения.

«Старый город» здесь менее характерен, чем в Самарканде и в нем, как сравнительно городе новом, нет никаких памятников мусульманской старины; но он грандиозен, как по своим размерам, так и по своему огромному крытому базару: последний представляет целый лабиринт широких и узких переходов, окаймленных высокими и узкими тротуарами; здесь масса лавок со всевозможными товарами, делающие значительные торговые обороты, чайхане ^[5], в которых добрый азиат проводит большую часть своего дня полулежа на ковре или сидя по-турецки за чашкою зеленого чая (пьют они его без сахара из китайских чашечек, носящих название «пиола»), съестные лавки, в которых готовятся на глазах у публики необычайно аппетитные кушанья, состояния преимущественно из баранины; в железном ряду стоит грохот от стука молотков по металлу.

Рис. 7. Сартские музыканты в чайхане.

Весь базар крыть циновками, переходы поливаются водою и в жару пребывание на нем — истинное наслаждение. Азиат-горожанин весь свой день проводить здесь, все его интересы как торговые, так и общественные сосредоточиваются на базаре и он старается обставить его наиболее комфортабельным образом. Собственно жилая часть азиатского города представляет собою ряд узких, кривых и до крайности безжизненных улиц, окаймленных высокими глиняными стенами заборов и домов без окон; лишь изредка, погромыхая гигантскими колесами, проползет скрипучая арба или покажутся в калитке любопытные мордочки черномазых ребятишек: по улицам лишь проходят, а самая жизнь, преимущественно женская и детская, ютится за этими стенами в глубине замкнутых дворов и домов.

Рис. 8. Мясная лавка в Ташкенте.

1 июня. Воспользовавшись необходимостью проверить наши метеорологические инструменты, мы побывали на здешней метеорологической и астрономической обсерватории, где заведующий, г. Гультаев, любезно познакомил нас со всеми имеющимися в его распоряжении инструментами и приборами. Место здесь для астрономических наблюдений особенно удобно, благодаря чрезвычайно малой облачности.

Сегодня же попытались мы проникнуть в здешний музей. Нам говорили, что ничего интересного в нем нет, но мы упорствовали: и в путеводителе он числится, и на вывеске значится, надо его, следовательно, посмотреть. В здании музея нам однако сообщили, что коллекции и чучела съедены молью и уничтожены, сельскохозяйственный отдел передан гренажной станции и остался лишь минералогический отдел. — «Ну, покажите нам минералогический, приставали мы, уж он то, наверное, молью не съеден». — «А минералогически, возразили нам, закрыт впредь до распоряжения начальства». — Какого начальства, да и

есть ли оно вообще у этого печального заведения, нам объяснить не могли.

4 июня. Николая Ивановича все еще нет: он производить расследования о происшедших беспорядках; не решаемся; уезжать отсюда без его советов и указание.

Побывали в селении Куйлюк, верстах в 10 от Ташкента, на р. Чирчик, где мужу хотелось осмотреть мост, частью разрушенный разливом, а также испробовать взятый им с собою прибор для измерения скорости течения воды. Течение реки, делящейся на несколько рукавов, чрезвычайно быстро и во время полного разлива действует с сокрушающею силою; в настоящем случае водою вырвано и унесено несколько устоев моста, значительная часть которого разрушена совсем. Переправа впредь до починки его, хотя бы временной, совершается на арбах, в которые впрягается по несколько лошадей: последние, по-видимому, не боятся, ни быстрого течения, ни местами значительной глубины.

6 июня. Прибыл вновь назначенный генерал-губернатор, генерал лейтенант Духовской; настроение торжественное и исполненное самых разнообразных ожиданий.

Рис. 9. Переправа во время размыва моста на р. Чирчик.

В одном лишь пожелании сходились почти все: чтобы водворилась в крае власть энергичная, которая пробудила бы к деятельности эту богатую страну, заставила бы плодотворно работать все отрасли нашего управления, а вместе с тем подняла бы в глазах туземцев русский авторитет.

Где можем собираем сведения, могущие пригодиться нам для дальнейшего нашего путешествия; очень ценные указания получили мы от В. Ф. Ошанина, ныне директора женской гимназии в Ташкенте, заслужившего широкую европейскую известность, как естествоиспытатель и опытный путешественник.

Сегодня наняли первых слуг для нашей экспедиции: повара сарта Мурзу и волонтера русского Андрея, страстного охотника, любителя путешественника (кажется, вернее празднующегося) и изрядно выпивающего; но в горах предаваться последнему занятию будет негде и не с кем, так что он вероятно будет нам полезен [\[6\]](#).

8 июня. Приехали, наконец, Н. И. Корольков, посоветовавший нам окончательно экипироваться для экспедиции в г. Ош и лишь оттуда двинуться верхом. Он же снабдил нас письмами к вновь назначенному маргеланскому губернатору ген. Чайковскому, прося, с разрешения генерал-губернатора, оказать нашей экспедиции самое широкое содействие, а также к командующему войсками в Андижане генералу Ионову.

Николай Иванович совершенно успокоил нас относительно безопасности нашего путешествия. Теперь мы можем ехать далее; не хватало только нашего зоолога, М. М. В — ва, который запоздал, задержавшись в Москве и в пути дольше, чем рассчитывал; мы решили

было в Андижан ехать без него, оставив ему лишь инструкцию о том, каким образом он сможет нагнать нас. Но за несколько часов до нашего отъезда явился и он, и таким образом, наша экспедиция трогается из Ташкента в полном своем составе.

11 июня. Уезжая из Ташкента, считаю долгом выразить свою глубокую признательность Николаю Ивановичу Королькову, лишь благодаря содействию которого и могла состояться наша экспедиция. Впервые мысль о ней зародилась у нас после посещения Николая Ивановича в Москве, при чем он с такою любовью хвалил свой край, так убеждал нас, что путешествовать в нем можно безопасно и без особых лишений даже и с дамами, что мы впервые подумали о такой поездке серьезно. Затем гостеприимство, предложенное нам, указания и содействие, обещанные Николаем Ивановичем, окончательно утвердили нас в намерении проехать не только Туркестан и Фергану, но также и Памиры, хотя бы до памирских укреплений.

По приезде в Ташкент мы широко воспользовались гостеприимством Николая Ивановича, прожив у него на даче 12 дней, так как задержались, во-первых, отсутствием нашего хозяина и руководителя, без советов которого не решались двинуться в дальнейшей путь, а во-вторых, получением наших вещей, которые мы имели неосторожность послать из Москвы «большою скоростью» через транспортную контору «Кавказ и Меркурий»: эта «большая скорость» доставила нам вещи ровно через месяц после их отправки из Москвы, да еще, как оказалось, вследствие особенно удачно сложившихся обстоятельств: нормальный срок доставки товара «большой скорости» из средней полосы России 2–2 1/2 месяца, а «малой скорости» 8–12 месяцев: обстоятельство, вероятно, мало содействующее процветанию промышленности в крае.

До Андижана нам был дань товарный вагон и из Ташкента мы выехали в 11 час. вечера. На следующей день, рано утром, по временному деревянному мосту мы переезжали Сыр-Дарью, широко разлившуюся и точно застывшую под лучами восходящего солнца. За Сыр-Дарьей потянулась опять степь, служащая продолжением Голодной Степи.

Рис. 10. В Сыр-Дарьинских камышах.

Наш вагон был отцеплен на станции Ховаст, от которой идет ветка на Андижан и тут простоял в ожидании поезда до трех часов дня. Места здесь носят почти такой же унылый характер, как во всей «Голодной Степи», хотя есть и обрабатываемые участки, которые засеваются ячменем и пшеницею; далее к Ходженту засеваются хлопок и кукуруза. Ноля орошаются, участки ограждены высокими стенами из глины-лесса, из которого состоит самая почва.

Весь день 12 июня дул сильнейший горячий ветер, шквалами наносивший пыльные смерчи. При довольно высокой температуре (+36 °С в тени) этот знойный ветер приводил нас в полное изнеможение; приходилось закрывать двери вагона, чтобы устранить сквозняк.

Сухость воздуха была чрезвычайно велика (смоченный + 15°; несмоченный + 29,3 °С.) и весь день мы с жадностью, не переставая, пили чай. К ночи ветер еще усилился, оставаясь все таким же знойным, и лишь после рассвета слегка посвежело.

14 июня. Около 7 часов утра подошли мы к Коканду и лишь тут узнали, что дальше наш вагон не идет, что нас поставят на запасный путь, где мы и будем ожидать поезда, который должен придти не ранее вечера следующего дня. Времени у нас, следовательно, было больше, чем требовалось, и мы могли не торопясь заняться осмотром города.

Рис. 11. Лавка с медною посудою в Коканде (на переднем плане человек с зобом).

Базар азиатского города, так же, как и в Ташкенте, крыт циновками и очень обширен. Коканд славится своими шелковыми товарами и медными изделиями. Здесь можно найти вещи художественной работы, исполняемые просто «от руки» с изумительной быстротой: медные кувшины, тазики для умывания, чайники, блюда, — все это покрыто мелкою, чеканного работою; кроме всякого рода современной и перенятой у русских посуды, у жителей в большом ходу так

называемые «кунганы» двоякого рода: небольшие, сохранившие неприкосновенными свою древнюю форму и внешнюю отделку, употребляющееся для воды, кофе, а также, как украшение (некоторые из них отделяются, кроме чеканной работы, и бирюзой), и другие, позднейшего изобретения, приспособленные, к кипячению в них воды. Внутреннее устройство этих последних является подражанием нашему самовару, при чем сохранена форма высокого кувшина с ручкою и длинным носиком. Красотою отделки они не отличаются, но очень удобны в пути: места занимают немного, а вода закипает в них при минимальном количестве топлива через 8–9 минут; в нашем путешествии кунган сослужил нам неоцененную службу.

Достопримечательностью города является дворец Кокандских Ханов, обращенный в настоящее время в казарму; осталась нетронутою великолепная лицевая стена, громадная, с арками, воротами тонкой деревянной резьбы, башнями, вся из чудной майолики, прекрасно сохранившейся, тех же удивительных по красоте и краскам рисунков, как и в Самарканде; дворец стоит на возвышении и вместо лестницы к нему ведет широкий бревенчатый въезд. Впечатление от этого здания сильно нарушается казенного вида постройкою, принадлежащей, к казармам, с домиком ярко белого цвета, закрывающим нижнюю левую часть стены.

Этот домишко назойливо лезет в глаза и производит впечатление грубой дисгармонии с художественною красотою памятника старины. Из бывшей гостиной хана устроена церковь, при чем цветные изразцы по стенам и узорчатые потолки сохранились вполне.

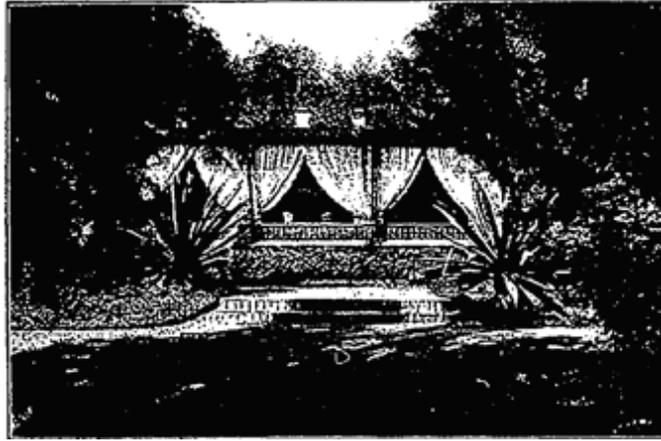
Самый город производит очень милое впечатление: в нем прекрасный городской сад, отличные парные экипажи; вечером улицы очень оживлены.

Рис. 12. Ханский дворец в Коканде.

Ночевать мы решили, в нашем товарном вагоне, в котором устроились с некоторым комфортом, благодаря двум складным постелям и 12 яхтанам, которые отныне заменили наши ящики и чемоданы. Яхтаном называется продолговатый, довольно легкий ящик из тонкой деревянной основы, обтянутой кожей, с кожаными же украшениями и рисунками на передней стороне его. Яхтаны бывают различных размеров и приспособлены к навьючиванию на лошадей, ослов и верблюдов. Из всех яхтанов, установленных вместе, получалось нечто вроде нар, на которых и укладывались рядом наши кавалеры.

Вагон (товарный), имевшийся в нашем распоряжении, мы обыкновенно делили на три части, причем левая от входа часть отдавалась в распоряжение мужчин; правая служила нам с Н. П. спальней и будуаром, который отгораживался всякою кладью и завешивался одеялами; средняя же исполняла назначение. салона и столовой. Этому распределению мы всегда следовали и впоследствии и, благодаря ему, могли сравнительно мало стеснять друг друга.

Ряс. 13. Лавка с яхтанами.

Порядком проголодавшись, мы отправились с целью пообедать в лучшую местную гостиницу Шадини, хозяин которой с виноватым видом сообщил нам, что у него «для хороших господ» слишком просто. Недавно еще, по его словам, в город были две «чистые» гостиницы, да обе закрылись. Покормили нас однако очень сносно, а любезность и услужливость хозяев заставили нас забыть об отсутствии комфорта «чистой гостиницы». Чаю мы употребляем невероятное количество: он и освежает, и утоляет жажду.

15 июня. Мы все еще в Коканде и тщетно ожидаем поезда. Вчера начальник станции советовал нам вернуться из города к 6 час вечера, так как к этому времени ожидается поезд, который и должен везти нас в Андижан, и «нет ничего мудреного, — прибавил он, — что часов в 7 вечера вы двинетесь в путь». Он действительно пришел, этот поезд; не в 6, а около 10 ч. вечера, но в путь не двинулся, так как потребовались какие-то починки, и сегодня утром мы проснулись не близь Нового Маргелана, как ожидали, а в том же Коканде; носятся, впрочем, утешительные слухи о том, что мы тронемся часов в 12.

Время проводим в чаепитии и приведении в порядок наших путевых заметок; доктор, также и весьма искусный художник, набрасывает типы, М. М. копается в песке, отыскивая мелких гадов и насекомых. Мы, кажется, так освоились с нашей жизнью в вагоне, что бесконечное сидение в нем нисколько не тяготит нас.

Решили, что в Маргелан заедет один муж, чтобы представиться там губернатору и генералу Ионову, передать им письма Н. И. Королькова и заручиться их распоряжениями на наш счет. Оттуда ему будет удобно переправиться в Андижан на лошадях, так как проехать таким образом 40-50 верст можно, оказывается, гораздо быстрее, чем по железной дороге; мы же проедем в Андижан в вагоне в виду той массы вещей, которая имеется с нами.

Рис. 14. Базарная площадь в Коканде.

Жара пока умеренная, благодаря прохладному ветру (в 8 ч. утра +3 °С. в тени); от нечего делать занимаюсь разговорами с мелкими железнодорожными служащими и их словоохотливыми половинами: все они — исключительно русские, приехавшие из России, и почти все недовольны: жалеют, что послушались своих ходяков и приехали сюда, распродав на родине земли и домишки. В этих сожалениях преобладающую однако

роль играют не столько реальные бедствия, сколько тоска по родине и непривычка к местным условиям; жалуются более всего на дороговизну жизни и лихорадки.

16 июня. Утешительные слухи оказались почти справедливыми: вчера, в 2 ч. дня, мы наконец выехали из Коканда, в котором прогостили более двух суток. Жара в вагоне была удушающая: опять дул горячий ветер, действующий особенно расслабляющим образом. По пути виднелись хорошо обработанные участки земли и залитые водою рисовые поля. Маргелан проезжали вечером и ознаменовался он для нас лишь тем, что наш Мурза опоздал на поезд: мы имели неосторожность послать его попытаться достать молока, и он, как исполнительный слуга, решил найти его во что бы то ни стало. Мы же тем временем уехали. Этот инцидент неприятен потому, что в Андижане при уборке и перетаскивании вещей из вагона в город пришлось обходиться без его помощи.

Подойдя к Андижану часов в 10 вечера, в полную темноту, мы были в довольно затруднительном положении, не зная куда преклонить наши усталые головы: на станции нам не могли или не хотели дать никаких указаний относительно того, где бы переночевать, хотя бы одну эту ночь и откуда достать носильщиков и извозчиков. Доктор отправился на разведки и вернулся победителем: нашлась гостиница в двух шагах от вокзала, вещи перетаскали на руках сарты и часа через полтора мы уже сидели за самоваром в одной из двух занятых нами комнат. Гостиница совсем новая, полы и перегородки не крашены, мебель простая, но все довольно чисто и нет никаких неприятных насекомых. В открытые окна несется пение соловьев, которые живут в городских садах и заливаются, с таким же увлечением, как и наши русские соловьи.

17 июня. Сегодня были в лагере, на который было сделано нападение 17 мая. Теперь, когда пришлось узнать уже из достоверных источников обо всем происшедшем, считаю не лишним несколько остановиться на этом печальном событии.

Рис. 15. Уличная сцена в Коканде.

В ночь с 16 на 17 мая более чем тысячная толпа сартов и киргизов напала на один из летних солдатских барачков, расположенных на окраине города Андижана, и была обращена в бегство несколькими выстрелами после того, как удалось поднять тревогу и вооружить солдат боевыми патронами. В результате—22 солдата убито и много ранено. Таковы факты. Солдаты были застигнуты врасплох, сонными, часовых не было, не было также и боевых патронов, так как время считалось мирным, и только благодаря тому, что в казарме оказался случайно забытый ящик патронов, удалось так сравнительно благополучно отразить беду.

На лагерь напала лишь часть неприятеля; другая, под предводительством «Ишана» [\[7\]](#), главы восстания, обошла город, чтобы одновременно напасть на него с противоположной стороны. Если бы удался этот план, все русское население городка было бы, несомненно,

вырезано. К счастью однако, услышав со стороны лагеря выстрелы, являвшиеся совершенно неожиданностью, толпа, шедшая на город с другой стороны также бежала вместе с своим предводителем.

Наша неподготовленность в данном случае и удивление перед «внезапностью» беспорядков являются не совсем понятными, так как внезапного в них ничего не было: уже давно были серьезные признаки движения среди мусульманского населения и оно не было тайною, ни для администрации, ни для большой публики: на площадях базаров говорились речи, пелись воинственные песни. Ишан беспрепятственно собирал в своем кишлаке тысячные толпы народа, кое-кто из сартов доводил даже до сведения русских о готовящихся повсеместных беспорядках (таким образом, например, предупреждено нападение в городе Ош, в районе уездного начальника, подполковника Зайцева, принявшего во время необходимые меры), доводилось об этом до сведения и ферганского губернатора (ныне уже удаленного), но сведениям этим не придавалось серьезного значения. Словом, было, казалось, достаточно поводов для того, чтобы быть настороже, и тем не менее инцидент **17** мая разразился, как гром среди ясного неба.

Возвращаясь к самому эпизоду. Нападавшие незаметно подкрались к лагерю благодаря топографическим условиям местности: к лагерю вплотную примыкал высокий бугор, в некотором расстоянии от которого расположился сартский кишлак; вся эта местность поросла деревьями.

По горячим следам удалось поймать, как самого Ишана, так и некоторых из его ближайших пособников, при чем о поимке первого рассказывается следующее.

Верст за 60 от Андижана два джигита-магометанина из отряда, отправленного на розыски, увидели вдали Ишана в сопровождении двух сартов и пытались

задержать их каким-то вопросом. Сарты, зачув недоброе, ускакали, покинув своего предводителя; последний же остановился и, вынув револьвер, направил его на джигитов, которые еще издали старались объяснить ему, что не сделают ему вреда, а хотят лишь его благословения, для чего и спрыгнули с лошадей на некотором от него расстоянии. Почтительно сложив руки, джигиты подошли к сидевшему на лошади Ишану, который, уже совершенно успокоенный, спрятал револьвер под мышку и простер руки для благословения. Этим моментом и воспользовались джигиты для того, чтобы схватить, связать «святого» и представить его куда следует.

Вспоминается мне бывший во время нападения эпизод, который невольно заставляет проникаться удивлением к силе фанатизма, не останавливающаяся перед добровольными мученичеством. В то время, как толпа мусульман с криками набросилась на сонных солдат, несколько в стороне стоял старый мулла и громко читал коран; возле него два мюрида [8] держали свечи. Старик читал и в то время, когда поднялась тревога во всем лагере, и когда раздались первые выстрелы; наконец, все смешалось кругом, нападавшие бросились бежать врассыпную, вот уже и последние из них скрылись в темноте, а старик все читал свой коран и его мюриды около него держали свечи, пока не пали все под ударами разъяренных солдат.

Сам Ишан и пятеро из его пособников (в числе которых был лавочник, снабжавший солдат разного рода нехитрым товаром и, по-видимому, друживший с ними, а потому прекрасно знавший порядки, заведенные в лагере и количество солдат, находившихся в нем) повешены через несколько дней. Бугор за лагерем скрыт, деревья на нем и за ним вырублены, кишлак уничтожен и сравнен с землею. На этой образовавшейся площади всенародно происходила казнь, здесь же зарыты и

трупы, при чем самое место можно отличить, так как трава еще не покрыла его. В минуту казни, по словам очевидцев, Ишан был спокоен, хотя весь дрожал; на обращенную им к народу просьбу молиться за казнимых никто в ответ руки не поднял: молчали, «боялись», как нам объяснили.

Ишан затеял это восстание и был, конечно, душою его: это, несомненно, личность выдающаяся по своей энергии и уму; он умел влиять на толпу и подчинять ее себе. В данном случае он удачно воспользовался некоторым недовольством населения и поспешил перенести вопрос на почву религиозного фанатизма. Поводом послужило падение нравов при русском владычестве, вследствие излишней мягкости в управлении. Прежде, при ханах, всякое преступление каралось строго: за воровство в первый раз отрубали руку, а во второй — голову, народ боялся; теперь за все лишь сажают в острог, сытно кормят, чисто держат, бояться нечего. Вследствие этого нравы, пали, развилось пьянство, воровство, Аллах гневается и прогневается в конец, если мусульмане не восстанут и не свергнут с себя иго неверных. Для этого надо объявить «Газават» (священную войну).

Не мало, как оказалось, повлияли слухи о беспорядках в Индии и сведения о победах турок над греками. В числе найденных у Ишана документов была поддельная грамота турецкого султана, якобы признающего за ним высшее духовное главенство и санкционирующего «Газават». Чтобы вполне подчинить себе собиравшуюся вокруг него толпу, Ишану было необходимо прослыть святым, и вот он делает чудеса: кормит ежедневно сотни народа любимым «палау», который варится в громадных котлах без помощи огня, раздает амулеты, с помощью которых всякая пуля, направленная в носящего его, обращается в воду, и т. д. Понемногу вокруг него собирались люди действительно

убежденные, но также и честолюбцы, мечтающие забрать в руки власть впоследствии, когда они победят русских (у них уже заранее были намечены кандидаты на все высшие должности); больше же всего толпилось кругом него бедноты, падкой до милостыни, щедро раздаваемой Ишаном, и дарового «палау», приготовляемого таким чудесным способом. Денежные средства стекались к Ишану в изобилии.

Мысль о священной войне зародилась уже давно, к ней готовились более двух лет; в заговор было посвящено множество лиц: в найденное впоследствии переписке имеются письма, подписи и печати очень многих волостных старшин, но объявление войны оттягивалось по разным причинам. Наконец народ заявил, что он устал ждать, и Ишан видел, что ожидание и неопределенность могут погубить затеянное им дело. С Андижана решено было начать, и если бы это первое нападение удалось, восстание должно было охватить весь Туркестан.

Большинство из игравших сколько-нибудь выдающуюся роль в этом восстании переловлено, хотя многим удалось бежать в горы и за китайскую границу. Народ смущен и напуган, ожидают целого ряда казней и самой строгой кары. Население наружно почтительно к русским необычайно: при проезде русских по сартскому базару или старому городу все встают и почтительно кланяются; при проходе русского дают ему дорогу. В городе поговаривают о том, что солдат несколько распустили и что они нередко обижают сартов.

Не то видели мы впоследствии, на обратном пути в Россию в конце августа. Как известно, все смертные приговоры, за исключением 18, были заменены каторгой, из кишлаков уничтожен один близь лагеря и другой, в котором жил Ишан и собирал своих приверженцев (предполагалось разрушить целый ряд кишлаков по дороге, которою шел Ишан и из которых

приставали к нему все новые партии). Миллионная контрибуция, наложенная на страну, была сбавлена до 250 тысяч. Все это равнялось почти помилованию и тем более подчеркнутому, что являлось не с течением времени, а почти вслед за беспорядками. Непонятно было азиату такое гуманное к нему отношение, и он приписал его слабости: его, значить, боятся тронуть, а слабого врага он презирает. При возвращении нашем в Туркестан в августе пренебрежительное отношение к русским било в глаза. Не солдаты уже обижали сартов, а сарт при нас кричал и бранил солдата дураком за то, что тот слишком, по его мнению, близко подошел к очагу, на котором он варил свой «палау», и солдат молча отошел от него; дороги русским не уступал никто, и мне пришлось заметить, что при проезде по сартскому базарчику военного губернатора, ни один сарт не поклонился, никто не встал не только из сидевших, но даже из лежавших; смотрели на него во все глаза, но принять более почтительной позы не захотел никто, хотя весь город, несомненно, знает губернатора в лицо. Это, конечно, мелочь, но она характерна.

Генерал Кауфман, первый генерал губернатор края, знавший в совершенстве местное население с его обычаями, нравами и особенностями, дал ему сильное и близко стоящее к нему начальство в лице уездного начальника, которого снабдил обширными полномочиями; сельские туземные власти перестали быть выборными, а назначались властью того же уездного начальника, и эти должности стали оплачиваться большим жалованьем (до 1.200 р.); на них попадали действительно лучшие люди. Уездный начальник имел право вмешательства в тяжёбые и семейные дела, он являлся не только начальством, но и радетелем, ведавшим все крупные и мелкие интересы туземца, и власть его в глазах населения была почти безгранична. Его уважали и по своему любили, не видя с

его стороны тех поборов и притеснений, к которым азиат привык искони. Вскоре в лице сельских властей, являвшихся наиболее зажиточными и влиятельными в своей среде людьми, стала образовываться сильная и верная русская партия; она группировалась около своего уездного начальника, который в свою очередь ценил и отличал лиц, оказывавших ему услуги своими сведениями или влиянием; отношение населения к русским круто и благодетельно изменилось.

С 1887 г. дело приняло совершенно иной обороты сельские власти перестали назначаться, сделавшись выборными, жалованье им значительно убавлено, подкуп, интриги, кулачество царствуют в полной неприкосновенности; лучшие люди стали отказываться от этих должностей, переставших быть почетными и дающих лишь простор наживе. Радикально изменилось и положение уездного начальника, так как власть его сокращена до возможного минимума и деятельность сведена к канцелярии. Он оказался совершенно дискредитированным в глазах населения, не понимающего канцелярии, чиновничества и децентрализации власти; сарт знает только, что прежде уездный начальник, бывало, и заступится, и накажет, и разберет тяжбу или недоразумение: он «все мог», а теперь он уже ничего не может и далеко отстоит от населения. Нет уже около него и преданной русской партии, которая распалась вследствие неизбежного отчуждения и отсутствия связи между обеими сторонами, и взгляд на русских вообще и на русское «начальство» в особенности печальным образом изменился: теперь у туземца есть начальство, которое поставлено для того, чтобы карать, преследовать, но начальства, которое отстаивало бы его интересы нет, и потому во всяком начальстве он видит прежде всего врага.

Судейские чины в лице прокуроров и следователей в постоянном антагонизме с уездным начальником и, точно желая выместить на нем его былую независимость, подчёркивают в глазах населения его теперешнее бессилие. Приходится сознаться, что не пользуются здесь теперь русские популярностью, а еще недавно, по словам людей, проживших в крае, к нам относились с доверием и уважением.

Вспоминается мне слышанный от В. В. И — ва и переданный ему, по его словам, самим гёроем происшествия рассказ о взятии «Царицы гор», знаменитой Датхи, теперь уже 80-летней старухи, руководившей киргизами в их борьбу с русским оружием после падения Кокандского ханства.

В начале восьмидесятых годов, во время экспедиции М. Д. Скобелева, наши военные власти, зная, какое громадное влияние имеет эта женщина, и желая во что бы то ни стало изловить ее, командировали на разведки молодого русского офицера I. (теперь занимающего выдающееся положение в военной иерархии края); найти ее в её царстве гор было делом нелегким. Наконец, I. с переводчиком-киргизом. подкрался совсем близко к стану киргизов, где, по имевшимся сведениям, она должна была находиться; переводчик вызвался пробраться в стан, чтобы узнать, что там делается и просил I. ждать его, не показываясь. Спустя некоторое время, I. слышит голоса целой толпы, направляющейся к нему из неприятельского стана и громкий вопрос переводчика: «таксыр (господин), ты здесь?» Прятаться было. не в обычаях I. и, несмотря на громадный риск, он отозвался. «Выйди сюда, Датха пришла к тебе», продолжал переводчик. I. вышел и действительно увидел Датху, приближавшуюся к нему. Она сказала ему, что находит безумным и жестоким продолжать далее бороться с русскими и проливать кровь, что она убедила киргизов покориться и теперь желает заявить

об этом «главному генералу Русского Царя»; на предложение I. она выразила согласие для этого лично поехать к нему на условии, что ее не арестуют и не подвергнут унижениям. I. обещал ей это, и она с ним и 300–400 своих киргизов двинулась к русским.

Подъезжая к главному лагерю, I. выразил опасение, что русские, не зная о целях приближения неприятельской толпы, будут стрелять и посоветовал Датхе отпустить своих и ехать с ним одной; она пристально посмотрела на него и спросила, не лукавит ли он, на что I. поручился ей своим честным словом в том, что ей не будет причинено никакого вреда. Датха сказала несколько слов киргизам, которые оставили ее и в лагерь русских она явилась одна с I. и его переводчиком. Кто-то из военных чинов, вопреки данному I. обещанию, хотел арестовать ее, но последний заявил, что для него данное слово — вопрос чести, и в случае нарушения его он застрелится; зная его за человека, который не задумается над исполнением этого своего намерения, уступили. Датхе была поставлена особая юрта и предоставлена полная свобода, хотя издали за нею наблюдали день и ночь. По окончании переговоров ее отпустили, не причинив вреда.

С тех пор Царица Алая, отстаивавшая независимость своих с ожесточенной энергией до последней возможности, покоровшись, признала над собою владычество русских и осталась им верна до конца. Пользуясь еще и по сие время громадным влиянием среди киргизов, не только она сама, но и некоторые члены её семьи не раз оказывали нам неоценимые услуги. И вот после наступивших в 1887 году перемен один из сыновей её был казнен по подозрению, весьма слабо мотивированному, в участии в убийстве русского (впоследствии было почти доказано, что в день убийства он был за 150 верст от места преступления); другой сын

был сослан в Сибирь; последний был, впрочем, по прошествии года возвращен вследствие ходатайства, как самой Датхи, так и нашей администрации, давшей о нем самый лучший отзыв. И тем не менее перед Андижанским нападением один из членов этой же семьи (внук Датхи) довел до сведения уездного начальника г. Ош о готовящихся беспорядках.

Глав IV

Город Ош. — Сборы, в путь. — Осмотр тюрьмы. — Наше вступление во кочевую жизнь. — Крепость Гульча. — Охота на кабанов.

17 июня. В 5 часов дня выехали мы из Андижана, рассчитавшись с любезным и чрезвычайно добросовестным хозяином гостиницы, и в наемных фаэтонах направились к г. Ош, отстоящему от Андижана в 48 верстах. Вся дорога идет слегка в гору и очень живописна. Проехав верст 5 по пыльной степи, окруженной холмами с выгоревшей, пожелтевшей травой, нашим глазам открылась красивая долина, густо заселенная, с массою зелени и обработанными полями; кишлаки — торговые, раскинувшиеся на больших пространствах; видно много хлеба, который складывается в небольшие скирды на крышах жилищ.

Деревья по породам своим не разнообразны: тополь серебристый и пирамидальный, ветла, тутовое дерево, карагач; но за то карагачи и тополя достигают таких колоссальных размеров и такой красоты форм, о которых я не имела понятия. Остановившись на минутку чтобы напоить лошадей на станции, отправились далее не крупною, ровною, но очень спорою рысцою; начинало темнеть, выплыла полная луна, освещение которой придало местности вид фантастической декорации. Наконец, мы въехали в азиатские окраины города Ош, среди которых возвышается гора «Сулейман-Тахта» («трон Соломона». По преданию, именно здесь, восседая на этой гор, Соломон чинил суд и расправу). Город, как азиатский, так и русский вытянулся длиною полосой вдоль берега реки Ак-Буры.

Рис. 16. Вид на долину р. Ак-Бура.

Направились мы прямо в Военное Собрание, где и рассчитывали найти приют на несколько дней, которые нам приходилось провести в этом городе для окончательной экипировки нашей экспедиции; туда же направились и опередившие нас вещи и багажа. Но нам пришлось бы потерпеть немалое разочарование: собрание чистилось и красилось к приезду генерал-губернатора, и разместиться в нем вшестером, да еще с большим количеством громоздкого багажа было неудобно; на почтовой станции обе имеющиеся комнаты для приезжающих оказались занятыми, ни гостиниц, ни даже постоянных дворов в город е не имеется. Положение наше становилось критическим: и часов вечера, пустынная улица заснувшего городка, на этой улице шесть бесприютных путников, окруженных бесчисленными ящиками всяких форматов, у этих путников, тела, просящие отдыха и, что еще хуже, желудки, настойчиво требующие пищи; сверху луна задумчиво и равнодушно заливает фантастическим светом эту не лишенную трагизма картину.

Несмотря на поздний час, с храбростью отчаяния, муж отправился к батальонному командиру, у которого

на свое счастье, застал уездного начальника, подполковника В. И. Зайцева, благодаря заступничеству которого нас и водворили на первую ночь в самом здании Военного Собрания, а на следующий день раскинули в саду юрту для мужчин и палатку для нас с Н. П.

21 июня. Горячее время сборов и покупок для окончательной экипировки. Благодаря содействию В. Н. Зайцева, при командировавшего к нам своего личного переводчика, эта задача значительно облегчена. Через посредство этого переводчика ^[9] закуплено 8 верховых лошадей, 2 осла, нанято 10 вьючных лошадей, 2 верблюда, заказана юрта, куплено необходимое теплое платье, кошмы (войлока) и ячмень, который необходимо везти с собою, так как в настоящее время в пути будет почти невозможно находить его в необходимом количестве: новый ячмень еще не созрел, а запасы его уже истощены. Стоимость найма вьючных животных поденная: 2 руб. в день за верблюда, и 1 р. за лошадь на собственном корму, и с обязательством замены негодного или павшего в пути животного. Один из верблюдов предназначался для перевозки юрты, другой — для фуража, но впоследствии пришлось несколько изменить это распределение, так как юрта оказалась слишком тяжелою для одного верблюда (нормальным и не обременительным грузом считается: 8 пудов для лошади, 12 пуд. для верблюда и 6 пуд. для осла).

По словам В. Н. З—ва в этом году на Памиры отправляется несколько экспедиций, из которых одна под начальством инженера М — го; ему поручено устройство постоянных почтовых станций, т. н. «рабатов» вплоть до Памирских укреплений и разработка дороги. В будущем, следовательно, году, когда станции эти будут готовы, путешествовать можно будет с большими удобствами.

Нас опять пугают, уверяя, что на Памирах наши лица сильно пострадают от постоянных ветров, яркого света и сухости воздуха; кожа будто бы лопается, как от сильного обжога, а нос теряет свою первоначальную форму. Признаки горной болезни рисуют нам в самых мрачных красках, но мы облеклись в броню неуязвимости и бесстрашие, тем более, что верили обещанным бествиям лишь на половину, как нам и советовали люди, умудренные опытом.

23 июня. Осматривали сегодня местную тюрьму, в которой много заключенных по Андижанскому инциденту, и дело не обошлось без комического недоразумения: вооруженные, как всегда, фотографическими аппаратами и штативами к ним, мы гурьбою подошли к решетчатым воротам тюрьмы и просили сторожа доложить о нас гну начальнику тюрьмы, к которому имели письмо В. Н. З—ва с просьбою допустить нас к осмотру заключенных. Окинув нас подозрительным взглядом, сторож скрылся и, вернувшись через минуту, объявил, что «войти можно, но играть здесь нельзя». На наши недоумевающие расспросы он лишь настойчиво повторял, что «смотреть — смотрите, а играть никак нельзя». Пока мы оглядывали друг друга, силясь догадаться, какие собственно игры нам возбраняются, и кто из нас мог дать повод заподозрить нас в столь легкомысленных намерениях, громкий смех подошедшего начальника тюрьмы положил конец недоразумению: сторож доложил ему, что пришли какие-то музыканты и просятся в тюрьму.

Нам очень любезно было разрешено, не только осмотреть всех заключенных, но. и снять с них фотографии. «Андижанцы» сидят в подследственной ка мере, отдельно от остальных арестантов. Большинство — киргизы; лица неприятные, опущенные вниз глаза, позы смиренные, со сложенными руками; многие что-то

шептали про себя. Нам указали на двух стариков, из которых один имел вид необычайно смиренный, стоял сгорбившись и едва, по-видимому, дерзал поднять на нас глаза; но тем не менее, он был одним из наиболее деятельных и фанатичных пособников Ишана. Другой был совсем лядящим старичком с седою обтрепанною бороденкою: этот, во время преследования забился в пещеру и уложил трех джигитов, сунувшихся было взять его; сдался он лишь после того, как от входа, было направлено на него дуло ружья с обещанием немедленно стрелять. Этот же старикашка выдержал затем, не издав ни одного звука, 200 ударов розг, и ударов ожесточенных, так как солдаты были страшно озлоблены.

Рис. 17. Один из участников Андижанского восстания.

Внутренность тюрьмы совсем не производит впечатления мрачного: высокие, просторные камеры, чисто выкрашенные белой краскою, громадные окна, за которыми виднеется густая зелень, масса света и

воздуха; если бы не железные решетки в окнах, не сразу бы и догадался, что находишься в месте заключения.

Приготовление и закупки кончены; завтра думаем выступать.

24 июня. Сегодня настал для нас решительный день: выступаем в поход, верхами, с юртой, вьюками, словом, сегодня начинается наша экспедиция. Охотничья команда, прикомандированная к нам генералом Ионовым с разрешения генерал-губернатора, должна прибыть сегодня в Ош под начальством поручика М — ва; последний избран ген. Ионовым, как опытный охотник и знаток местности. Решено, что наш вьючный караван под предводительством своего караван-баши (буквально: голова каравана) Алимбая, выступит в 11 ч. утра, муж останется ждать М — ва с командой, остальные же часа в 4 дня отправятся в путь, остановившись для ночевки в кишлаки Мады, верстах в 12 от г. Ош. Этот маленький переход должен служить пробным камнем всем нам, давно не садившимся на лошадей.

Рис. 18 . Р. Ак-Бура вблизи г. Ош.

Сборы при отъезде были, и продолжительны, и совершенно безалаберны. На каждую верховую лошадь, кроме седла и седока, приходилось нагрузить наши

куржумы [\[10\]](#) с вещами, да по одному пуду ячменя, при чем то и другое прикрепить так, чтобы и седоку было удобно, и лошади не беспокоило; задача эта оказалась тем более сложной, что прислуга не была еще приучена к своему делу, а наши сотоварищи по путешествию оказались совершенно неопытными кавалеристами и потому вполне беспомощными в деле седлания лошадей и прилаживания всего необходимого. Дело шло из рук вон плохо. После долгих неудачных попыток, пререканий, возгласов отчаяния, все наконец взобрались на лошадей и заявили, что готовы. Тронулись не в 4, как хотели, а в 6 часов, но все же тронулись.

Проехав несколько десятков шагов, доктору пришлось остановиться, чтобы поправить съехавшие на бок куржумы, и затем усиленно рысью догонять уехавших вперед; мы слегка над ним подтрунили, но оказалось, что почти каждому из нас периодически приходилось проделывать то же самое, а потому вперед подвигались мы очень медленно; мы с Н. П. Б — ой находились в лучших условиях, так как муж сам руководил седланием наших лошадей, особенно же плохо приходилось доктору, временная лошаденка которого была необычайно тряска и, как-то вся трепыхаясь на ходу, сбивала на сторону все куржумы; последние тянули за собою седло, а с ним вместе и злополучного се дока, который в конце концов совсем освирепел, да и было от чего.

Чувствовала я себя в седле хорошо, но не успела еще примениться к характеру и повадкам моей лошади, а следовательно и не умела добиться лучшего ее хода. Мы с Н. П. Б — ой, следуя советам людей опытных, решились ехать по-мужски, на мужских седлах, и ни разу впоследствии нам не пришлось раскаяться в этом; я думаю, что лишь благодаря этому способу езды, мы впоследствии делали переходы в 40-50 верст, не чувствуя усталости.

Рис. 19. Наша юрта и мой дорожный костюм.

Имея это в виду, мы с нею еще в Тифлисе сделали себе черкесские костюмы, которые, будучи удобны для езды верхом, при ходьбе представляют подобие юбки, открывающей лишь ступню ноги. Седла у всех, кроме доктора и В., простые, сартские: они состоят из деревянного лакированного остова, по форме напоминающего английские седла и покрытого тонкою подушкою из верблюжьей шерсти. Сзади и спереди имеются тонкие ремешки для привязывания необходимых вещей и платья. Седло это удобно для сидения на нем, не побивает спины лошади и очень дешево: каждое из них нам стоило по 10 рублей.

В сумерки мы добрались до места нашей ночевки, кишлака Мады, посредине которого под громадным карагачом была приготовлена для нас юрта. На утро думали двинуться часов в 5, чтобы придти в Лангар до наступления жары (22 версты); но и на этот раз ранний выход нам не удался, и уселись мы на лошадей лишь в 6 1/2 часов. Принято думать, что ни одна поездка «с дамами» не может произойти во время; чтобы снять с

себя такое нарекание, спешу заверить читателя, что в нашей поездке остановка была всегда *ле* за дамами: у наших спутников, в самую последнюю минуту неизменно находилось какое-нибудь неотложное дело.

Эти 22 версты мы прошли с небольшим в 3 часа, нисколько не утомившись, несмотря на то, что почти всем нам уже давно не приходилось ездить верхом. Своею лошадью я, пока, очень довольна: это послушное, кроткое и красивое животное с прекрасным ходом. Есть, впрочем, и у неё недостаток: к спускам и подъемам она, по-видимому, не привыкла и ее приходится в этих случаях держать на тугих поводях, а в горах это может оказаться весьма неудобным. Убедиться в этом мне при и лось довольно неожиданным образом: спустившись на неглубокую лощинку, я зазевалась было на окружавшую меня картину, когда почувствовала, что моя лошадь собралась в комок и как-то по-зайчиному прыжками, пустилась на довольно крутой подъем: она точно пыталась выскочить испод меня, и я должна была изо всех сил вцепиться ей в гриву, чтобы не съехать с неё назад; со стороны вид я представляла комичный. Поводьев, конечно, распускать не следовало, но ведь ни одна приличная лошадь и не кидается в гору, словно на приступ. Вообще, приходится применяться к особенностям и странностям даже собственной лошади, если предпочитаешь жить с нею в ладу. Памятуя о том, как мне важно приобрести её расположение, я пытаюсь подкупить ее, приучая есть хлеб из моих рук.

Приблизительно на полпути от Мадов до Лангара начинается широкое ущелье, по дну которого течет река Талдык; оно окаймлено невысокими горами, покрытыми травой. Из-за этих ближайших гор, рисуются вдали снежные вершины, которые на ясном голубом небе кажутся рисованными по фарфору. Местами дорога совсем размыта и приходится переправляться вброд по

этой, теперь еще мелкой и разделенной на небольшие рукава реченке.

Всю дорогу сопровождает нас джигит от киргизской волости и ему, очевидно, было поручено доставить нас невредимыми к месту остановки; так как безопасности нашей ничто не угрожало, джигит принял на себя обязанности дамского cavalier servant : он трусил все время рядом с нами на своей крохотной лошаденке и развлекал нас самым добросовестным образом. Вся его тщедушная фигурка исчезала в обширных желтых кожаных чембарах [\[11\]](#), испод серой, войлочной шляпы лукаво поглядывали крошечные глазки; сбоку болталась чудовищных размеров и, очевидно бутафорская сабля: он был смешон до крайности и сильно напоминал собою огородное чучело. И вдруг наш телохранитель запел: он, очевидно, импровизи ровал и пел отдельными фразами, обращаясь то к пещере мимо которой мы ехали, то к карагачу, одиноко стоявшему на склоне горы, то к Н. П., белокурые волосы которой, очевидно, покорили его сердце; в особо патетических местах он восторженно тряс головой, закрывал глаза и рукой затыкал собственное ухо: этот прием, очевидно, облегчал ему высокие ноты.

В Лангаре нас ожидали уже две приготовленные для нас юрты, в одной из. которых были кровати, стол даже кресло; явился самовар, крынка свежего молока, и мы отдохнули на славу. Часов в 8 вечера догнал нас муж, и на следующий день в 5 час. дня, выехали мы с тем, чтобы ночевать в Бирбулак, в 18 верстах от Лангара.

Переход ожидался небольшой, легкий, но начало темнеть, подул холодный ветер, а Бирбулака вес еще не видно, хотя по времени мы давно уже должны были добраться до него. Какое-то сиротливое чувство просится в душу: вот и ночь наступила, ничего не видно кругом, место чужое, за тысячи верст от всего своего, и мы голодны, и мы ужасно иззябли, и никому до нас дела

нет. Но вот в темноте и как-то неожиданно обрисовались силуэты двух юрт; лошади радостно зафыркали, и через четверть часа мы сидели за самоваром довольные, как дети, и мрачных мыслей как не бывало.

Минимум за эту ночь показал лишь $+5^{\circ}\text{C}$.

28 июня. Сегодня предстояло пройти до Гульчи 23 версты, по возможности без привала, но... лошади разбежались по горам, и часа три прошло прежде, чем удалось собрать и оседлать их; солнце пекло уже порядком, когда мы двинулись. Взобравшись по довольно крутому подъему, мы около 10 часов утра были на перевале Чигирчик и перед глазами нашими лежала картина такой красоты, которая забудется не скоро. Глубокое ущелье круто понижается по обе стороны перевала, ярко-зеленые горы окаймляют его; иные из них точно разрублены посредине и поднимаются к чистому, непривычно для нас яркому небу, обнажив составляющая их глины, кирпично и фиолетово-красного цвета.

Рис. 20. Перевал Чигирчик.

Здесь наверху дул резкий, холодный ветер; трава нежная, очевидно, еще недавно зазеленевшая, цве тут

незабудки. Неохотно отрываем мы глаза от этой красоты, но медлить некогда: мы и так уже запоздали; начался спуск, всегда более утомительный, чем подъем. По дну ущелья, в которое мы спустились отлогими зигзагами, злится и пенится река . с нешироким, но довольно глубоким руслом, густо поросшим по берегам травой; вода в реке — кристально-чистая, зеленоватого оттенка и падает целым рядом водопадов.

По дороге встречаются стайки розовых дроздов и альпийских галок, отличающихся от наших черным оперением, а также красными лапками и клювом. Много сизых голубей, по-видимому, совершенно схожих с нашим домашним голубем; горлинок и глинистых голубей более не видно.

С каждым поворотом дороги картины меняются, не знаешь, в какую сторону смотреть, до того ново и хорошо то, что окружает, до того неподражаемы и изменчивы тоны и краски. Остановившись на минуту около станции и выпив по стакану холодного кумыса (прескверный напиток, между прочим, и почему то всегда изобилующий лошадиными волосами), мы двинулись далее в сопровождение нового джигита, сменившего наше «чучело»: эти джигиты передают нас один другому, заранее уведомляя дальнейшая волости о прибытии «больших господ».

Кто и когда передает сведения о наших передвижениях, нам неизвестно, но по прибытии на ночевку, мы неизменно и впоследствии находили расставленные для нас юрты, кумыс, барана, где возможно и молоко; при этом почти всегда несколько киргизов являлось слугами-добровольцами.

Часов в 12, разморенные жаром, мы приблизились к Гульче, крепостные здания которой виднелись издали. Джигит наш сорвался с места и помчался вперед с очевидным намерением предупредить, кого следует, о нашем прибытии. Действительно, на берегу р. Гульчи,

через которую предстояло переправиться вброд, кроме нашего джигита, ждали нас несколько конных сартов и арба, в которую пришлось сложить с наших седел все куржумы с ячменем и вещами, так как река довольно глубока. Подобрав ноги на седло, спустились в реку за передним проводником; река делится на два рукава с очень быстрым течением.

Рис. 21. Переправа через р. Гульчинку.

Мне советовали не смотреть на воду, чтобы избежать головокружения, но я скоро заметила, что смущает меня, не столько вода, сколько противоположный берег: когда мне случалось взглянуть на него, казалось, что меня относит в сторону, с головокружительной быстротой, так что я спешила отвести глаза и сосредоточить свое внимание на крупе передней лошади; эти последние совсем наваливались на воду против течения и бодро выбирались из реки.

Никто из нас не смалодушествовал, не свалился, и мы почти сухими вскоре подъезжали к приготовленным для нас юрте и палатке. По обычаю восточного гостеприимства, в юрте оказался «достархан» [\[12\]](#), предложенный нам волостным старшиною. Он состоял из нескольких дынь (редкость для этого времени),

лепешек из очень крутого, пресного теста, сахара, леденцов и халвы; на дыни накинута мы с жадностью, совсем несоответствующею достоинству «больших господ», и попросили чаю.

Величайшим наслаждением, а также и отдыхом является возможность основательно умыться; и потому в палатке устроили мы себе уборную, в которую затребовали ведро холодной ключевой воды, и после купания я почувствовала себя совершенно воскресшею. Впоследствии бывшая с нами палатка всегда служила нам с Н. П. уборною.

Гульча — собственно военное укрепление; оно состоит из маленькой крепостцы с сотнею солдат; возле ютится крошечная деревенька, в которой имеется базар и даже «европейский магазин». Лежит крепостца в ущелье, окруженном мягкими зелеными горами; климат довольно влажный, с перепадающими, но редко продолжительными дождями, больших жаров не бывает, зимы суровые, с обильным снегом; деревьев мало и почти исключительно тополи.

Мимо нас постоянно тянутся громадные караваны киргизов: это запоздавшие кочевья, пробирающиеся на Алайскую долину.

29 июня. Вчера муж в первый раз поехал на горы работать со своим фототеодолитом [\[13\]](#). С этим инструментом у него в Оше случилась большая неприятность: сломался уровень (ватерпас), что грозило сделать работу с ним чрезвычайно неудобною, впоследствии, однако, удалось уладить это затруднение. Вчера же муж убил пару кекликов (каменная куропатка), которых мы съели за обедом; мясо их оказалось чрезвычайно жестким, вероятно потому, что зажарили их вскоре после того, как они были убиты. Сарты очень любят кекликов и часто держать их в клетках, как бойцовых птиц.

Поручик М — в нагнал нас в Гульче со своею охотничьего командою; отсюда он будет сопровождать нас все время нашего пути; его солдаты — молодец к молодцу, и с такою охраною нам, конечно, бояться нечего. Эти охотничьи команды формируются из самого молодцеватого и бравого элемента; их посылают нередко в горы для охоты, при этом вся команда, за исключением офицера, — пешая. В случаях военных действий эта горсть храбрых и испытанных людей неоцененна. Охотники они выдающиеся, а ходоки такие, о каких трудно составить себе понятие, не видав их на деле. Они выступали всегда почти одновременно с нами и даже впоследствии, когда мы делали переходы в 35–40 верст, приходили лишь часом полутора позже нас, причем немедленно принимались за варку кушанья и всякую хозяйственную возню. Кому из них уже решительно нечего было делать, развлекал себя гармоникою или откалывал такое замысловатое па, от которого земля гудела кругом. В гору, и часто крутую, идут они тем же легким, упругим шагом, как и по ровному месту; трудности пути и усталости для них точно не существует.

Мы все более приобретаем вид путешественниц по диким странам: наши новенькие черкески поистрепались, руки страшно загорели и огрубели: всякое кокетство приходится отложить до более удобного случая, заботимся лишь о сохранении некоторой опрятности и, пока тепло, нам это удается; говорят, что дальше, на Памирах, придется забыть и об этом.

Сегодня волостной старшина прислал сказать, что верстах в десяти видели стадо кабанов, и все наше общество, кроме меня, поехало на охоту, большинство, впрочем, зрителями; М — в взял нескольких солдат и гончих.

30 июня. Вчера для мужа были именины сердца: он убил первого в жизни кабана. Сведения, сообщенные старшиною, оказались справедливыми и наши охотники действительно встретили верстах в 8 от Гульчи стадо кабанов. Муж заметил свинью, когда она уже уходила от него, и выстрелил ей вдогонку экспрессного пулею, но промахнулся; второй же выстрел круглою пулею догнал ее, она пошла шагом и, наконец легла. Пуля вошла в левую заднюю ляжку, прошла через внутренности, причем сердце оказалось пробитым насквозь, и засела в правой: лопатке, которую и раздробила; удивительна живучесть животного, которое с пробитым сердцем шло еще некоторое время. Пуля, найденная в лопатке, точно срезана сверху, несколько кусков свинца отщеплено. Свинка молодая, с поросенком. Шкуру с неё сняли для московская Зоологического музея.

Снимание шкуры для чучела — вещь довольно сложная, и с большим искусством операцию эту проделал один из солдат охотничьей команды: сперва разрезается снизу кожа живота до грудной клетки, внутренности удаляются, затем переламывается спинной хребет, и туша, привешенная к древесному суку, вывертывается на изнанку, после чего шкура снимается чулком; на ногах остаются копыта с последним суставом.

Рис. 22. Д. Н. Г— н с убитым кабаном.

С головы шкура снимается с так называемым «пятак» и губами. Работать необходимо хорошим и очень острым ножом. Когда шкура снята, с неё тщательно соскабливают остатки мяса и сала, после чего изнутри ее натирают солью и мышьяком, чтобы предохранить от червей и загнивания, и по возможности лучше просушивают.

Здесь климат не заслужил моих симпатий, хотя и отличается удивительным удручающим постоянством: ежедневно с 2 — 3 часов пополудни, после ясного жаркого утра, в горах раздаются глухие раскаты грома и собираются темные грозовые тучи: они ползут, ползут на долину и, наконец, разражаются над нею грозой и ливнем, который с промежутками продолжается часов до 10 вечера; и так каждый день неизменно, словно лихорадка.

Глава V.

Киргизы. — Киргизская женщина. — Наша прислуга. — От Гульчи до Кизил-Кургана. — Ольгин луг. — Яки, — Охота на кииков.

1 июля. Мимо нас все еще тянутся киргизские караваны, отправляющиеся на кочевья; своеобразную и красивую картину представляют они. Переселения эти составляют для киргизов праздник и совершаются с некоторою торжественностью: они одеваются в лучшее свое платье, мужчины в цветные, иногда шелковые халаты, женщины в свои снежно-белые тюрбаны, лошадей покрывают яркими попонами, верблюдов ведут на веревке с длиною бахромою; юрты покрыты коврами. Да и действительным праздником является для киргиза весеннее переселение его: стремится он на Алайскую долину, а на ней все, о чем может мечтать не избалованный своею суровою родиною, свободолюбивый киргиз. Там простор необозримый, там обилие воды, там такие тучные пастбища, что скот в неделю поправляется неузнаваемо, а в скот все его богатство; там, наконец, общество, так как они раскидывают свои юрты группами, иногда по сотне и более, образуя аул [\[14\]](#), а для киргиза общество необхо димо, потому что общителен он и любопытен чрезвычайно.

Киргиз симпатичнее сарта, он еще полудикарь и в нем много детского; он честен, добродушен. гостеприимен, хотя и не лишен хитрости. Потребность узнать новость и поделиться ею, в нем так велика, что он скачет иногда верст за 30-40 к приятелю в соседний аул для того только, чтобы сообщить что-нибудь, по его мнению, интересное; малейшее известие является для него поводом устроить «томашу» [\[15\]](#). Едущего по делу киргиза всегда сопровождают 2-3 добровольца с

единственную целью посмотреть, что из всего этого выйдет.

В семье своей киргиз почти бесполезен: его обязанности сводятся к тому, чтобы накопить травы для скота на зиму, да и это несложное занятие обыкновенно исполняется юношами-подростками. Весь труд лежит на плечах женщины; она смотрит за скотом, доит, убирает, кормит его, делает кумыс, ткёт ковры и материи из верблюжьей шерсти, седлает лошадей, словом— она в семье все. Зато и ценится она гораздо дороже сартянки: даже бедный человек платит за невесту «калым» скотом и деньгами на 400–500 руб., а богатый значительно больше; калым этот выплачивается нередко в продолжение 5 — 10 лет, и свадьба может состояться лишь по уплате калыма до последней копейки, так что выбор невест и сговор иногда устраиваются с десятилетнего возраста. Родители невесты оставляют себе из калыма за воспитание дочери небольшую сумму, так как, в свою очередь, обязаны снабдить дочь юртой и. полною обстановкою, также верблюдами, скотом, словом — самостоятельным хозяйством. Ходят женщины с открытым лицом; жених с невестою имеют, следовательно, возможность хорошо познакомиться заранее. В решении семейных дел женщина имеет большое значение, и голос ее не последний. Развод у киргизов в большом ходу и облегчен до чрезвычайности: все формальности по этому вопросу сводятся к тому, что супруги являются к своему «кази» [\[16\]](#) и заявляют о желании развестись; повод принимается во внимание всякий, хотя бы, например, не вовремя приготовленная для супруга пища. Без дальних проволочек, кази немедленно пишет постановление, которое читается супругам, и они разведены; дети оставляются отцу, хотя по обоюдному соглашению могут быть поделены. Жениться и выходить замуж можно бесконечное число раз.

2 июля. Вчера М — в ходил со своею командою на то же место, на котором охотились третьего дня, и убил старого кабана-секача. Кабан сам гонялся за собаками, беспокоившими его и наткнулся на М — ва в упор, в пяти шагах. Шкуру его также сняли для чучела и сегодня у нас на обед опять свинина; вкусно ли это мясо, не могу сказать, потому что в приготовлении Мурзы, ни свинина, ни фазан, ни баранина по вкусу друг от друга не отличаются.

Магометанам, как известно, коран запрещает не только есть свинину, но даже прикасаться к ней. Наш Мурза сумел однако обойти это затруднение: он обыкновенно просит кого-либо из солдат вырезать нужный ему кусок кабанины и положить его в котел, после чего справляется с ним уже сам, и я имею основания подозревать, что, когда на него не смотрят, он проделывает со свининой все необходимые манипуляции без всякого отвращения; вообще он либерал большой руки.

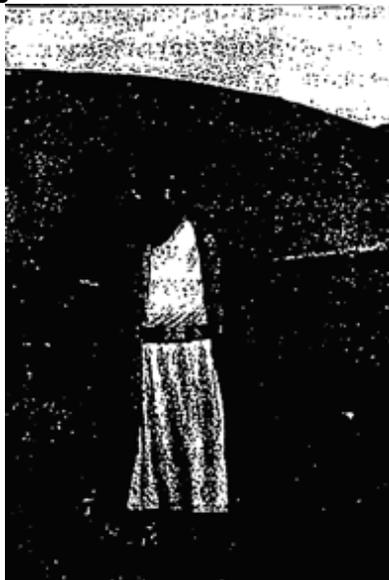

Рис. 23. Наш повар Мурза.

Не таков Алимбай [17], наш караван-баши и переводчик. Это высокий, тощий и смуглый человек, с клинообразной бородкой и беспокойными, никогда не улыбающимися глазами; еще недавно он был очень зажиточным человеком; брат его поставлял мясо в Ош и Андижан, а сам он держал в Андижане лошадей и экипажи, при чем имел коляски рублей по 500. Разорился он на подряде по доставке телеграфных столбов, которых не мог доставить к сроку, благодаря ливням, размывшим дороги на десятки верст. Пришлось уплатить неустойку, по его словам, тысяч в 20(?), что и подорвало в конец его благосостояние. Нанять он был в нашу экспедицию собственно как переводчик, но познания его по русскому языку так своеобразны, что приходится иной раз призывать на помощь всю свою сообразительность для того, чтобы понять, о чем он толкует; поэтому он был приставлен к каравану, где оказался гораздо полезнее.

Рис. 24. Караван-баши Алим-Бай.

Кроме этих обязательных для него занятий, он добровольно принял на себя роль муллы. Набожен он до ханжества: никогда не пропуская времени ежедневного «намаза» [18], он, отойдя в сторонку, расстилает коврик, или собственный халат и, обратясь лицом к востоку, становится на молитву. Долго кладет он установленные поклоны, и звонко разносится в вечернем воз духе его молитвенный призыв. В точности соблюдает он все посты; никогда, не только не есть, как остальные кушанья, оставшегося после нас в нашем котле, будь то даже самый жирный «палау», но и не притрагивается к кушанью, приготовленному в нашей посуде: мы для него неверные, нечистые, и он с презрением отворачивается от остальной прислуги, не столь брезгливой: «все едят», говорить он с невыразимою гадливостью. Нередко журит он своих за то, что они мало молятся, курят и едят не в установленное время, не боятся оскверниться, но относятся к его наставлениям скептически. Мурза даже находит, что «не тогда только молитва, когда станешь на дорогу, да кричишь, как ишак» [19]. Все это впрочем, не мешает почтенному Алимбаю быть великим плутом. Как истый мусульманину расположения к нам он, конечно, не питает, но он почтителен, заботлив и исполняет свои обязанности довольно исправно.

Сегодня, по предписанию генерала Ионова, командир крепости Д — в снабдил нас двумя казаками, которые будут преимущественно состоять при особах Н. П. и моей, помогать по хозяйству, а в случае военных действий — отражать неприятеля.

Здесь же приходится сменить наших верблюдов, оказавшихся слабосильными. Одни из них на последнем переходе к Гульче лег; а когда верблюд ложится, необходимо исполнить его требования, иначе он встать не согласится: пришлось снять с него часть груза. Верблюды у нас, так же как и лошади, наняты на все путешествие с условием замены в случае негодности, и

старшина эти дни занят приисканием для нас более подходящих животных; Алимбай в хлопотах по тому же поводу, так как сегодня было бы желательно покинуть Гульчу. Утром, потеряв надежду дождаться мужа, который опять уехал на горы с инструментами, он изловил меня, чтобы наконец покончить с вопросом о верблюдах. Жестикулируя и волнуясь, он сообщил мне, что «старшина утром *принес два верблюда и поставили на юрт, но как барин, не был, завернул и унес назад*» (буквально). «Вот так, думаю себе, молодчина, только цела ли после этого наша юрта?» Цела, да и ничто ей не угрожало; наш переводчик хотел только сказать, что старшина приводил к нашей юрте верблюдов но увел их обратно, так как не застал мужа. Верблюдам здесь имеют варварское обыкновение просовывать в обе ноздри короткую толстую палку, с развилиной с одной стороны и веревкой с другой.

Рис. 25. Конюх. Ташмет.

За последнюю ведут животное и дергают, чтобы поднять, его с колен; палка торчит всегда одним концом ниже другого, раздирает рану до крови и стесняет дыхание которое вырывается со свистом из стиснутого рта животного, — «такой у сартов закон», говорят. Эмир бухарский запретил в своих владениях протыкать ноздри верблюдам и для управления ими там довольствуются уздой.

Вчера нас догнал и обогнал полковник М — ский, отправляющийся строить почтовые станции на Памирах, по направлению к Памирскому посту. У него громадный караван, состоящий из 200 рабочих, 60 выючных лошадей и 40 верблюдов; они везут с собою инструменты для работ, палатки, провизию и фураж на всю партию.

Одиннадцать часов утра. Жарко; но с гор показываются облачка, обычные предвестники обычной порции дождя. Все разбрелось, дома осталось только трое: Мурза, проявляющий сегодня необычайное усердие в приготовлении обеда (вероятно вследствие разноса, учиненного ему мужем за излишнюю самостоятельность), я, чтобы заняться своим дневником и метеорологическими наблюдениями, да Андрей. Что с этим Андреем случилось и отчего он принял такой тоскующий облик, да и зачем вообще поехал с нами, не могу понять: согласился муж на его просьбу принять его в состав экспедиции потому, что он производил впечатление очень энергичного, находчивого и расторопного человека, который обещал быть незаменимым при инструментах, при укладке вещей, сборе коллекций — вообще человеком на все руки. Прошлое его отличается разнообразием: учился он в гимназии и дошел до четвертого класса, кое-что читал и знакомь с литературою, был акробатом в цирке и «работал на трапеции», отбывал воинскую повинность в артиллерии, служил в пограничной страже на Афганской границе, шлифовал камни и мрамор, прогорел на

зеркальной мастерской и наконец служил десятником на железной дороге, откуда напросился ехать с нами на полном, конечно, нашем содержании и вознаграждением «по заслугам». Первые дни им нельзя было нахвалиться. Потом он сразу, словно окунулся в кипяток и вышел оттуда безнадежно разваренным: вся его долговязая фигура развинтилась, ноги волочатся, руки не слушаются; двигается он с удручающею медленностью и решительно ничего не делает, сообразив, что бросить его здесь нельзя, куда-нибудь да дотащат. Вот и теперь слоняется он передо мною, шаркая ногами и бесцельно передвигаясь от палатки к дереву, от дерева к кабаньим шкурам, отданным на его попечение; потыкает их сапогом, почешет в за тылке и бредет обратно в палатку, где растягивается на спине, чтобы через 10 минут проделать опять все сначала. Тоскует о чем-то наш долговязый Андрей.

5 июля. Сверх ожидания, вчера удалось выбраться из Гульчи около 5 час. дня, с тем, чтобы к ночи быть в Кизил-Кургане. Выехали после грозы с ливнем и градом, утешая себя надеждою, что позже прояснится. На время солнце действительно проглянуло и мы любовались с одной стороны Гульчею, оставшеюся позади в ущелье, а с другой — вновь открывающимися красотою; ущелье значительно сузилось и по дну его вьется река с очень быстрым течением.

Отъехав верст 10, мы вдруг увидели по ту сторону реки, на крутом берегу стадо кабанов, очевидно приходивших на водопой; они спокойно, шагом шли в гору и скрылись в одном из возвышенных боковых ущелий, поросших лесом. В первую минуту, ни Н. П., увидавшая стадо, ни я, не сообразили ясно, какие это животные; первую мыслью было, что это домашние свиньи: очень уж странно было нам допустить, чтобы перед нами находились не чучела, а настоящие живые кабаны, притом не в зоологическом саду, а на воле.

Мы отстали от мужа, а шум реки был так силен, что наших криков ему не было слышно, и когда мы наконец догнали его и обратили его внимание на противоположный берег, стадо подошло к ущелью и вско ре скрылось в нем. Первым стремлением его было преследовать, догнать, стрелять; но ничего этого сделать было нельзя, так как переправиться верхом через довольно широкую и бурную горную реку в данном месте было невозможно; к тому же и темнело. Скрепя сердце, отправились дальше.

Тем временем нас уже давно поливал дождь, то ослабевавший, то усиливающийся, и мне пришлось очень пожалеть о том, что я не запаслась в Москве виксатиновым плащом, так как мой жиденский дождевик представлял весьма слабую защиту. Прикрыв полами его свои куржумы, я предоставила на жертву дождю свои колени, которые скоро и промокли насквозь; к тому же вода с дождевика стекала по сапогам в калоши и ноги следовательно также промокли. Трудно, не зная условий, сообразить, какой костюм наиболее пригоден для данной местности; так, вскоре же выяснились существенные недостатки нашей обуви: тонкие кавказские сапоги, которые мы до сих пор носили, здесь никуда не годны: от камней и неровности пути они ноги не предохраняют, от сырости же намокают, как губка. Н. П. пополнила этот пробел, купив в Гульче пару лишних сапог у солдатика, который пришел в них, а сторговавшись снял и тепленькими передал ей. Она не нахвалится ими. Я же была менее счастлива и раздобыться таковыми не мргла.

Поливало нас упорно, но было тепло и тихо, а потому терпимо. Дорога местами сильно размыта, а местами затоплена нанесенною на; нее с гор толстым слоем вязкой красной глины, из которой лошадям было очень трудно выбираться; глина здесь ярко красного цвета и стекавшие после дождя с гор ручьи делают впечатление

текущего сурика. Любопытно, что в одном месте с гор течет речка снеговой воды, голубовато-белого цвета и, впадая в реку Гульчу, долгое время течет не смешивая своей воды с красною водою главного русла, т. ч. река представляется как бы разделенною на две половины, красную и белую.

Наш переход был не велик, всего 18 верст, но уже совсем смерклось, когда мы подъезжали к месту ночлега. Около костра стояли три юртькодна наша и две выставленные киргизами; обе последние нам такжегодились, так как в одной из них поместилась наша прислуга, а в другой — сухари, ячмень и запасные кошмы: в виду сырости и дождя это было не лишним. Несколько стаканов горячего чая и шашлык согрели нас и мы расположились на ночевку.

За этот переход случилась большая неприятность: поскользнулась и упала лошадь, на которой был навьючен яхтан М. М. с склянками, пробирками и припасами для коллекций. До поздней ночи провозился бедный М. М. перекладывая насекомых в цбльные банки и вынимая осколки; он был ужасно опечален; впрочем, существенного урона не произошло. Довольно удобным способом укладки в яхтаны мелких коллекций в стеклянной посуде оказался следующий: устанавливали банки в два, приходящиеся друг над другом ряда, причем верхний ставился на отдельную дощечку, которую и можно было вынимать целиком, чтобы манипулировать с нижним рядом; из ваты устраивалось нечто в роде гнезд для каждой отдельной склянки, с туго заполненными промежутками и, лишь благодаря такой системе, за все время, несмотря на сотрясения, а иногда и падения яхтанов, было разбито самое незначительное количество склянок.

Сегодня ранним утром, напившись чаю и плотно закусивши «палау», так как завтрака нам не предстояло, выступили для перехода в Суфи-Курган, а если

возможно и до Ак-Басаги на Ольгином лугу—всего **36** верст.

Рис. 26. Лесовая стена по дороге в Суфи-Курган.

Погода с утра ясная, не жаркая, ехать было отлично. Дорога наша все еще идет ущельем, дно которого вместе с рекою постепенно повышается, что особенно заметно по барометрам. Характер этого ущелья постоянно меняется: горы, то мягкие, с густою зеленою травой и голубоватыми тонами, то глиняные, кроваво-красные, то скалистая и почти лишенные растительности, с залежавшимся в лощинах снегом. Дорога в общем прекрасно обработана и была бы годна даже и для колесного пути, если бы можно было избежать размывов, ежегодно портящих дорогу на десятки верст.

Сегодня я решила попробовать надеть вместо своих, запасные охотничьи сапоги мужа; на толстых войлочных чулках они на ноге кое-как держатся. Правда, они велики и тяжелы, но в седле это неважно, зато в них я гарантирована от холода и сырости, а сегодня это было особенно кстати, так как, благодаря

размыву пути, нам пять раз пришлось переправляться через реку.

И как, в самом деле, относительны наши понятия о возможном и невозможном об удобствах, даже о минимуме того комфорта, на который может добровольно согласиться человек: если бы мне несколько месяцев тому назад показали ту обстановку, в которой мы находимся в настоящую минуту, я вероятно бы струсил; если бы я увидела хотя только мою будущую постель, я вероятно не допустила бы для себя мысли о возможности заснуть на ней. Теперь же, поев «палау» из общего котла и запив его чаем, усердно прокипяченным на костре, я укладываюсь на сложенную кошму, под голову кладу куржум с ячменем и свою думку, закутываюсь не раздеваясь в чуйку и сплю, как не всегда спала на удобной пружинной кровати. Происходить это, вероятно, в большой степени оттого, что готовилась я к гораздо худшему; сознание, что те существенные удобства, которые мы имеем в виде всюду выставляемых юрт, баранов, молока, полной безопасности, что все это исключительно благоприятные условия для путешествия и выпадают они не на долю каждого, — заставляют меня ценить их; да и приходится наконец сказать себе, что привередничать здесь совершенно нелепо, так как, кроме того, что есть, ничего другого не будет, сколько бы об этом ни сокрушаться. Приспособившись же, видишь, что право эти войлока; вместо постелей, кипяченый чай, да и вообще эта бродячая жизнь вовсе не плохи, когда приходится иметь с ними дело.

Наша мужская компания, к несчастью, кажется совсем перестала умыться и жалеет лишь о том, что возит с собою лишний груз в виде мыла и полотенец. Сами они склонны объяснять это обстоятельство тем, что не могут, «как дамы», позволить себе роскоши отдельной уборной.

Дрогли мы эту ночь ужасно. Юрта наша недурна, но при сильном ветре ее все же продувает; хотя я под утро и вытащила свое запасное теплое одеяло, но согреться не могла. Хуже всего была сырость: долго шедший с вечера дождь подтек под наши кошмы и сырость эта пронизывала до костей.

По живописности сегодняшней переход был, пожалуй, еще лучше прежних. Никогда не приходилось мне до сих пор видеть таких сочетаний красок: горы, состоящие из глин самых ярких цветов, обнажены осыпями и размывами почти по вертикальному разрезу; сверху они покрыты нежною густою зеленью. Особенно запомнилась мне одна, как бы состоящая из двух отдельных частей: нижней, в виде громадной отвесной стены кирпичного цвета и верхней, красно-фиолетовой, венчающей первую гигантскими зубцами. Другая гора, несколько далее, вся состоит из вертикальных, правильно чередующихся слоев темного фиолетово-красного цвета, переходящего в нужный *vieux-rose*, вперемежку со слоями светлого, будто полинявшего зеленого цвета. Эти горы отвесною стеной окаймляют с обеих сторон русло реки, по берегу которой вьется наша дорога. Приходилось мне и ранее видеть горы величественные, большой красоты, но ничего столь поражающего необычайностью красок я не видала, ни на картинах, ни в действительности.

Дорога размыта на много верст, почему надо было спуститься к руслу реки и ехать по сыпучей гальке.

Рис. 27. Урочище Уч-Тюпе.

Тем временем мне пришлось убедиться, что холод и сырость последней ночи не прошли мне даром и, уже подъезжая к маленькому перевалу К изыл-Белес, я почувствовала себя очень скверно. Страх перед серьезною болезнью, которая при настоящих условиях являлась бы большим затруднением, рисовал мне мрачные картины и я торопилась добраться до Ак-Басаги, чтобы принять соответствующие меры и отлежаться. Последние 5 верст мы ехали по Ольгину лугу; ущелье раздвинулось и образовало длинную овальную поляну с прекрасною травой.

В Ак-Басаге (Белый порог) нас приветствовал новый, алайский старшина, во владения которого мы отныне вступали. Очень они величественны, эти старшины: в дорогом, обыкновенно темно-синем суконном халате, с широчайшим металлическим поясом, украшенным серебряными бляхами, в белой чалме и почему-то всегда в синих очках, они imponируют важностью своей осанки.

Рис. 28. Ар ч а.

В горах болезни глаз действительно встречаются нередко: общий всему окружающему светлый, серовато-желтый тон, благодаря чистоте и разреженности воздуха с большою яркостью отражает солнечный свет; но сдается мне все-таки, что синие очки у волостных старшин преимущественно надеваются для вящего парада, так как у простых смертных, даже и зажиточных, мы их не видали.

На месте мы застали большое общество: кроме юрт, выставленных для нас, и нашей собственной, выстроился еще целый ряд палаток нашей охотничьей команды; тут же расположился лагерь полковника М — го с частью его обоза, его саперы и солдаты с офицерами, помогавшими в работах; случайно здесь же остановился на дневку отряд казаков с офицером, идущих на афганскую границу. Все случайно встретились здесь, и оживление в лагере было полное. Настала холодная ночь, перед рассветом полил дождь, не прекращавшийся до позднего утра; когда мы встали, верхушки всех окрестных гор были занесены снегом и на яркой зелени травы он был красив и не обычен.

На сегодня была назначена охота на илликов [20], для чего спозаранку стали собираться киргизы, испытанные охотники, езжавшие еще с ген. Ионовым и знавшие места в совершенстве. Двое из них приехали на яках [21], которых здесь называют кутасами. Надо признаться, что большой мужчина в лохматой шапке, с ружьем за плечами торжественно отправляющийся в поход на корове, производить довольно забавное впечатление. Однако як в горах поистине неоценим, так как несет на себе самые разнообразные обязанности: в качестве вьючного животного он с терпением и удивительной выносливостью, поднимает значительные тяжести; он же заменяет верховую лошадь, при чем в горах карабкается по скалам, как кошка, несмотря на свою массивную внешность; особенно ценны яки на ледниках и в глубоких снегах, по которым двигаются свободно, очень мало проваливаясь; як также и единственная здесь молочная скотина. Словом в горах; на больших высотах, як заменяет и верблюда, и лошадь, и корову и зажиточные хозяева водят их большими стадами. Молоко их несколько гуще коровьего и очень скверного вкуса — я, по крайней мере, до конца не могла помириться с ним и сделать под ряд более одного двух глотков; в кушанье или с чаем оно сносно. Управляют кутасом помощью продетого в носовую перегородку деревянного или железного кольца, к которому привязана веревка. Нрав у него, вероятно, доверчивый и покорный; это я заключаю из того, что мне не раз случалось видеть кутаса, привязанного веревкою, или к кустику травы, или к крошечному камню. Видя перед носом вытянутую веревку, он по-видимому непоколебимо верит в то, что привязан крепко и уже не делает никаких попыток к освобождению. Не думаю, чтобы эту пассивность можно было объяснить опасением боли, так как отверстие для кольца в носовой

перегородке, в противоположность верблюдам, не представляет собою раны.

Остальные наши спутники, не поехавшие на охоту, разбрелись по своим делам: доктор рисовать, М. М. собирать своих козявок. Дождь почти прекратился, хотя изредка вновь принимался моросить словно сквозь сито; небо хмурое; холодом дуло с гор — тоскливо и неудобно. « Месяц обмывается», заметил М — кий.

Вечером явилась слабая надежда, что к завтрашнему дню месяц окончит свой продолжительный и скучный туалет, так как тучи поднялись и поползли по лугу к ущелью. Значительная высота, (около 9000 футов) уже дает себя чувствовать: появилась одышка, быстрая усталость при ходьбе, легкое кровотечение носом. Несмотря на сырость, воздух имеет свойство страшно сушить кожу: лицо начинает лупиться, руки, помимо бронзового цвета, который они у нас приобрели, как-то съежились, ладони и концы пальцев стали шершавыми. М — ский уверяет, что все это игрушки в сравнении с тем, что предстоит за Алаем, и что особенно пострадают там нос и губы. Сегодняшняя охота дала одного ил лика, убитого М — м.

6 июля. Охотники опять отправились в горы. Утро было великолепное, но с полудня подуло снова холодом, загремел гром и полил сильнейший дождь с градом; теперь моросить, словно у нас в России в глубокую осень. Цветут незабудки голубые, розовые, белые.

Рис. 29. Охотники с убитым кииком.

Сейчас вернулся муж мокрый, голодный, но гордый, как здешний волостной: он убил киика-козла [22] лет пяти, с прекрасными рогами. Он говорит, что так волновался, стреляя в стадо, что дрожавшие руки не могли справиться с ружьем и только восьмым выстрелом экспресною пулею свалил козла, который и упал на месте, словно пораженный громом. Охотники увидели стадо давно, когда еще взбирались на гору, но стрелять было неудобно; поднявшись же наверх, они потеряли его из виду, но киргиз вскоре заметил, что киики спустились вниз и успел указать на них охотникам. М — в дал два выстрела, но промахнулся, тогда поднял пальбу и муж. Замечательно, что вначале канонады стадо не пыталось скрыться, а лишь растерянно топталось на месте и смотрело во все стороны, очевидно не понимая, в чем дело.

Пуля вошла козлу в правое плечо, которое и раздробило, так что скелет испорчен, не годится и шкура для чучела, так как убитое животное тащили волоком по камням вниз.

Зрение киргиза поразительно, как по своей дальнорзости, так и по привычке различать предметы

на громадных расстояниях: киргизы всегда первые указывали дичь и лишь тогда наши солдаты, обладающие также привычным, выдающимся зрением, замечали указанное стадо; остальным же удавалось отличить его от окружающей обстановки на более близком расстоянии.

Завтра нам предстоит, по-видимому, довольно трудный перевал через Талдык, с крутым спуском.

Бог мой, что случилось с нашими, вначале довольно приличными костюмами. Сверх истрепанных черкесок приходится от холода нацеплять на себя платье, с черкесками ничего общего не имеющее: так, для пребывания в юрте я надеваю сверху свою черную драповую кофточку с модными широкими рукавами; на голове красуется преглупая сартская тубетейка, в которой приходится и спать; громадные мужнины охотничьи сапоги, порыжелые от дряхлости и обильно смазанные салом, также мало способствуют изяществу моего костюма, а когда я на Памирах облекусь в широчайшие кожаные чембары, в которые, по примеру туземцев, запрячу полы своей черкески, живописность последнего приспособления, вероятно, затмит собою теперешнюю. Холод и дикая обстановка решительно парализуют даже самые слабые стремления к изяществу.

7 июля. Кииков бегает по горам много и охотники решили попытать счастья еще раз. Месяц все еще умывается [\[23\]](#). Для киргизов наши охоты составляют праздник, так как в вознаграждение за труды они получают целого барана, которого и съедают до косточки. Сегодня они получили, кроме барана, по 50 коп. на человека: они были в восторге, усиленно кланялись, складывая для «кулдука» [\[24\]](#) руки под ложечкой и с сиявшими лицами ушли есть своего барана.

Вечер сегодня выдался ясный, но сырой до такой степени, что клубы пара вырываются при дыхании и мы решили истопить юрту. С этой целью мы развели костер, который так отчаянно дымил, что не раз приходилось выбегать наружу, чтобы вздохнуть свежим воздухом; когда же он разгорался и перестал чадить, мы согрелись и при свете его принялись за чаепитие. Прислуга наша расположилась у своего костра и вскоре послышалась песня: пел Ташмет с одним из керекешей [\[25\]](#). Нашему непривычному уху напев этот казался вначале совершенно непонятным, но мало-помалу выяснялся мотив унылый и своеобразно красивый, оканчивающиеся монотонно повторяющиеся ноты. Это было нечто вроде вокального состязания, так как каждый из участников по очереди пел свой куплет, при чем вводил в него некоторые варианты, не повторявшиеся другими. И как она шла ко всей обстановке, эта чуждая нам песня: её последняя звенящая нота дрожала в воздухе и хватала за душу, сливаясь с ревом верблюдов, скрипучим, рыдающим криком ослов и молитвенным призывом Алимбая, совершавшего свой вечерний намаз. Темный звездный вечер, дымящийся костер и вокруг него смуглые серьезные лица наших сартов, на минуту быть может грустивших по родной сакле. С конца лагеря доносится лихая солдатская песня, изредка прерываемая взрывами раскатистого, здорового смеха: то наша охотничья команда развлекается в часы досуга. Минимум за эту ночь показал + 0.7⁰ С.

Глава VI.

Перевал Талдык. — Алайская долина с Хатын-Арт. — Сары-Таш. — Киргизская развлечения: улак и байга. — Бар-Даба. — Перевал Кизил-Арт. — Памирские картины. — Оз. Кара-Куль. — Свойства воздуха и признаки горной болезни. — Именинное пиршество.

8 июля. Верстах в 7 от Ак-Басаги начинается перевал Талдык (11.600 фут). Подъем к нему не особенно велик, так как Ольгин луг уже сам по себе находится на значительной высоте; к тому же, подъем этот разработан и достигает вершины перевала, сделав около 40 зигзагов. Надписи на обелиске гласят о том, что дорога устроена во время управления краем Бар. Вревским и в бытность губернатором Ферганской области генер. Королькова; названы также имена работавших инженеров. Сделав наблюдения с барометрами, отправились далее.

Вид с Талдыка не обширен: перед нами ущелье и в беспорядке разбросанные Алайские горы. Погода была отличная, не жарко, не холодно — как раз в меру; спустились к ущелью, по дну которого течет р. Талдык, узкая, с поросшими травой берегами. Перевал Талдык представляет собою водораздел между бассейнами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, так как с него текут две реки, обе носящие название Талдык. Одна из них имеет три названия: в низовье — Куршаб, в среднем течении — Гульчинка и в верховье — Талдык.

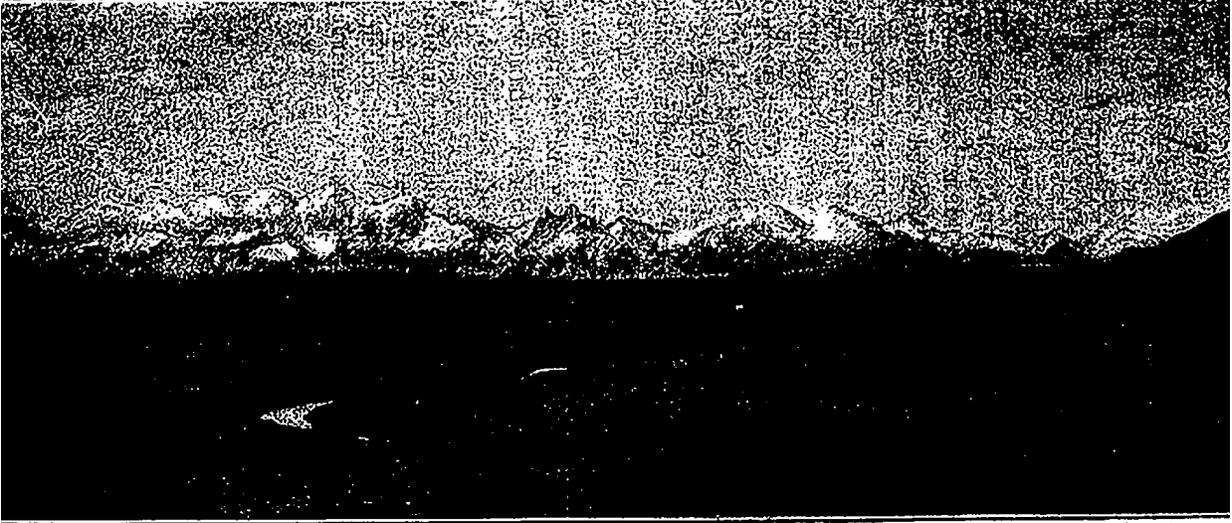

Рис. 30 . Вид на Заалайский хребет с Алайской долины.

Куршаб впадает в Кара-Дарью, которая, сливаясь с Нарыном, образует Сыр-Дарью. Другая р. Талдык направляется к Алайской долине и впадает в Кизил-Су, которая в нижнем течении называется Вакшем и составляет приток Аму-Дарьи.

По мере нашего спуска все чаще раздавался свист сурков, которых на самом перевале меньше. То и дело виднелась смешная фигурка зверка, поднявшего на задние лапки, разложившего передние на брюшке и с любопытством нас разглядывавшего. Здесь они не пугливы и довольно близко подпускают к себе. Около норы располагаются часто целыми семьями: маленькие темнее окрашены, почти бурые и очень похожи на крыс; взрослые — рыже-желтые.

Воздух все хуже действует на кожу: губы пересыхают и начинают трескаться, так что приходится все время смазывать их губною помадой, которую также как и маслом какао, доктор предусмотрительно запасся. Лица делаются бронзовыми.

Н. И. Корольков советовал нам, подъезжая к Алайской долине, сделать небольшой заезд на гору Хатын-Арт, чтобы полюбоваться на открывающуюся оттуда картину. Мы так и сделали.

Для этого нам пришлось взбираться на гору, которая снизу не казалась особенно высокою, но подъем на которую был крутой и трудный; лошадям было тем более тяжело, что разреженный воздух сильно затруднял дыхание. Взобрались мы, однако, на самый верх и перед глазами нашими развернулась вся Алайская долина с Заалайским хребтом. Последний поражает тем, что представляет собою не отдельные снежные вершины, как доводилось видеть до сих пор, но непрерывную цепь гор, примерно одинаковой вышины, видную, отсюда более, чем на сотню верст и сплошь покрытую глубоким, вечным снегом. Пик Кауфмана должен быть виден отсюда (23.000 фут), но, несмотря на солнечный день, на горах облаков было много, и пик был закрыт совсем. Все перед нами видно точно на план. Пусто кругом, ни звука, ни движения — все мертво; только мы, да небо, да горы, застывшие в своем величии. Но нет, пристально вглядываясь в сильный бинокль, видишь кое-где в долине крошечные бугорочки, около которых копошатся и двигаются едва заметные точки. Да неужели эти существа, невидимые невооруженному глазу, называются людьми, теми самыми людьми, которые волнуются, страдают, думают? Козьявки, которые ползают там внизу — и страсти, и какая-то духовная жизнь! Неужели одно, умещается в другом? А вот одна из них забралась на гору, как можно выше и смотрит оттуда на остальных и чувствует, что она невыразимо ничтожна. Нет, лучше уж не смотреть людей на таком расстоянии, а спуститься к ним, да подойти, поближе, чтобы убедиться, что их видно и невооруженным глазом.

На обратном пути джигит артистически свел нас прямо, в сторону долины. Спуск был крутой, тяжело было и седокам, и лошадям, которые местами почти садились и скользили по тощей сухой траве. Приходилось, спускаться зигзагами, к чему, впрочем, животные настолько привыкли, что на крутых уклонах они сами, без, всяких, указаний, добросовестнейшим образом принимаются выделять необходимые повороты. Когда мы спустились на холм перед самую долиною, к нам подъехал и за десяток шагов сошел с лошади великолепнейший из волостных: добавлением к обычному парадному костюму служила солидных размеров сабля и болтавшиеся на груди значки и медали. Под ним был конь красавец. Подойдя к нам и сложив по обычаю руки на груди для поклона, он сел опять на лошадь и повел нас в Сары-Таш, где были приготовлены, как всегда, юрты, баран и кумыс, Сары-Таш расположен у самого выхода из Алайских гор в Алайскую долину; тут же по ярко зеленому лугу вьется река Талдык.

Рис. 31. «Улак».

В виде особого угощения волостной старшина подготовил для нас зрелище, если и не отличающееся

особою культурностью, зато не лишенное своеобразного интереса: это игра, носящая название «Улак» [26].

Мы разместились на возвышении из под разрушенной ныне крепости, окопанной широким рвом. Сотни полторы киргиз на лучших лошадях выстроились в две шеренги и ждали, пока приведенному и тут же зарезанному козлу отрубят голову. Процесс игры состоит в том, чтобы, схватив с земли козла, описать с ним полный круг довольно значительных размеров и бросить его перед нами. Сказать это легче, чем исполнить, потому что каждый из участников стремится отнять злополучного козла, работая для этого, и руками, и ногами, и нагайкою. Победитель, совершивший этот головоломный круг, получает в награду монету в 3-5 копеек, а за особенно лихую джигитовку—10-15 коп. В игре существуют и некоторые правила: так, сходить с лошади ни в каком случае не разрешается и поднимать упавшего козла надо с седла; хватать соперника за руки или его лошадь за узду не полагается; бить чужую лошадь или её седока, по правилам игры, также не следует, хотя этот прием и практикуется усерднейшим образом; бросивший козла на сажень — на две далее назначенного места, теряет право на выигрыш.

Брошенный на землю козел с отрубленную голову — сигнал для начала игры. Обе шеренги всадников, неподвижно ждавших до сих пор, сорвались с места и смешались в кучу, из которой победоносно вынесся киргиз с козлом поперек седла. Часть остальных отделилась, чтобы перерезать обладателю козла дорогу и через минуту опять все смешалось, отставшие врзывались в толпу, немилосердно колотя своих и чужих лошадей, которые поднимались на дыбы, лягались и лезли друг на друга. Но вот отделился всадник с дорогою добычею на седле и стал описывать круг; с удивительным искусством лавировал он на своем прекрасном поджаром коне между врагами,

осаждавшими его со всех сторон и пытавшимися заскакать вперед, находя лазейки там, где казалось бы совсем нельзя пролезть, и вновь вырывался вперед, вцепившись в своего козла. Вот он уже стремглав несется по направлению к нам, ему наперерез скачут другие; нам захватывает дыхание, мы волнуемся за него, стараясь угадать удастся или не удастся ему благополучно миновать последние 30–40 сажен. Ближе, ближе, вот он прорвался сквозь последнюю кучку преграждавших ему путь и, подскакав к нам, красивым и сильным движением бросил козла в ров, к нашим ногам. Тут свалка приняла невероятные размеры. Разгоряченные, обезумевшие лошади и всадники кидались за козлом в ров, давя друг друга; слышался хрип, вырывавшийся с дыханием из десятков грудей, свист нагаек, хлеставших без разбора направо и налево, иступленные лица, налитые кровью глаза... Наконец счастливец, захватившей козла, выпрыгнул из рва и помчался вперед, а за ним ринулась и остальная толпа.

Особенно лихою джигитовкою отличался Аслан-Бек, внук знаменитой Датхи «Царицы Алая», сидевший на прекрасной пегой лошади: для неё, кажется, не существовало, ни препятствий, ни усталости. Я до сих пор не понимаю, из чего сделаны эти люди и животные, и как такие ристалища обходятся в большинстве случаев сравнительно благополучно: очень часто на всем скаку лошадь падает вместе с всадником, и через них проносится вся толпа, — казалось бы разбит чело век вдребезги. Ничуть не бывало: встал, встряхнулся, одним прыжком вскочил на лошадь и уже летит вслед промчавшейся толпе. Только один из упавших при = нас не сразу очутился в седле, а согнувшись постоял некоторое время на месте. Наши казаки не мало дивились на них: «нашему брату, ни в жизнь не усидеть бы», говорили они. В «улаке» принимают участие все: и бедные, и богатые, без различия социальных положений,

с тою лишь разницею, что бедные берут получаемую награду себе, а богатые отдают ее нищим, присутствующим здесь (также, впрочем, верхом), но участия в игре не принимающими

Волостной старшина, несмотря на свое великолепие, оказался лишенным такта, что он и доказал, принимая неоднократное участие в игре: состязаться с ним серьезно несмел никто из подчиненных ему киргизов, козла уступали ему добровольно, вступая с ним в борьбу вяло и лишь для приличия, так что каждый раз, как он вмешивался в игру, победа оставалась за ним; раза два он даже брал с собою сына, мальчика лет двенадцати, которому участники и позволяли проскакать с козлом на седле и торжественно сбросить его перед нами. Игра, наконец, прекратилась; у козла повырваны ноги и весь он обращен в бесформенную массу, лошади еле дышат, бока их исполосованы нагайками, у людей красные, потные лица, нередко изукрашенные синяками и ссадинами. Все довольны, расселись отдыхать, да кстати и полюбоваться на «байгу», которая должна была начаться тотчас же; участники её уже отъехали по степи за не сколько верст.

Состязаться должны были 8 человек и всем им уже заранее были назначены призы: пришедшему первым — шерстяной халат или 3-4 рубля деньгами, второму — 4 аршина ситца, третьему — нож, остальным 15-30 коп., так что обиженных не было совсем. Зрелище, собственно, вышло мало занимательным, так как хорошие лошади и наездники в байге участия не принимали: это развлечение досталось на долю мальчиков и подростков, которым хорошие кони еще в руки не даются; к тому же скачка в настоящем случае велась в гору. Вот, наконец, в облаке пыли показались скакуны, один из которых выдвинулся вперед и тяжелым галопом подскочил к нам; за ним, выбиваясь из сил, но еще менее успешно, подваливали остальные; только

вдали еще мелькали отставшие, два мальчика 10-12 лет, лошади которых еле трусили рысцою и решительно отказывались, хотя бы на финише изменить свой успокоительный аллюр. Все, так или иначе уже подъехавшие к нам и получившие свои призы, имели вид победителей и посылали саркастические замечания по адресу отставших товарищей; лошади послед них рассудили очевидно, что теперь торопиться уже решительно незачем, и мальчуганы, изо всех сил нахлестывая своих клячонок, подъехали к рву торжественным шагом при дружном хохоте публики. Тем не менее однако, сойдя с лошадей, и они подошли к нам за наградою, которую и получили как должное.

Такое обилие развлечений за раз нас утомило, и мы торопились с обедом, чтобы пораньше улечься спать; последнее нам редко удается, так как возня с фотографией, чистка оружия и составление записок и заметок, требуют немало времени.

9 июля. Рано утром явился волостной, с которым мы произвели расчет за забранных баранов, молоко, и пр. Около 8 часов мы вышли по направлению к Бар-Даб (Белая гора), которая лежит по ту сторону Алайской долины, у подножия Заалайского хребта. Мы так избалованы теперь разнообразием горных дорог, что этот переход нам показался скучным, а потому и длинным; все время тянется перед глазами ровная, зеленая долина с белеющим вдали снежным хребтом. Раздражало также обманчивое впечатление о дальности расстояния: нашему неопытному глазу казалось, что ширина долины совсем вздорная, версты 4-5, и что вот-вот мы будем в Бар-Даб, но время шло, а цель нашего перехода была все так же далека, как и прежде.

Рис. 32. Перевозка бревен на верблюдах.

К полудню мы, однако, подъезжали к приготовленным для нас юртам, с версту проехав по широкому, состоящему из речной гальки руслу р. Бар-Даба. В настоящее время река почти пересохла и лишь посередине её остался быстрый, шумящие ручей; весной же река разливается, и переезд через нее в стесненном горами узком проходе почти невозможен.

Наши юрты были раскинута вблизи лагеря полковника М — го, производившая здесь свои работы. Из ущелья дул сильный, холодный ветер, изредка моросил дождь. Над самым лагерем рабочими М — го производится добыча необходимого для работ камня и, за неимением взрывчатых средств, самым примитивным способом: ломами, кирками и руками рабочие отделяют более или менее крупные глыбы камня, которые и спихивают под, гору. С шумом, похожим на выстрел, глыбы эти скатываются вниз, подпрыгивая как мячики и иногда разбиваясь на мелкие куски.

11 июля. Отсюда думаем идти на Кок-Су через перевал Кизил-Арт (14.000 фут.). С некоторым страхом гадаем о впечатлении, которое произведет на нас высота перевала: это нечто в роде ожидания морской болезни. Кое-кто из нас трусит, и доктор запасается на

дорогу нашатырным спиртом, коньяком и гигроскопической ватой на случай кровотечений носом. Затрудненным дыханием страдаем мы теперь все. Мурза не спал всю ночь от одышки и головной боли.

Около 5 час. дня, несмотря на яркое солнце и тепло, пошла крупа со снегом; сыпалась она с чистого, синего неба, по которому плыли лишь маленькие белые облачка: и это 11 июля, когда у нас на Руси Ольги справляют свои именины и изнывают от жары.

Муж с охотниками отправился в Кок-Су сегодня, рассчитывая по пути поохотиться, мы же нагоним их завтра.

12 июля. Вышли сегодня из Бар-Дабы около 8 ч. утра; ночь была теплая: минимум показал + 1,5 °С.

По мере удаления от Бар-Дабы, растительность становится крайне бедною; попадет лишь ревень да терескен, который заменяет здесь топливо. Терескен — низкий кустарник, вид которого несколько напоминает полынь; корень этого растения гораздо сильнее развит, чем верхние части его: «терескен» по киргизски значит — растение наоборот. Горит оно целиком, с корнями и зеленью.

Рис. 53. Куча терескена.

Подъем к перевалу Кизил-Арт идет пологими зигзагами прекрасно разработанной дороги, которая приводит на высшую точку его почти незаметным образом. Средства, заготовленные против бедствий, долженствующих постигнуть нас на перевале, к счастью, никому не понадобились; один Б. торопился ехать далее, уверяя, что его тошнит. Высочайшая точка перевала обозначена двумя грудями камней, а самое место киргизы, очевидно, почитают священным, судя по массе наваленных здесь черепов и рогов архаров и кииков, которые являются своего рода жертвоприношением; к воткнутым в камни веткам привешены всевозможные лоскутки, тряпочки и конские волосы. Тут мы остановились, чтобы закусить и записать показания барометров.

Еще задолго до перевала почва покрыта большим количеством альпийских цветов, скромных, маленьких, но удивительно милых; все они растут крошечными кустиками, на которых, словно звездочки, мелькают. белые, розовые, бледно-лиловые цветки.

Рис. 34. Стоянка в Кок-Сае.

За перевалом картина резко меняется: перед нами развернулась обширная долина, всю ширину которой от края и до края занимало русло реки Кок-Су (или Кок-Сай — зеленый ручей), в настоящее время почти

пересохшее: лишь небольшие ручейки бороздили его кое- где . По этому руслу идут протоптанные тропинки. Горы, окаймляющие эту долину, представляют странную, не лишенную своеобразной красоты, но дикую и пустынную картину: лишь кое-где небольшими куртинами растет редкая, чахлая травка, все остальное пространство голо и пусто. Здешние горы лишены тех резких, ярких, бьющих в глаза красок, которые поражали нас еще недавно: на всем лежали мягкие, полинялые, серовато-желтые тона. Та же мягкость и неопределенность видна в самых очертаниях их куполообразных вершин, на которых кое-где залежавшийся снег выделяется ярким пятном. Сверху печет солнце, сзади с снегового хребта дует резкий ледяной ветер. Сухость воздуха чрезвычайно велика: пересыхают горло и губы, стягивает кожу лица и рук. Топлива нет совсем и его пришлось захватить с последней стоянки.

Около наших юрт шныряют киргизы, привезшие их для нас с Мургаба; внешность их, также как и костюм несколько отличаются от виденных нами доселе.

12 июля. Минимум за эту ночь показал — 12° С. Утром все было покрыто инеем, реку затянуло льдом. Часов в 8 двинулись для 30- верстного перехода к северному берегу оз. Кара-Куль. Солнце ярко сияло, было тепло, хотя временами и дул порывистый, холодный ветер. Речная галька перемешивалась здесь с леском и щебнем и образовала твердый грунт, по которому лошади шли словно по паркету. В этой области не имеющей стока, ветер, вода и атмосферные явления, веками и дружно производят свою разрушительную работу, стремясь сгладить и разровнять все шероховатости, выступы и углубления. По-прежнему безжизнен общий характер местности, над которою опрокинулся густо синий свод неба, светлеющий к горизонту и почти черный к зениту; нигде ни облачка.

Невольно приходит в голову сравнение с преддверием Дантовского ада, до того все пусто и безнадежно кругом; впечатление это, усиливают в изобилии встречающиеся черепа и кости павших лошадей, погибающих, вероятно, зимою во время буранов: нас окружала характерная картина Памиров, «Крыши мира».

Рис. 35. Вид на озеро Кара-Куль с перевала Уй-Булак.

Легкий подъем привел нас на небольшой перевал Уй-Булак, с гребня которого нам бросилась в глаза ярко синеющая на горизонте полоса. Словно, по желтоватому пыльному фону, громадною кистью проведен мазок ярким кобальтом: перед нами лежало оз. Кара-Куль, то самое, о котором мы едва дерзали мечтать, отправляясь в свое путешествие. Виден нам был Лишь небольшой клочок озера, так как с северного берега вся ширь его закрывается гористым полуостровом, перерезывающим его поперек. Лагерь пришлось, к сожалению, раскинуть вдали от озера, так как ближе к нему не было пресной воды. Сейчас же по приезде на месте стоянки слегла Н. П., простудившаяся, вероятно; накануне в Кок-Сай, когда после выпавшей крупы, в холод и сильный ветер отправилась гулять в тонком непромокаемом плаще.

Нездоровье её грозило принять серьезный оборот, судя по сильно повышенной температуре и мучительной боли головы и всего тела. К утру ей, однако, стало легче, благодаря энергичным мерам, принятым доктором.

13 июля. Минимум за ночь —6 °С. Мои глаза несколько пострадали; пришлось вооружиться дымчатыми консервами.

14 июля. Ночь сравнительно тёплая — 3,5°С. Значительная высота, на которой мы находимся, дает себя чувствовать лишь легкою, но постоянною головною болью.

Наши караванные животные нашли уместным дать себе сегодня отдых от обычных, принудительных трудов и с этою целью разбежались по окрестным горам; но к сожалению расчеты их не согласовались с нашими, а потому их, хотя и поздно, но переловили, навьючили и заставили перекочевать на южный берег озера. Особенно сетовать им, впрочем, было не на что, так как переход был короткий (всего 17 верст). и идти приходилось по ровному, твердому грунту. Вчера М. М. вернулся с экскурсии к озеру, с богатою добычею: в озерном иле оказалось значительное количество мелких рачков, красных и черных, а несколько далее берега ему удалось, наловить мелких рыбешек, по-видимому мальков, с вполне ясно определившимися подробностями. Не имея в своем распоряжении лодки, он, к сожалению, не мог сделать исследований посредине озера, на более глубоких местах. Многие авторитетные голоса категорически отрицают существование рыбы в оз. Каракуль, допуская в нем органическую жизнь вообще лишь в незначительных размерах. Но эти мальки? Это рыбы — несомненно.

Рис. 36. Обрывы и осыпи конгломерата по пути к озеру Кара-Кулю.

Обилие на озере бакланов и чаек как будто также доказывает, что они именно в нем находят источники питания [\[27\]](#).

Почва пропитана солончаками, соли выступают всюду, вокруг каждого болотца; озеро окаймлено белой полосой солей, целые площади покрыты ими как снегом. Растительность скудная.

15 июля. По пути из Бар-Дабы на Кок-Сай охотники наши встретили маленькое стадо архаров, увидав его на расстоянии всего сотни шагов, и подняли невероятную пальбу: палил М — в, палил муж, а архары стояли на месте, с изумлением на них смотрели и наконец медленно удалились, не потеряв ни одного животного, не только убитым, но даже и раненым: наши немроды были сконфужены. А не мешало бы пополнить дичью наши запасы: говорят, что вплоть до самого озера Ранг-Куль мы не найдем, ни юрт, ни провизии. Вчера киргиз добыл нам всего одного барана, мясо которого должно прокормить нас, рассчитывая на маленькую задержку, дней 6. Очень кстати поэтому пришелся один из двух гусей, убитых сегодня мужем; другой поступил в

коллекцию М. М., которую удалось пополнить еще двумя куличками и прекрасною чайкою; в желудке которой кроме мелких рачков, ничего интересного не найдено.

Картина кругом нас характерно памирская: плоская песчаная долина, окаймленная куполообразными горами, голыми, унылыми, желто-серыми; порывистый ветер поднимает тучи пыли и песку, и пылью этою, как кисею, затянуто все кругом: и эти горы, и мелькающее вдали озеро.

Только сейчас удалось мне побывать на берегу самого озера. Вблизи оно производит впечатление морского залива: тот же шум прибоя, только более частого, тот же живительный своеобразный, запах, тот же горько-соленый вкус воды. Так же, как там, у далекого беспокойного моря, и эта мертвая природа ожила и осмыслилась близ вечнодвигающегося, изменчивого и словно дышащего озера.

Прежний бассейн озера занимал, по-видимому, гораздо большее, чем теперь, пространство, в чем убеждает даже самый поверхностный обзор местности; в расстоянии не менее версты от теперешнего озера, грунт становится рыхлым и илистым (серовато-зеленого цвета), с обильными прослойками слежавшихся водорослей; попадаетея также масса ракушек.

Рис. 37. Берег оз. Кара-Куля. Вид на восток.

По мере приближения к берегу, под копытом лошади слышатся пустоты, в которые нога ее нередко и проваливается; часто встречаются углубления, по-видимому провалы, на дне которых стоит вода. На самом берегу озера громоздятся обширные бугры, подмываемые водой с одной стороны и отлого спускающиеся к суше с другой; поверхность их состоит из того же ила с еще большим количеством водорослей, уже почти обратившихся в торф; те же пустоты встречаются и здесь. Сойдя с лошади, чтобы пробраться поближе к воде, мне с удивлением пришлось убедиться, что весь этот высокий, бугристый берег состоит из мощного (в несколько метров толщины) пласта льда, прикрытого грунтом лишь аршина на полтора: в разрезе береговых бугров, подмытых водою, это было видно самым наглядным образом. И далее вправо и влево тянулся этот высокий берег на своем ледяном фундаменте, местами казавшемся черным от налипшей пыли и грязи, местами искрившемся на солнце всеми цветами радуги. Кажется можно предполагать, что все пространство, с которого начинается илистый грунт, покоится также на слое льда; таянием последнего и объясняются, вероятно, как пустоты, по звуку судя, занимающие большие пространства, так и большие и маленькие ямки, озерца и болотца, образовавшееся вслед ствие провалов и содержащие всюду пресную воду.

Охотники вернулись, с триумфом везя самца архара; им они надеются восстановить свою пошатнувшуюся репутацию, хотя должны были сознаться, что и этот архар дался им нелегко. Первым увидел стадо, шагах в 800, конечно киргиз, остальные заметили его лишь, когда оно двинулось с места. Все, по обыкновению,

стремились выпустить возможно большее количество зарядов, что и исполнили блестяще: сделано было 47 выстрелов, по-видимому, безрезультатно. Тот же киргиз, однако, своим соколиным глазом заметил, что одно животное должно было остаться на месте; и животное действительно оказалось на месте, хотя вследствие обилия полученных им пуль приписать его гибель тому или иному из участников охоты, совершенно невозможно.

16 июля. Ежедневно с 11 до 6 час. дня дует холодный, порывистый ветер. Лица наши утратили всякое благообразие, благодаря вспухнувшим носам и потрескавшимся губам. Одышка продолжает несколько надоедать, хотя в этом отношении и замечается улучшение; при сморкании появляется кровь. Приходится отказаться от нашего любимого «палау», так как рис на этой высоте не разваривается, несмотря на усиленное кипячение; вода закипает при 83⁰С. [28].

Направляясь отсюда к оз. Ранг-Куль, берем с собою живых баранов, которых вместе с молоком ухитрился добыть иллик-баши [29]: он ездил за ними куда-то в горы, более чем за десять верст.

В нашем с Н. П. распоряжении состоят два казака, прикомандированные к нам распоряжением генерала Ионова; оба еще совсем молодые ребята, почти мальчишки (хотя и оказались женатыми), оба из одной станицы и одновременно ушли на службу. Они трогательно дружны и скучают друг без друга так же, как наши ослики. Петр — белокурый, розовый, мечтательный и неповоротливый малый; друг его Дмитрий — русский, загорелый, проворный и сообразительный; он исполнен уверенности в том, что не боги горшки обжигают, а потому на фразу, начинающуюся словами: «сумеешь ли...», он торопливо и не слушая продолжения отвечает неизменно: «так точно, сумею» — и ни разу не ошибся. Помимо разных

услуг в дороге, он отвечает и за горничную, и за прачку: с последнею обязанностью он справляется мастерски, особенно если принять во внимание, что белье стирается в холодной воде его, впрочем, очень конфузит необходимость, за неимением утюгов, подавать дамам неглаженое белье. С Петром он обращается нежно и покровительственно.

Рис. 38. Ручьи на галечном русле.

Сегодня достойным образом отпраздновали мои имен ины: солдатам и казакам поднесли водки и дали по новому серебряному рублю, после чего уже для себя устроили настоящее пиршество: М — в торжественно извлек бутылку отличного Самаркандского вина, и мы соборне принялись за изготовление шоколада, для которого киргиз еще утром доставил нам молока (конечно кутасового); каждый по мере сил и умения скоблил шоколад, которого и извели несколько плиток; остальное предоставили искусству Мурзы и расселись в кружок в ожидании редкого угощения. Явился наконец Мурза с пустыми руками, но с самой предупредительной улыбкой и радостно сообщил нам, что «молоко свернулось» (свернулось). Крик негодования и недоверия встретил это заявление и кастрюля с шоколадом была

затребована для проверки: в мутной желтой воде плавал коричневый творог, — шоколадом этого конечно назвать было нельзя. Но решимость потребить «пирожное» в той или иной форме, была в нас так непоколебима, что просто «шоколад» был переименован в «шоколадный крем» и под видом такового съеден, не без некоторого, впрочем, риска для здоровья.

Каждую ночь бывают небольшие морозы; снега до сих пор однако не было, хотя по уверению полковника З — го, четыре раза побывавшего на оз. Кара-Куль, ему ни разу не удавалось избежать снежного бурана, даже и в июле.

17 июля. Сглазила. Вчера еще я тешила себя надеждою, что снежные бураны в июле на Каракуле — миф; сегодня же, выйдя из юрты в 6 час. утра, чтобы умыться в нашем будуаре-палатке, я не узнала местности: все кругом было покрыто снегом, который продолжал падать крупными хлопьями; гор не было видно— их словно задернуло белою пеленою. Снег, впрочем, был мокрый; и минимум за ночь показал +3,5 °С. Часов в 7 несколько просветлело; как-то сбоку, точно одним глазом глянуло солнце, а через полчаса от снежной картины не осталось и следа, только горы были еще посыпаны снегом до подошвы. Буран — не буран, а снега навалило изрядно.

Глава VII.

Муз-Кол и его снег. — Перевал Кизил-Джиик. — Озеро Ранг-Куль; киргизский роман; дикие гуси; осмотр пещеры; легенда о белом петухе; Чиракташ. — В гостях у киргиза. — Долина Бюрулюк. — Памирский Пост.

Двадцатипятиверстным переходом пришли мы сегодня на Муз-Кол (ледяное озеро).

Рис. 39. По пути к Муз-Колу.

Почти половину пути шли по Каракульской котловине; дорога представляла ровный, пологий подъем, лошади отдохнули, шли весело, и четыре часа промелькнули незаметно. Сурово было ущелье, по которому мы двигались, хотя и замечается некоторое разнообразие в красках: здесь были уже не те неопределенные тона, к которым привык наш глаз за последнее время, осыпи все еще куполообразных гор блестели и переливались на солнце черными, зелеными и "темно-фиолетовыми" цветами.

Рис. 40. Муз-Кол и его снег.

Воды за весь переход не было.

Но вот начался спуск в котловину Муз-Кол и первое, что нам бросилось в глаза, было дно долины, во всю ширину покрытое снегом. Не знаю, чем можно объяснить то обстоятельство, что снег в этой долине не тает круглый год; нигде кругом, даже на ближайших горах, не было и признака снега, здесь же он лежит толстым, плотным пластом, из под которого сочится вода маленькими ручейками, сбегаящимися затем в одно русло. По словам местных жителей, близ «Ледяного озера» почти непрерывно дует сильный, холодный ветер; нам же, очевидно, посчастливилось, и когда, минут десять спустя, мы подъезжали к приготовленным для нас юртам, было совсем тихо. Нас встретил «амин» [\[30\]](#), о сане которого свидетельствовала лишь болтавшаяся на груди его медаль; по виду же и костюму он не отличался от сопровождавших. ему киргиз. Он же должен был сопровождать; нас далее. До оз. Ранг-Куль нам предстоит сделать; два перехода верст по 35, тяжелых потому, что, мы не найдем, ни дров, ни баранов, ни молока; впрочем, старшина обещает доставить на следующую остановку; все необходимое.

Рис. 41. Голова архара.

Завтра доктор и Б. отправляются усиленным маршем на Памирский Пост, чтобы оттуда кратчайшим путем добраться до цивилизованных мест, так как свободное время и того и другого ограничено; нам же хочется побывать на оз. Ранг-Куль. Как будто страшновато остаться без доктора в путешествии, где риск неизбежен и, на всякий случай, доктор поделился с нами перевязочными средствами и всевозможными медикаментами.

Рис. 42. Стоянка близ перевала Кизил-Джиик.

18 ию ля. Охотники наши выехали чуть свет, мы же должны были встретиться с ними на ночевке, перевалив через Кизил-Джиик. Перевал Кизил-Джиик — высочайший из встречавшихся нам до сих пор (15,300 фут); горы его состоять из красного песчаника, дорогу заменила узкая тропинка, подъем довольно крут. По мере приближения к вершине ветер крепчал, навстречу ползла беловатая туча и, наконец, повалил мокрый, крупный снег. На самой высшей точке, перевала разразилась настоящая метель, снег; с крупною больно хлестал по лицу и залеплял глаза; холодно, впрочем, не было, и снег таял тотчас же.

Переход наш подходил к концу, мы продрогли, устали, проголодались, но оставалось сделать еще не сколько верст, чтобы спуститься с перевала в лощину к воде, где приходилось довольствоваться палаткою в ожидании вьюков с юртою, и эти последние версты показались нам очень долгими. Из снеговой тучи мы выбрались, проглянуло даже солнце, но не надолго: каждые 10–15 минут короткие ливни барабанили со всех сторон в нашу палатку, в которой мы уселись потеснее, чтобы согреться; чай помог нам: мы пригрелись и задремали. Лишь часов в 9 вечера прибыл наш караван, а за ним и охотники, также попавшие на перевале в буран, но тем не менее убившие трех архаров, из которых два молодых.

19 июля. Сегодня утром все опять оказалось покрытым снегом, который лишь в восьмом часу утра начал таять; минимум за ночь показал $-3,4$ °С. К 9 час. солнце уже ярко светило и пригревало порядочно. Нам предстояло сегодня сделать до оз. Ранг-Куль, по словам проводника, верст 36, но их оказалось более: версты здесь не мерены, дорога не разработана, да оно, пожалуй, и лишнее, так как дорога всюду, во все стороны, плотная и ровная как стол; лошади идут шутя.

Оставалось пройти еще верст 7, когда из-за ближайшей кулисы гор стали вырисовываться скалистые вершины хребта, стоящего по ту сторону озера. По мере приближения, коридор, по которому мы ехали, расширился и мы наконец попали в обширную котловину; подойдя к самому протоку, соединяющему оба озера, мы завернули влево, огибая Ранг-Куль, к тому месту, где рассчитывали разбить лагерь. Ранг-Куль состоит из двух озер: Шор-Куль и собственно Ранг-Куль; оба озера соединяются протоком [\[31\]](#); замечательно, что эти рядом лежащие озера-близнецы, соединенная между собою вышеупомянутым протоком, резко отличаются между собою по составу воды: в Шор-Куле вода горько-соленая, как в Кара-Куле, тогда как в Ранг-Куле она совершенно пресная.

После мертвенного, тоску наводящего однообразия Памирских гор эта долина производила чарующее впечатление. Озеро вытянулось в длину верст на 5; к одному его берегу близко придвинулись горы общепамирского характера, округлые и лишенные растительности; по другую же его сторону тянулась широкая ровная полоса земли, покрытая, хотя и тощею, но все же годною для корма травой, и за этою полосой тотчас же поднимаются скалы, почти отвесные, лиловатые, резко выделяющиеся на голубом небе своими зубчатыми гребнями. Скалы эти, судя по виду их, составляли когда-то одно целое, одну стену, разделившуюся (вероятно, размытую) впоследствии на четыре отдельные части с глубокими между ними лощинами; эти скалы изрыты бороздами и пещерами. Когда вечером из-за гребней их показалась полная луна, осветившая всю ширь задремавшего озера с раскинувшимся на берегу его лагерем, картина казалась неправдоподобною и напоминала театральную декорацию волшебного балета.

Рис. 43. Скалы на берегу оз. Ранг-Куля.

На месте нашей стоянки юрты еще не было: наш караван мог придти лишь часа через четыре, а потому мы расположились пока на кошме [32], на которой величественно принимали депутации. Сопровождавший нас старшина с киргизом помчались куда-то в горы, откуда, словно по волшебству, появились представители власти, — местный старшина и кази [33], и капитала, — здешний богач киргиз; их сопровождало несколько мелких сошек.

Рис. 44 Оз. Ранг-Куль.

Ударили нам челом достарханом, в котором главную роль играл каймак из кутасового молока; это нечто в роде мягкого масла из топлёных сливок, вещь очень вкусная, но и очень жирная.

Мы узнали впоследствии, что кази, приехавший с этою компаниею, — бывший старшина и что он был смещен за какую-то неправильность, допущенную им в одной романической истории, наделавшей между здешними киргизами не мало шума, несколько лет тому назад. Простой киргиз рабочий, неказистый с виду и бедный, но хороший музыкант, выкрал дочь своего богача хозяина, успев овладеть её сердцем и согласием. Беглецов поймали, при чем разгневанный отец связал своего оскорбителя и отвез в горы, где и бросил связанного, а следовательно и обреченного на гибель; девушка, однако, отправилась спасать своего возлюбленного, нашла его, носила ему пищу и дала ему возможность спастись. Обиженный музыкант прибежал на Памирский Пост и, как был в одной рубашке (в ноябре), бросился с жалобою к начальнику Поста. Вызвали для суда девушку, отца, свидетелей и, наконец, обратились с неофициальными расспросами к самой

виновнице всей этой кутерьмы, чтобы узнать от неё, желает ли она выйти за муж за своего похитителя. «Если не скажешь отцу, таксыр (господин), то желаю», заявила она: сознаться в этом при своих она не смела, так как это желание было бы равносильно признанию, что и похищена она была не против воли, а это позорило бы честь её и семьи. Суд постановил предписать отцу, во-первых, поженить романическую парочку, а во-вторых, не только отказаться от обычного калыма, но и уплатить зятю за истязание значительный куш: приговор, под которым, вероятно, охотно подписался бы и сам Соломон, блаженной памяти.

Кроме мелких рачков, М. М. не нашел в озере ничего живого, зато поверхность, его кишит гусями, целые стайки которых бороздят его во всех направлениях; особенно же много собирается их по зорям на болоте в конце озера. Почва кругом солончаковая, даже на горах все борозды, по которым стекает дождевая вода, окаймлены отложениями солей, словно снегом.

20 июля. Сегодня ясный солнечный день, тепло, тихо; на минуту мне эта погода напомнила лето, наше, русское лето; озеро отражает в себе и голубое небо с облачками, и весь хребет окаймляющих его гор.

Рис. 45. Характерный Памирский перевал.

Муж занялся было съемками на ближайшей горе и, покончив с одной стороной озера, водрузил белый флаг с тем, чтобы повторить съемку с разных мест, но гуси так раздражили его, плавая невдалеке целыми стаями, что бросил он свое благоразумное намерение, взял ружье и отправился на болото.

Среди озера есть остров, который значительно более приподнят над поверхностью воды, чем берега самого водовместилища. На нем, по словам М — ва, — такая масса гусей, что их можно почти ловить руками, но за неимением лодки, пробраться туда, конечно, нельзя; там же гуси выводят детенышей, кладя яйца прямо на песок, так? что солдатам, ухитрившимся перед Пасхой переправиться на остров в квашне [\[34\]](#), удавалось набрать обильный запас яиц.

21 июля. Сегодня предпринимали экскурсию для осмотра одной из пещер, в рассказах киргизов окруженной ореолом таинственности. М — в побывал в ней года 2 — 3 тому назад, и его рассказы также возбудили наше любопытство. Находится она в одной из прибрежных скал и забираться в нее приходится из бокового ущелья. Большую часть подъема можно, хотя и с трудом, сделать на лошади; после, примерно, трети пути глинистый, поросший травой грунт заменяется сначала крупным камнем, а затем сыпучим острым щебнем, который по крутому уклону сыплется из-под ног лошади и до крайности затрудняет подъем; животные останавливались на каждых десяти шагах, чтобы перевести дух (надо помнить, что высота здесь весьма значительна: свыше 14,000 фут). Щебень стал, наконец, так глубок, а подъем так крут, что последнюю треть пути пришлось делать пешком. Шли мы долго, заботясь преимущественно о том, чтобы по возможности сохранить дыхание, а потому ежеминутно останавливались. С завистью и удивлением смотрели мы на солдат охотников, которым этот подъем, очевидно,

казался шуткою: они стали подниматься гораздо позднее нас, как всегда пешком, догнали и чуть не вприпрыжку обогнали нас, точно под ногами у них находился не сыпучий щебень, по которому приходилось местами лезть на четвереньках, а ровная дорога. Напомню, что мне давно уже пришлось облечься в охотничьи сапоги мужа, и они словно привинчивали меня к земле своею тяжестью, даже и на ровном месте: не мудрено поэтому, что, подползая к цели нашей прогулки, я упала духом и уже не надеялась более обрадовать отечество своим возвращением.

За эту экскурсию нам особенно часто приходилось слышать зловещий свист горной индейки (*Megaloperdix nigelii*), которую местные жители называют «улар»; свист этот напоминает завывание ветра в трубе и производит жуткое впечатление. Улар водится лишь в горах на значительных высотах: ниже 9—ю тысяч фут его встречать не приходилось. Замечая опасность, он не летит, а предпочитает бежать и притом всегда, кверху, в гору. Для коллекции не удалось, к сожалению, добыть ни одного экземпляра, так как встречать уларов приходилось лишь на охотах за архарами и кииками, и в тех же, приблизительно, местах, где держатся последние; в виду же возможности спугнуть более ценную дичь, уларов не стреляли. Мясо их, говорят, отличается чрезвычайно нежным вкусом.

У входа в пещеру зажгли взятые с собою свечи и вошли: передняя часть её, очень широкая, сводчатая, вся усыпана толстым слоем птичьего помета, кажется исключительно голубинового: голубиных гнезд здесь множество [\[35\]](#). Широкий вначале коридор, несколько суживаясь, делает поворот и начал круто спускаться; темнота наступила полная, идти приходилось по нагроможденным большим камням, на всем лежал толстый слой пыли, потревоженной нами и лезшей в глаза, нос и покрывавшей наше платье; идти было все

труднее, так как проход стал настолько узким, что в одном месте пришлось ползти на четвереньках по камням и ныли. Любопытного кругом было мало, если не считать нагроможденных друг на друга камней. В одном месте однако попали на след пребывания здесь человека: обрывки кошм, остатки костра, людские черепа и рога кииков валялись на земле. Особенно удивило нас следующее обстоятельство: по очень круто наклоненному камню, на слое пыли виднелись следы голы, словно человеческой ступни; возможно, что здесь жил медведь, так как человек не мог бы взобраться по такому камню; его же присутствием, может быть, объясняются разломанные на части черепа кииков с отделенными рогами и притом в таком узком проходе, в который живой киик со своими рогами пролезть заведомо не может.

Я смалодушествовала и вернулась с Ташметом назад, к выходу, боясь главным образом обратного крутого подъема по камням. Спутники мои также недалеко ушли от места, где я их оставила: спустившись еще немного, они достигли, по-видимому, конца пещеры, но оказалось, что наверху есть щель и ход дальше; туда, однако, проникнуть они не решились. В одной из маленьких боковых пещер М — в нашел обломки большой деревянной ореховой точеной чашки, обрывок темно-красной шерстяной материи с узором, выложенным узкой шелковой желтой ленточкой, обрывки кошм и несколько человеческих черепов. М — в несколько лет тому назад, уже посещал эту пещеру, заинтересовавшись предположениями киргизов о присутствии в ней человека, и действительно видел человеческий след, идущий от входа пещеры вглубь, но не возвращающийся обратно (благодаря, вероятно, существующему второму выходу). След этот и теперь он нашел сохранившимся, также как и следы, оставшиеся от первого его посещения: очевидно, с тех пор сюда

никто не заглядывал. Трудно объяснить присутствие людских черепов; два из них, так же, как и пару великолепных рогов киика, М — в отдал М. М.

Спуск по горе обратно был сравнительно легкий: нога глубоко уходила в щебень и шли мы чуть не бегом. Добравшись до места, где оставили лошадей, стали спускаться верхом, зигзагами и скоро были дома.

В другой пещере, хорошо видимой из нашего лагеря, по рассказам киргизов лежат несметные богатства, охраняемые белым петухом. По словам существующей легенды, один смельчак задумал пробраться в нее, чтобы овладеть сокровищами, но скала представляет отвесную стену, пещера высока. Тогда находчивый герой, недолго, думая, разрубил на мелкие части свою лошадь, куски теплого мяса немедленно примерзали к скале (дело было, зимою), и по этим кускам, как по лестнице, он добрался до самого входа пещеры. Но цербер петух не зевал: он налетел на дерзновенного, покусившегося на его сокровища, и так нелюбезно встретил его, что тот полетел вниз и разбился до смерти.

В качестве естествоиспытателя М. М. привык заниматься исследованиями и не может успокоиться до тех пор, пока не докопается до самой сути дела. С белым петухом свести знакомства ему не удалось (хотя он и похвалялся, что непременно изловил бы его своим пинцетом и упрятал бы в пробирку): забраться к нему по способу героя легенды было, и убыточно, и не по сезону, а иных приспособлений под руками не оказалось; зато он решился исследовать другую пещеру Чирак-Таш [\[36\]](#), находящуюся верстах в 5 от нашего лагеря. Вчера им в обществе Н. П. и Андрея была предпринята экскурсия с этой целью. Н. П., однако, предпочла остаться у подножия скалы и рассказывала потом, что снизу и на известном от горы расстоянии она сама видела в пещере довольно яркий, ровный, будто фосфорический свет.

Андрей отправился брать гору приступом спереди, сняв для этого предварительно сапоги; М. М. же, обойдя скалу, которая в этом месте довольно узка, смекнул приблизительное положение пещеры и полез с задней стороны. С большим трудом добрался он до намеченного им и в нем... как в окне увидел озеро и влезшего с противоположной стороны Андрея. Это объясняло все: в скале имеется сквозное отверстие, позади которого на недалеком расстоянии находится глинистая желтая гора, ярко отражающая солнечный свет, и снизу этот свет кажется исходящим из самой пещеры: потому-то он и является таким спокойным, немигающим; в лунные ночи тот же эффект производит луна. Внутри эта пещера, по словам М. М., не представляет ничего отличного от остальных: нагроможденные камни, толстый слой пыли, несколько сталактитовых образований; света самостоятельного, кроме проникающего извне, нет.

Как ни жаль было расстаться с мыслью о таинственно светящемся камне, пришлось признать резонность доводов М. М.

22 июля. Рано утром наши охотники отправились сокрушать кииков. Н. П. поехала прокатиться с М. М., я же осталась дома, чтобы заняться починкою моего дряхлеющего от непосильных трудов костюма. Не успела я однако пришить оторванного кармана, как в дверях юрты увидела мужа, закрывавшего глаза платком и нащупывавшего вход рукою: накануне вечером он засорил глаз искрой от костра и еще утром он его не беспокоил, но затем глаз так разболелся, что ему пришлось вернуться с охоты домой, закрыв глаза и положившись на честное слово своего Серого; этот конь, впрочем, так умен, что довериться ему можно. Боль была очень сильна, но после усиленного прикладывания компрессов несколько стихла.

М — в со своею командою тем временём продолжал охоту и им посчастливилось напасть на громадное стадо кииков, из которых два козла они убили и привезли, третий был ранен в живот, но ушел, и они не могли догнать его даже по кровавому следу. Одного из привезенных козлов муж выпросил у М — ва для скелета в московский музей, в котором такового не имеется. Обчистка костей и выварка их была поручена одному из солдат, Мустрякову, специалисту и великому искуснику также и по сниманию шкур и препарированию их для набивки чучел. Коллекции М. М. все разрастаются, и он отвоевывает у нас с Н. П. один яхтан за другим: последние освобождаются по мере уменьшения запасов провизии.

Мы, впрочем, и не ропщем, так как коллекции становятся действительно интересными.

23 июля . Минимальный термометр показал за ночь —5°; часов в 7 утра было уже +15⁰, а в 10 ч. — совсем жарко. Выступили по направлению к Памирскому посту, до которого остается, кроме сегодняшнего, еще один переход. Приблизительно на пол-пути жил тот «кази», который являлся к нам в Ранг-Куль; он вышел навстречу нам и убедительно просил зайти к нему напиться чаю; отказываться было неудобно, и мы сошли с лошадей. Из юрты. показала уже немолодая киргизка, с поклонами приглашавшая нас войти. Небольшая загородка отделяла правую от входа часть юрты, служащую кладовою для провизии и всякой утвари; против входа по стене сложены кошмы, одеяла и сундуки, а в середине юрты, под дымовым отверстием жарко пылал костер с висящим над ним громадным котлом, в котором что-то превкусно шипело. С правой же стороны. близ перегородки разостлана шкура киика; внутренняя сторона её играет роль кухонного стола, около которого хлопотало три женщины; гостеприимство требует, чтобы угощение непременно готовилось на глазах гостя. Нам

подали чаю в «пиола» [37] а то, что шипело в котле, оказалось квадратными кусочками теста, которые бросались в кипящее масло и затем вылавливались оттуда ложкою: получалось нечто подрумяненное, легкое и удивительно аппетитное.

Я вообще нахожу, что киргизы едят, если и не разнообразно то чрезвычайно вкусно: их каймак, например, несмотря на присутствие большего количества кошмяных волос, пользовался все время у нас большою популярностью, а в области приготовления баранины, они вполне артисты. Роль масла в киргизской и сартской кухне играет бараний курдюк, достигающей нередко 35–40 фунтов весом; не толстый слой жира покрывает также и спину животного до шеи. За невозможностью в большинстве случаев доставать масло, наша еда также готовилась на этом жире, и я должна признать, что он не только хорош по вкусу, но и вполне удобоварим для желудка. Наиболее употребительная кушанья, приготовляемые из баранины, следующие: «палау», о котором уже было упомянуто; «шашлык», приготовляемый на вертеле; «куардак», для которого нарезанное небольшими кусочками мясо жарится в жиру, при чем последний вместе с мясным соком и небольшим количеством воды образует очень вкусную подливку; затем «бёш-бармак», в котором к мясу прибавляются кусочки теста; это кушанье едят руками, отчего оно и получило свое название (бёшь — пять; бармак — пальцы). Существует еще один и, кажется, наиболее гастрономический способ приготовления мяса, который нам не удалось испробовать: цельного выпотрошенного барана, с зашитым внутри его курдюком кладут, не снимая шкуры, в ямку на горячие уголья; засыпав его слегка землею, разводят сверху костер, который и поддерживают определенное время. Туша сохраняет таким образом в себе весь сок и жир, и

люди, попробовавшие изготовленную этим способом баранину, говорят, что она замечательна вкуса.

Одна из хлопотавших по хозяйству женщин была сестрою хозяина, жившей с своею семьею в соседней юрте; обе остальные были женами хозяина: старшая— средних лет и недурна собою, вторая — совсем еще молоденькая женщина с резко выраженным киргизским типом, но довольно милостивая. «У хорошего мужа младшая жена повинуетя старшей, — говорил хозяин, своим тоном давая понять, что у него так и ведется, — а у плохого нередко младшая и поколачивает старшую». В женском киргизском костюме бросается прежде всего в глаза громадный белый тюрбан, из легкой материи, таких обширных размеров, что напоминает своим видом подушку, прикрученную к голове. Женщины уверяют, будто эти тюрбаны не очень тяжелы, но мешают они им несомненно, так как они часто поправляют их руками и даже выработали особую походку, с наклоном вперед и выгибом спины, для того, чтобы не цепляться, в юрте ежеминутно своим убором.

Рис. 46. Киргизские женщины.

Из-под тюрбана с боков висят наушники, заостренные, книзу и обшитые шнурочками и бляхами; на груди и поясе также навешаны бляхи и украшения, на руках надеты серебряные браслеты. Халаты на женщинах ватные и такого же покроя, как у мужчин; толстые сапоги с громадными подкованными каблуками доканчивают их наряд.

Наш хозяин считается богачом: у него больше сотни баранов, верблюды и целое стадо яков. Последние заменяют собою лошадей и коров, верблюды же, кроме своего труда дают еще шерсть, из которой женщины ткут очень теплую и прочную материю. Посидев с полчаса, мы встали с мест, чтобы продолжать путь, и хозяева вышли провожать нас, причем «кази» держал повод моей лошади, а сестра его — стремя.

Полюбовавшись на Ранг-Куле иною, более красивую природою, мы вновь видели перед собою унылые Памирские картины: почва, не то глинистая, не то песчаная, перемешанная с мелким щебнем и твердая, как паркет; растительность— редкие и пучки терескена горы куполообразные; кое- где из мягких очертаний их торчат неразрушившиеся еще скалистые гребни.

После отлогого подъема, мы спустились в большую долину Бюрулюк, названную так вследствие обилия волков, водящихся здесь [\[38\]](#), по пути валяются сотни рог и черепов. архаров, вероятно, смываемых с гор. Местные охотники говорят, что большое количество архаров ежегодно истребляются волками, которые, собравшись в стаи, устраивают на них правильные облавы. Наш переход сегодня невелик, едва в 20 верст. От ежедневного упражнения, у нас развилась почти потребность проводить ежедневно несколько часов в *седле* и *М. М.* опасается даже, что чего доброго, по приезде в Россию ему придется после утреннего чая садиться верхом на стулья. Он уверяет также, что ему в путешествии особенно нравится возможность утром

«едва продрал глаза», не одеваясь (так как и не раздевался), перекатиться со своей спальной кошмы к клеенке, заменяющей нам стол, и получить порцию каши и кружку чая с сухарем, а иногда и со свежую лепешкою.

Рис. 47. Дорога на Памирах.

Подъезжая к намеченной нами остановке, мы еще издали увидели спешно собираемую для нас юрту; когда мы приблизились, около неё суетилось несколько женщин и ребятишек, из которых один, самый маленький, был прехорошеньким пузатым мальчуганом, с широко добродушною мордочкою, невысморканным носом и громадными черными глазами; он очень охотно взял из моих рук кусок шоколада и сахара и все запихал себе в рот с явным удовольствием. Пока мы в юрте пили чай, ребятишки устроили нам серенаду, причем каждый из участников пел самостоятельно, совершенно не интересуясь пением соседа: выходило нечто несуразное, но тем не менее, каждый из них получил по серебряному пятаку, который для них был диковиною, после чего детвора со всех ног пустилась к аулу, ве роятно, показывать свое приобретение. Близ нашего лагеря пасутся стада кутасов [\[39\]](#), громадных и на вид страшных зверей: горбатые, рогатые, с длинными мохнатыми

хвостами, хрюкающие по-свиному, они производят внушительное впечатление.

Сейчас я неудержимо смеялась, наблюдая сцену знакомства кутасов с нашими осликами, которые были для них, вероятно, существами еще невиданными: один по одному кутасы стали выстраиваться перед осликами в шеренгу, тараща глаза на маленькое ушастое животное; последние старались соблюсти свое достоинство и делали вид, что вовсе не боятся, однако, бочком придвигались поближе к юртам, сопровождаемые неотступно толпой удивленных кутасов. Убедившись наконец, что спасенья нет, один из осликов не выдержал характера и залился таким истерическим криком, что привел своих преследователей в окончательное недоумение.

24 июля. Сегодня последний переход, верст в 37, к Памирскому Посту. Охотники отправились особо, к ним же присоединилась и Н. П., надеясь полюбоваться охотой, а мы с *М. М.* и нашей свитой — особо.

Проехали верст 18 по тоскливейшей бугристой местности; вокруг глина с мелкими камнями и щебнем, кое-где пучки терескена; небольшой перевал, спуск в большую котловину, сотни валяющихся архарьих рог; воды нет нигде; солнце печет немилосердно; скучно, а закусить уже время и отдохнуть не мешает. Сошли мы с лошадей и легли отдыхать на острые камни; завтрак наш состоял из холодного куса жареного киика (остальное забрали с собою наши охотники) и черных сухарей; помечтали о чашке чая, удовольствовавшись в действительности глотком воды, которую я всегда вожу в бутылке у седла. Укрыться от солнца решительно негде, а лежать на острых камнях хуже, чем сидеть в седле.

— «Поедемте», сказала я через четверть часа *М. М.* — чу.

— «Поедемте», грустно ответил он мне. Рыжок мой тоже грустно и сонно мотнул головой, и мы двинулись дальше.

Опять небольшой подъем, и перед нами раскинулась широкая долина реки Мургаб. Сверху река казалась синей лентой, берега её поросли густой травой, видом которой Памиры так редко балуют. Мы ожили; тропинка бежит вдали от реки, и опять затрусили мы с горку на горку, по песку и камням, но на душе уже было веселее: вдали мелькала голубая лента Мургаба.

Но вот за нами раздался топот скачущих лошадей, и через минуту нагнал нас муж и Н. П. Им так надоело бесконечное стояние в ущелье в ожидании архаров, охота шла так вяло что они бросили ее и поскакали догонять нас. Мы оживились, бодрее двинулись вперед: близость воды, а следовательно и чая, отдых на траве, а не острой гальке, подгоняли нас. Хотя вдали и виднелся аул, но до него оставалось еще верст 5 и мы предпочли расположиться на берегу реки. Здесь, наконец, осуществились наши мечты о чае, который на этот раз был, впрочем, исключительно скверен, так как *кипятился* в железном ведре. Мургаб— река довольно широкая, с быстрым течением; но в противоположность горным рекам, которые мы видели за этот месяц, она не бурлит и не мечется, а спокойно и ровно катит свои молочно-голубые воды.

Рис. 48. Памирский Пост издали.

Верстах в 8 от нашей остановки, у самого Памирского Поста, сливаются две реки: Ак-Су и Ак-Байтал и, слившись, получают название Мургаба, который есть одно из верховий Аму-Дарьи.

Через час мы подъезжали к Посту; здесь долина замыкается голыми, неприятными горами, зелени нет, если не считать кочковатого болота под самыми стенами укрепления. Последнее сооружено на высокой насыпи, окруженной глинобитными стенами и широким рвом: внутри виднеются казармы и жилые дома: все здания одноэтажные, из серой глины, под цвет окружающей природы; Лошади так отвыкли за этот месяц от всяких построек, что подъезжая ко двору укрепления; сильно беспокоились, не хотели входить и вдруг: все четыре кинулись в сторону, причем моя от страха даже упала на колени: она, вероятно, испугались развевавшегося на стене флага; во двор, мимо казарм, они вошли неохотно, фыркали и пятились. Навстречу нам вышел начальник поста, М. А. Н — в, молодой еще человек, радушно сообщившей, что помещение для нас готово, так как он был уже предуведомлен о нашем приезде (киргизы ему рассказали, что кроме остальных, идут «одна марджам», т. е. одна дама, — это; я, и один офицер, — это Н. П., которая прослыла за офицера, вероятно, благодаря своей белой папахе). В нашем распоряжении оказалось три комнаты, в которых мы и расположились с давно невиданными удобствами. Как-то неловко нам было после юрт и кошм ходит по полу, сидеть на стульях и за столом, а всего страннее было спать на постелях с простынями и без платья.

В настоящую минуту, кроме начальника и команды солдат, на посту находились: полковник, заведующий

артиллерией П. и казачий сотник Л — в. Доктор, помещение которого мы занимали, уехал в отпуск.

25 июля. Рано утром получено известие, что завтра сюда прибудет для ревизии штабной генерал в сопровождении офицеров генерального штаба. Большая сенсация; Начальник поста в страшных хлопотах: все чистят, метут, проверяют. После обеда поручик Л — в отправился за 25 верст навстречу генералу. Мы собрались было выступить завтра, так как ничто более нас здесь не задерживает, занимаемое же нами помещение может оказаться необходимым для генерала и его офицеров, но М — ву очень хочется пробыть еще денек, да и хозяева наши убеждают подождать, и помочь им занимать почетного гостя. Решили остаться.

За обедом артиллерийский полковник говорил, что ему неоднократно доводилось встречать на Памирах англичан, которые всякими дозволенными и недозволенными способами стараются проникнуть в русские владения; их, впрочем, и не особенно беспокоят. Однажды был задержан после продолжительного пребывания на русских Памирах заведомый шпион, но при обыске у него была найдена лишь маленькая, не имеющая важного значения карта, все же сколько-нибудь, ценное он успел, очевидно, переслать своим заранее. Его арестовали, и обязав честным словом немедленно отправиться в Маргелан, великодушно отпустили: в Маргелан он едет еще и по ныне. По словам того же полковника, положение солдат сипаев, сопровождавших английского представителя Жерара во время работ разграничительной комиссии было весьма печальным: в зимнюю стужу, в то время, когда наши солдаты одеты в полушубки, длинные тулупы, меховые шапки и валенки, те несчастные щеголяли в коротких бумажных штанах, с ногами обутыми в сандалии и обмотанными до колен шерстяною тесьмой. На них жаль было смотреть: мерзли они страшно; продовольствие их

было нищенским. Не мешает помнить, что рядом, у солдат же на глазах, начальство их путешествует со всевозможным комфортом и роскошью. Английские офицеры и генералы обращались со своими солдатами надменно и до крайности жестоко.

Жизнь обитателей Поста крайне незавидна: судьба закинула этих, еще молодых и сильных людей в такой уголок земного шара, куда всякие сведения извне проникают лишь спустя долгие месяцы: они словно отрезаны от остального мира. Обстановка, в которой им приходится коротать время, крайне скромна, почти убога; кроме нескольких книг, заученных ими чуть не на память, и двух-трех газет, сообщающих давнишняя сведения, читать нечего; свободного же времени у них больше, чем нужно, так как при всем желании, заняться там решительно нечем. Делались попытки культивирования каких-нибудь овощей, хотя бы картофеля, но климат настолько суров, что попытки эти не привели ни к каким результатам. Все, что требуется обитателям Поста для жизни, привозится им из-за сотен верст караванным способом.

До сих пор мы еще не решили, каким путем пойдём отсюда: не хочется идти старою, знакомою дорогою через оз. Кара-Куль, несравненно любопытнее был бы новый путь по р. Ишарт до Кара-Булака, через перевалы Каинды (16.200 ф.), или Кизил-Белес (14.700 ф.), с тем, чтобы пересечь Алайскую долину по направлению к Дараут-Кургану; против этого, однако, маршрута восстал поручик М — в, а за ним и все обитатели Памирского Поста. По их словам, путь этот совершенно неодолим для вьючных животных: тропинки местами настолько узки, что лошади срываются с них в пропасти; на перевале Каинды ген. Ионов потерял более половины вьючных лошадей; о переправе же через р. Мургаб нечего и думать, особенно с верблюдами. Вот что нам предсказывают; все это впрочем говорится по наслышке,

так как лично никто из присутствующих в тех местах не бывал. Зная, однако, по опыту, что не всяким запугиваниям надо верить, принимая во внимание то обстоятельство, что мы не отрезаем себе пути к отступлению и во всякую минуту можем повернуть обратно, мы, кажется, решаем все-таки идти на Пшарт.

26 июля. Генерал-ревизор оказался дутым: вместо него сотник Л — в встретил ветеринарного врача, проезжающего по своей надобности в сопровождении двух киргизов. К обеду подъехал и виновник переполоха. Нас опять пугали карнизамы, переправами и висячими на досках переходами. Когда муж выразил намерение пройти завтра до перевала Пшарт и за ним остановиться на ночевку, все вновь и дружно восстали, уверяя, что до перевала верст 50; когда же он сослался на карты (свою поперстную и маршрутную, принадлежавшую ветеринарному врачу), по которым до спорного пункта значилось всего 28 верст, врач решительно заявил, что все карты врут, что он бывал там не раз и за 45 верст ручается; М — в утверждал, что ни одна вьючная лошадь не одолеет в день этого перехода, а его солдаты-охотники придут только к ночи. С проводниками нам также не везет: Алим-Бай достал было киргиза, который провел по этому пути большой караван и согласился вести и нас, но через час тот же киргиз отказался под *гбм* предлогом, что через Мургаб мы переправиться не сможем, так как «там вода очень толстый» (много воды). Вообще чувствуется настойчивое противодействие нашему намерению идти этим путем. В чем же собственно дело? Запасаемся здесь сахаром и ячменем.

Глава VIII.

Перевал Пшарт. — Охотничья команда покидает нас. — Вдоль реки Пшарт. — Карниз. — Приключение с Андреем. — Переправа через р. Мургаб. — Конечный пункт нашего пути.

27 июля. Вышли довольно поздно, часов в 9 утра, но все же вышли. Верстах в 20 оказался аул из нескольких юрт; туда мы и направились, чтобы закусить и передохнуть. В ауле находились одни женщины, мужчины по обыкновению где-то шатались. Одну из юрт нам сейчас же освободили и мы поспешили укрыться в ней от пронизывающего холодного ветра; зашумел наш кунган, появилась обычная за пуска в виде холодной баранины и каймака. Отдохнув часа два и купив про запас барана, двинулись дальше в сопровождении киргиза в качестве проводника; для этой цели он, кажется, вполне бесполезен, так как не имеет понятия об этом пути, но по крайней мере на его седло взвалили живьем вновь купленного барана.

Не успели мы отъехать 2-3 верст, как увидели мчавшегося нам навстречу керекеша ушедшего вперед каравана: он махал руками, что-то кричал и вообще являл признаки величайшего волнения; наконец, до нас донеслись слова: «аркар, аркар» [\[40\]](#).

Этого, конечно, оказалось достаточным для того, чтобы большая часть нашей компании, не исключая прислуги и даже киргиза с бараном поперек седла, сорвалась с места и ринулась по направлению к ущелью, на которое указывал керекеш; остались только мы с Н. П., да Ташмет с казаком Дмитрием. Однако нам, оставшимся, посчастливилось больше, чем уехавшим: вскоре мы заметили довольно большое стадо архаров, медленно пробиравшееся по гребню горы параллельно

нашему пути: оно, очевидно, заметило опасность, грозившую ему со стороны ущелья. Минут через десять встретилось два других небольших стада, по склону горы поднимавшихся к гребню. Дмитрий воспытал охотничьим рвением и дал по ним не сколько выстрелов, но пули ложились то выше, то ниже, взрывая столбики пыли; стадо каждый раз бросалось вперед, затем приостанавливалось и продолжало подниматься прежним медленным шагом; 9 зарядов выпустил Дмитрий, не обидев ни одного животного. Остальная компания скоро нагнала нас, так и не видав архаров.

Пройдя от аула всего верст 8-9, мы поднялись по небольшому подъему и, к удивлению нашему заметили, что находимся на перевале, служащем и водоразделом: две реки текли с него в противоположных направлениях. Это и был тот самый перевал Пшарт, который должен был, по уверенно М — ва и присутствовавших на Памирском Посту, отстоять от последнего на 50 верст. Карты не ввали, до него действительно было не более 28 верст. Большая часть пути шла ущельем, широким вначале и суживающимся впоследствии; по дну его, с перевала, из бокового ущелья течет р. Пшарт, довольно широкая, бурная, с целым рядом маленьких водопадов — характерно горная река.

Спустившись с перевала, остановились на ночевку; вьюки пришли почти одновременно с нами. Место, выбранное нами, очень не заманчиво: растет исключительно терескен, от непрерывно дувшего ветра хорошей защиты не было. М — в с солдатами дорогой охотился, благодаря чему подошел несколько позднее, убив двух архаров.

28 июля. Сегодня выяснилась для нас причина запугиваний, невозможности найти проводника и пр.: это нужно было М — ву, которому не хотелось идти этим путем. Сегодня утром перед выступлением, он пытался задержать нас на дневку, но так как запасные дни у нас

наперечет, а также в виду возможной необходимости вернуться на Памирский Пост и потерять таким образом несколько дней на обратный путь, согласиться на эту беспричинную остановку было бы неразумно. Только теперь, испробовав все окольные пути и убедившись в их бесполезности, М — в заявил мужу прямо, что к Пшарту он с нами не пойдет, а вернется со своею командою прежним путем, и что только им будто бы уполномочен сопровождать нас. Это была несколько неприятная неожиданность, но ставить наш маршрут в зависимость от этого обстоятельства не виделось необходимости. Опасности каких бы то ни было нападений, при которых потребовалась бы вооруженная защита, не предвидится, а потому мы решили перешагнуть и через это препятствие, продолжая путь без охотничьей команды. Что, собственно, побудило М — ва поступить таким странным образом, так и не выяснилось: бо ялся ли он за безопасность своей команды, или может быть ему надоело передвижение и захотелось поскорее домой, Господь ведает. Больше всего пожалели мы с Н. П. о наших двух казаках, которых М — в почему-то также счел необходимым взять с собою, хотя они под его командой и не находились: все время пути они оба были нам очень полезны.

Вперед подвинулись мы сегодня верст на 20. Характер местности резко изменился, и горы кругом стали скалистыми с зубчатыми гребнями. Мы шли все время по широкому ущелью, дно которого занято руслом реки; Пшарт здесь не широк, но очень извилист и, принимая в себя по пути массу ручьев и речушек, мечется все время от одного края ущелья к другому, становясь нам ежеминутно поперек дороги. Дорога эта неприятна для лошадей, так как идет все время по воде и речной гальке; в час де лали не более 4-5 верст. Сильный ветер дул безостановочно в лицо, но мы уже заметно спускаемся: воздух становится мягче, терескен

кустистее и выше, появилась трава в роде нашего ковыля, и наконец показался древесный кустарник-тальник; это было на высоте около 12000 футов. Видели по дороге след медведя и волчицы с волчонком.

29 июля. Сейчас же за местом нашей стоянки начался какой-то хаос: камни большие и маленькие, острые и круглые, нагромождены друг на друга; казалось, что лошадь не может пройти *здесь*, не переломав себе всех четырех ног; наша русская — так бы конечно и сделала, но на здешнюю можно положиться. Поэтому я в затруднительных случаях предпочитаю давать лошади полную свободу в выборе пути, натяги вая поводья лишь настолько, чтобы поддержать ее, если бы она споткнулась. Истинное удовольствие доставляет мне при этом наблюдать, как животное, вытянув шею и внимательно осматривая дорогу, выбирает наиболее удобный проход, ставя ногу с величайшею осторожностью. На маленьких и безопасных пригорках мой Рыжок (так зовут мою лошадь) имеет обыкновение резвиться и, если его заблаговременно не остановить, он несется под гору и на гору вскачь; зато на крутых спусках он едва передвигается, все время внимательно осматривая дорогу.

Рис. 49. Каменистый путь.

Горы, окаймляющие ущелье, сдвинулись и образовали нечто вроде коридора с громадными отвесными стенами. Выбирать дорогу уже более не приходилось, шли напрямик, поминутно залезая в воду: не считая притоков и мелких рукавов, самую реку пересекли 23 раза. Глубина её не велика и в самых глубоких местах вода достигает лишь брюха лошади, большею же частью она мельче; лошади воды не боятся, и Рыжок, брезгливо обходящий всякую лужицу или грязнее место, идет в воду, нимало не задумываясь, как бы она ни была глубока.

Наш киргиз продолжает ехать впереди, как и настоящий проводник, хотя сведения и таланты его для этой роли совершенно недостаточны; но вот он повернул лошаденку и взволнованно спешит сообщить нам, что дальше «юл йок» (дороги нет). По исследовании действительно оказалось, что нам пересекала дорогу широкая рытвина с совершенно отвесными краями, очевидно промытая водою; пришлось спуститься вниз к реке и лишь там удалось объехать ее. «Мыто перебрались, — думалось каждому из нас, — но вьючные лошади, но верблюды?» Особенно опасались за последних: они тяжело нагружены, их широкие, мягкие подошвы должны были сильно пострадать за этот переход по сплошным острым камням; один из них еще вчера порезать себе ногу, а в случае больших затруднений верблюд ложится и тогда заставить его встать почти невозможно; так и было под Гульчею, где пришлось переменить верблюда.

Обойдя это препятствие, мы остановились, чтобы передохнуть и дожидаться каравана, который следовал недалеко за нами. Место для остановки славное: есть трава и кустарник, есть даже невысокая березки, нежные и стройные, много сушняка, следовательно, есть, чем развести костер. Пока мы закусывали и с тоскою посматривали в ту сторону, откуда должны были

придти вьюки, — из-за скалы вдруг показался Алим-бай и послышался своеобразный свист, которым керекеш подгоняет и ободряет своих животных.

Рис. 50. Заросли близ устья р. Пшарп.

Музыкален показался нам этот свист и живописен Алим-бай в своих желтых штанах и войлочной шляпе: препятствие побеждено, и караван приближался к нам. Пропустив его мимо себя, мы посидели еще немного и двинулись далее. До сих пор путь тяжел, но опасности для жизни людей или животных еще не представлял.

Во второй половине этого перехода пришлось нам, однако, провести несколько весьма неприятных минут. Река стала многоводною, разлилась и покрыла все свое русло, так что приходилось обходить ее по склону горы, забираясь по тропинке все выше и выше. При повороте ущелья почти под прямым углом, свободный доселе проток воды запружен точно плотиной нагроможденными камнями, сквозь которые вода прорывается высоким водопадом; благодаря этой запруде и вновь расширившемуся ущелью, река образовала в этом месте озеро (Сасык-Куль). Вода в нем удивительно яркого зеленого цвета, тихая и спокойная, отражавшая, как в зеркале, прибрежные скалы и небо с

легкими облачками. Я ехала впереди, почти не глядя под ноги лошади, поднимаясь все выше над озером, спеша наглядеться во все глаза и запомнить на всю жизнь картину, подобную которой вряд ли увижу еще. Едва заметная тропинка точно обрывалась в пустое пространство: она круто сворачивала куда-то влево по склону горы, но так как мы уже условились с Рыжком, что я не буду мешать ему в выборе дороги, я продолжала смотреть по сторонам. Вот лошадь обогнула высокий угловой утес, сделала несколько шагов и тут только я заметила, что дело приняло неприятный оборот: передо мною тропинка менее полуаршина шириною, с легким наклоном кнаружи; слева — крутой откос кверху, покрытый сыпучим, острым щебнем; справа — отвесный обрыв к воде, плескавшейся далеко внизу. Этот глинистый уступ поднимался все выше; местами дождевая вода размывала в нем треугольники, сквозь которые виднелась пустота — это был так называемый карниз.

Отступления не было: ни повернуть лошади, ни сойти с неё уже не было возможности, да и пройти пешком по такому приспособлению я чувствовала себя совершенно неспособною. Посмотрела я на самую тропинку, на которой едва умещались ноги лошади, взглянула в пустоту направо и... дело прошлое, миге стало страшно до тошноты. Лошадь идет спокойно, лишь насторожив уши и осторожно переступая через размытые треугольники; особенно жутко было на поворотах. Разговоры позади меня стихли; хотелось посмотреть целы ли, здесь ли все остальные, но я не смела обернуться, боясь неловким движением нарушить равновесие лошади. Мы двигались в полном молчании, и эти 15-20 минут показались бесконечно долгими. Вот опять поворот— что-то за ним? А за ним откос горы стал более пологим, тропинка расширилась, я уже чувствую себя на твердой почве, еще минута, другая, и все в

безопасности; проехали молча еще несколько шагов, стараясь привести свои нервы в равновесие.

По словам людей бывалых, такой карниз не из худших: самые неприятные лепятся по скалам, причем с одной стороны — обрыв, а с другой — отвесная стена; в этом случае, не только нечего думать о проходе навьюченной лошади, но и самому всаднику, за недостатком места, приходится перекидывать ногу подамски, к наружной стороне тропинки. Не берусь судить о чувстве, которое должен испытывать человек, пробирающейся по скалистому карнизу, но нахожу, что и глинистый в достаточной мере скверен.

За все время пути нам, к счастью не пришлось познакомиться с обещанными нам «балконами». Они являются искусственным сооружением и устраиваются следующим образом: в скале, которую необходимо обойти, и представляющей собою отвесную стену, забиты под прямым углом не толстые бревна, закрепленные следовательно лишь одним концом; другой же торчит на воздухе, не имея ни подкосов, ни подпорок.

Рис. 51. Низовья р. Пшарт.

На эти бревна положены доски, или толстые жерди — и балкон готов. Предлагается желающим, отдав себя на волю Божию, перебираться через пропасть по этим жердочкам. Существует приспособление, если и еще менее привлекательное, чем «балкон», зато поражающее своею простотою: в такую же скалистую стену забить ряд отдельных колышков и... больше ничего. Хватаясь за эти колышки руками, и болтая ногами над пропастью, путник в висячем положении передвигается по этой стене; иногда на расстоянии десятка и более сажений.

Когда мы добрались, до вершины горы, перед нами открылась обширная картина: сходилось два ущелья, сливались две реки Пшарт и Мургаб; кругом — скалы, жёлтые, коричневые, черные, некоторые со снежными вершинами. С этого места начинается спуск в речную долину, одно место которой казалось оазисом в этом каменном царстве: зеленела трава, виднелись деревца и кустарники; там мы и решили разбить лагерь, так как лошадей; необходимо покормить: подножного корма они давно уже видали и живут одним ячменем, а впереди опять камни и переправа, та самая страшная переправа, на которой, по общему предсказанию мы должны погибнуть; это будет завтра. Сегодня же мы спустились, прошли по зарослям тальника и остановились для ночлега на лужайке с чудною, сочною травою. Через часок появились наши вьюки... и верблюды; эти незаменимые животные одолели все трудности и безропотно дотащили свой груз. Ослики в сущности состоят при караване в качестве туристов: они успели и настолько завладеть, симпатиями Алим-бая, что пользуются совершенно исключительными привилегиями и не несут никакого груза, но зато взяли на себя обязанности вожатых каравана и всегда идут впереди; иногда они, не обращая внимания на упреки

Алим-бая, отправляются вдвоем искать себе дороги по душе и почти всегда выбирают кратчайшим путем.

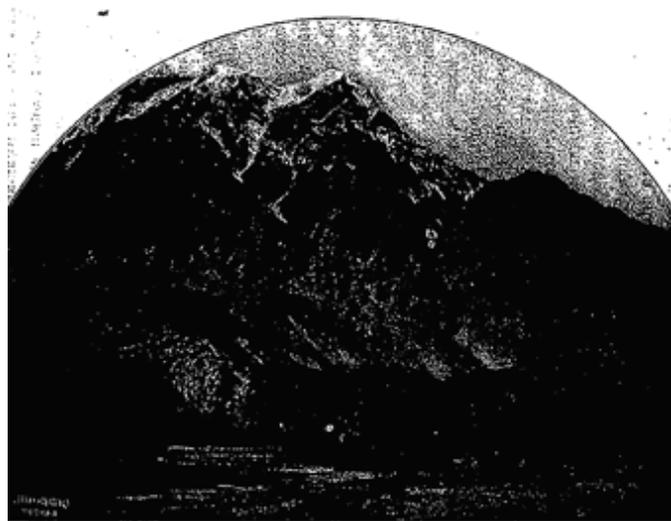

Рис. 52. Близ устья р. Пшарт.

Не так счастлив Андрей: он всегда стремится, при выборе дороги, к такой же самостоятельности, как и туристы-ослы; но достигает гири этом несравненно худших результатов: когда мы сегодня взбирались по тропинке, приведшей нас к карнизу, Андрей отправился низом по воде и прибрежным камням. Сверху мы еще видели, как он пробирался пешком, таща за повод упиравшуюся лошадь; затем мы продолжали путь в уверенности, что он вернется назад и пойдёт по нашим следам, но мы разбили лагерь, наступили сумерки, а его все не было. Пришлось послать за ним двух киргизов на поиски, так как он мог сорваться с карниза или завязнуть с лошадью в илистой озерной глине.

За сегодняшней переход сделали 30 верст.

Здесь невероятное обилие зайцев: из-под некоторых кустов они так и сыпятся во все стороны. Они значительно отличаются от нашего зайца, как меньшими

против последнего размерами, так и строением головы; мясо их белее и очень вкусно.

Пообедав любимым «палау», который особенно искусно изготовил сегодня Мурза (мы уже настолько спустились, что рис разваривается вполне удовлетворительно), и напившись чаю, улеглись спать. Ночь теплая, звездная, кругом скалы, шумит неумолчно река, пофыркивают лошади.

Андрея всё еще нет.

30 июля. Поздно вечером вернулись вчера киргизы, посланные на розыски Андрея и передали, что видели его на том берегу озера, слышали, что он кричал им что-то по-русски, но вернулись назад, не решившись в наступившую темноту ехать далее. Пришлось сегодня утром послать киргизов за Андреем вторично и они наконец привезли его; виновник переполоха был мрачен и хромотал. Только после мы узнали, что ему пришлось претерпеть всякие невзгоды: он ночевал на камнях, еле выбравшись с лошадью из воды, в которую скатился, оборвал платье, расшиб ногу и, наконец, голодный и измученный, был найден посланными за ним киргизами.

Эти киргизы уверяют, что на переправе мы «все подохнем»; надеюсь однако, что не дойдем до этой крайности.

5 часов вечера. Сегодня переправиться не удалось дорога была убийственная. Вышли поздно, так как мужу необходимо было сделать еще несколько фототеодолитных снимков, двигались по острому щебню и камням, поминутно поднимаясь и спускаясь; один из верблюдов наконец лег, вернее упал, на узкую тропинку, — надо было снять с него часть груза. Хватились туристов-осликов, чтобы и их заставить принять участие в общих трудах, но нашли их не тотчас: они ушли далеко вперед и вдвоем играли и резвились на просторе. Несмотря на заступничество Алим-бая, их изловили и нагрузили, одного ячменем, другого всеми

рогами архаров и кииков, которые мы везем с собою: с надутым и обиженным видом они чинно отправились вперед. Несколько облегченные верблюды встали и двинулись.

Дорога далее шла по неровному склону горы, покрытому толстым слоем мелких и крупных острых каменных осколков, в которые нога лошади уходила выше бабки; камни сыпались из-под ног и животные выбивались из сил. Трудно было допустить мысль, чтобы навьюченные лошади и особенно верблюды могли пройти здесь, и мы, дойдя до конца осыпи, остановились подождать их; но немного спустя из-за бугра показались ослики, за ними вьючные лошади и, наконец, важною, горделивою поступью верблюды. Приходилось теперь же спускаться вниз к реке и искать переправы, так как дальше громадная скала загораживала нам путь и обрывалась отвесно в воду, а на противоположном берегу по горе вилась едва заметная тропинка.

Рис. 53. Река Мурчаб.

Продравшись верхом по зарослям тальника и высоких кустарников, которые царапали лицо и руки, и перейдя узкий и мелкий рукав реки, мы очутились на большой отмели перед самым руслом р. Мургаб:

вчерашние переправы были, конечно, шуткою сравнительно с этою и киргиз был кажется прав, собираясь на ней «подохнуть». Ширина реки довольно значительна; течение — страшно быстро; оставалось испробовать глубину её. Попытались было поискать дороги в обход горы, для чего муж и отправился с Алимбаем, но пришлось убедиться в невозможности этого сделать и необходимости переправиться именно здесь. Один из киргизов сел на лошадь и попробовал было счастья, сунувшись в реку, но лошадь, не пройдя и нескольких сажен, повернула по течению и с большими усилиями выскочила обратно на берег; такой опыт повторялся несколько раз с одинаковым результатом. Положение становилось критическим, приходилось по-видимому, мириться с перспективою повернуть обратно к Памирскому посту.

В этот момент однако, керекеш каравана предложил план, который тотчас же и был одобрен: он состоял в том, чтобы все переправить на верблюдах, при условии, что ему лично дадут одну из наших верховых лошадей, которая не отказалась бы идти в воду впереди верблюда. Ему был предложен «Серый» и обещана денежная награда в случае удачного исполнения. Керекеш этот — человек уже немолодой, но очень рослый, с огромным зобом и лицом сатира; раздетый до пояса, он сел на лошадь и взял развьюченного верблюда на аркан. Он отправился в реку с такою уверенностью, словно она была ему знакома вдоль и поперек. Половину её он спускался наискось по течению, с середины же повернул против него и так же вкось приближался к противоположному берегу; лошадь с большим трудом боролась с течением, которым ее сносило, верблюд же, хотя и ревел, однако шел по дну устойчиво и твердо. Дойдя до противоположного берега, керекеш остановился и победоносно посмотрел на нас, как бы говоря: «видите, как все это просто». Таким же способом

он пустился в обратный путь и по возвращении был встречен всеобщим одобрением. Но уже надвигались сумерки, а так как общая переправа потребовала бы много времени, решили заночевать здесь на отмели, переправив лишь в виде опыта яхтаны и вещи, ненужные для ночевки; остальное же отложили до завтра.

Сегодня зарезали последнего барана и мяса у нас хватит на три дня, с трудом на четыре.

31 июля. Мы с мужем должны были начать переправу, для чего несколько облегчили наши костюмы, сняв сапоги и наиболее обременительные вещи: это делалось на случай, если бы мы упали в воду; с этою же целью муж прикрепил мне к груди надутую резиновую подушку. Думаю впрочем, что эти предосторожности существенной пользы принести не могут, так как с этим течением бороться человеку не по силам и его разбило бы вдребезги о первый камень. Некоторое понятие об этом получили мы по той стремительности, с которою у зазевавшегося Ташмета вода подхватила и унесла весьма объемистый узел с каким-то хламом и старым платьем: его крутило и перебрасывало, как щепку, через громадные камни, и не успел Ташмет пробежать за ним вдоль берега нескольких шагов, как злополучный узел скрылся из глаз; «моя халат кунчал!» [\[41\]](#) горестно воскликнул бедняга, и лишь несколько утешился обещанием получить взамен новый.

Верблюд лег, и мы взгромоздились на него: муж впереди, а я, уцепившись за него, сзади. Во всем этом было гораздо более комического элемента, чем трагического, и Н. П., в качестве фотографа экспедиции, не упустила этого удачного для снимка момента. Мы тем временем вошли в реку, погружаясь все глубже; вода кругом бурлила и пенилась, но верблюд шел таким спокойным, уверенным шагом, керекеш очевидно такой

мастер своего дела, что ни малейшего страха не закрадывалось в душу; вода едва замочила нам ноги и через несколько минут мы были на другом берегу.

Рис. 54. Переправа через. р. Мургаб.

Вторым рейсом снялись М. М. и Н. П., которые также благополучно совершили свое путешествие. Отсюда мы наблюдали за переправой людей и каравана, при чем курящие Н. П. и М. М. посл пережитых волнений уничтожали одну папиросу за другою; табак у них имеется теперь лишь в весьма ограниченном количестве, а так как общие несчастья сближают людей, то и папиросы у них стали общими и они расходовали их до сих пор с величайшею осмотрительностью. Но в настоящий момент, все благоразумные соображения были отброшены. «Еще одна такая переправа, и мы останемся без папирос!» патетически воскликнул М. М., закуривая пятую папиросу.

Весь багаж и люди переправлены на верблюдах; вьючных лошадей соединяли вместе, привязывая каждую мордую к хвосту предыдущей («хвост на хвост», как выразился Алим-бай), но при этом едва не утопили одного из наших осликов, благодаря чрезмерной о них заботливости. Первому переправлявшемуся из них Алим-

бай, для вящей безопасности, привязал по бокам пару надутых бурдюков от убитых баранов; вначале все шло прекрасно, но когда осел побарахтался в воде, хитрое приспособление съехало к задним ногам, благодаря чему круп поднялся над водою в ущерб передней половине туловища, которая вместе с головою стала поминутно исчезать под водой. Ехавший впереди Алим-бай изо всех сил тянул ослика за веревку, а бедняга все нырял, все нырял и дело вероятно кончилось бы для него плохо, если бы Алим-бай не догадался завести его несколько в сторону к маленькому островку, возле которого оторвало и унесло, наконец, бурдюки совсем. Тут ослик выбрался на твердую почву, долго тряс одним ухом, опустил голову, с которой вода текла ручьями и, расставив ноги, застыл в неподвижности, удрученный пережитыми опасностями. Немало после этого пришлось Алим-баю потратить слов и действий для того, чтобы заставить осла покинуть островок и вновь, хотя и без предательских бурдюков, окунуться в воду.

Это было самое трагическое приключение за время нашей переправы... никто не «подох», багаж имели мы на другом берегу; верблюды не только не отказались идти в воду, как нам предсказывали на Памирском посту, но только благодаря им переправа оказалась возможной. Единственный же опыт перевозки багажа на лошадях окончился неудачей: один мешок с ячменем и другой с сухарями намокли как губки.

Надо было торопиться вьючить караван, седлать лошадей и сниматься с места, с тем, чтобы добраться по возможности до второй и последней переправы через Мургаб. Двинувшись в путь, мы сразу же стали карабкаться вверх по сыпучему острому щебню, по едва заметной тропке; затем мелкие камни превратились в крупные, подъем становился все круче и труднее. После подъема стали опять круто спускаться по тропинке вниз к реке и уперлись в скалу, отвесно спускающуюся, даже

нависшую над водою: путь был размыт на протяжении многих саженей. Продолжать движение по тому же берегу было, следовательно, нельзя; о переправе же здесь нечего было и думать: на другом берегу было то же самое. Река течет здесь в стесненных берегах, а потому стала еще глубже и несется стремительнее, образуя водопады и водовороты. Будь у нас с собою необходимые инструменты, можно было бы проделать тропку и обойти это размытое место, — ведь осталось всего несколько верст до Кара-Булака, а там уже по видимому, не представляется особых затруднений. Еще раз тщательно осмотрели местность, еще раз убедились, что пройти никак нельзя, сняли фотографию с конечного пункта нашего пути по Мургабу, с того самого «авось», на который мы поехали, и повернули назад.

Досадно было возвращаться, но ни одной минуты не пожалели мы о том, что побывали в этих местах.

Началось обратное шествие, а с ним и эквилибристические упражнения на камнях; повторили переправу, которая вследствие навыка прошла еще скорее и удачнее, чем в первый раз. Ночевать решили на вчерашней стоянке, — там хорошая вода и травы вволю.

Рис. 55. Конечный пункт нашего пути по р. Пшарт.

По приезде на место, муж отправился промышлять провизию и меньше чем в час убил шесть зайцев. За последние дни пришлось сократить порции баранины и ограничиваться одним мясным блюдом в день; суп на время выкинуть из нашего меню, за утренним чаем или завтраком едим кашу.

Глава IX.

Обратный путь на озеро Кара-Куль. — Перевал Ак-Байтал. — Отъезд М. М. — Вновь на Алайской долине. — В поисках за несуществующими кишлаком. — Крепость Дараут-Курган.

2 августа. Торопимся идти обратным путем, делаем по 40 слишком верст в день, чтобы попасть в Маргелан не позже 16 числа, что необходимо М. М — чу, свободное время которого строго ограничено.

Не всегда удастся нам выехать ранним утром, благодаря непробудному, сну, одолевающему наших кавалеров: пока не удастся поднять их (а на это требуется немало времени), нельзя производить в юрте необходимых манипуляций по укладке вещей, а следовательно и навьючивать караван. Некоторое время помогал сле дующий прием: одна из нас, нагнувшись над М. М., громко говорила: «каша готова», — это действовало магически, но всего 2 —3 раза. Затем на совете, который мы держали с Н. П., последняя предложила следующий весьма простой способ: в 6 час утра, когда мы с нею уже готовы, прислуга начинает разбирать юрту; над спящими открывается небо, затем сразу снимаются все боковые кошмы и остается один решетчатый остов юрты. В первый раз М. М. открыл заспанные глаза, в недоумении посмотрел вверх и, когда догадался в чем дело, нашел, что этот способ будить людей чрезвычайно неприятен, хотя и действителен. Во время этой операции мы съедаем наш утренний завтрак, состояний из каши и чая, причем сверху, с разбираемых войлоков, целый дождь волос и шерсти сыплется в наши чашки и котел. Впрочем, мы успели уже примириться с неизбежностью такой приправы, а сколько по сие время этой шерсти нами

проглочено, про то ведают наши желудки, которым приходится ее переваривать.

Мы вновь поднимаемся: вчера утром видели последние кустарники. Неприятен обратный переход от тепла в ущельях Пшарта и Мургаба к холоду и постоянным ветрам больших высот. Пришлось вторично пройти по тому неприятному карнизу, который испортил мне столько крови на пути туда; должна сознаться, что чувство страха при этом не притупилось во мне нисколько; лучше было лишь то, что карниз этот не являлся неожиданностью.

Не имея в виду вновь заезжать на Памирский пост, так как пришлось бы потерять лишний день, послали вчера туда Андрея, поручив ему завестись хлебом, ячменем и, если возможно, табаком для прислуги, у которой он весь вышел: Мурза уверяет, что по этой причине у него «и глаза больше не смотрят».

4 августа. Сегодня за ночь вьючные лошади опять разбежались и к 9 час. утра они еще не были найдены, так что мы выехали, не дожидаясь их; по дороге, нагнал нас Андрей с провиантом. Табаку начальник поста также уделил нам в достаточном количестве и им немедленно снабдили прислугу, радости которой не было границ: немедленно откуда-то появился кальян, из которого все по очереди тянули дым с наслаждением, Мурза даже глаза закрыл от восторга. Табак этот держится на Памирском посту для солдат, стоит 48 коп. фунт и носит звучное название "Бафра". Судя по интересу, с которым Н. П. и М. М., докурившие вчера свои последние папиросы, поглядывают на 48 копеечную «Бафрул, думаю, что они недолго будут брезговать ею.

Прошли за день верст 40. Стемнело; но так как ни вьюки, ни юрта еще не появлялись, решили эту ночь провести в палатке, чтобы не возиться с позднею расстановкою юрты. Места в палатке хватало как раз на четверых, но заснуть в ней было трудно: когда она была

закрыта наглухо, в ней не хватало воздуха, холодная же морозная ночь не позволяла распахнуть ее.

Избаловавшись на величественных картинах Пшарта, унылая Памирская панорама кажется нам особенно неприглядною за сегодняшний переход. Верст 30 сделали мы не сходя с седла: 20 из них тянутся по гальке русла реки, в настоящее время совсем пересохшей; вначале виднелся маленький ручеек, но затем исчез и он. С нетерпением ждали мы перевала, за которым должны были остановиться на ночлег, но перевала все не было, а была лишь тоскливая, бесконечная галька, по которой мы подымались едва заметным уклоном. Не только нас, но и лошадей, кажется, давила окружавшая нас скука: идет, бедняга, разве сив уши, шаркая ногами, совершенно игнорируя легкие поощрения нагайкою, даже глаза полужакрывает; изредка приостановится, встряхнет головою и, увидав, что ничто не изменилось, опять опустит голову и продолжает двигаться точно во сне.

Долго плелись мы таким образом, тоскливо посматривая на окружавшую нас картину: серая круглая галька под ногами, желтые горы кругом, да синее-синее небо наверху. Наконец, блеснул вдали ручеек, мы оживились: он означал часовой отдых, возможность размять, затекшие от долгой езды ноги и выпить кружку чая. После отдыха мы скоро были на перевале Ак-Байтал. Дорога к нему разработана зигзагами (местами она систематически размывается дождями и заваливается глиною и камнями) и подъем совершается легко, хотя высота перевала довольно значительна (15.070 ф.). Спуск с него кончается у р. Чан-Су, возле которой находится почтовая станция, состоящая из двух юрт; в них мы и водворились, чтобы не возиться с расстановкою своей.

5 августа. Наша экспедиция тает: сегодня покидает нас и М. М., которому необходимо попасть в Маргелан не

позже 15 августа, а желательно и ранее. Хотя мы и делаем усиленные переходы, но ему придется еще увеличить их, да к тому же нас может задержать необходимость дневки. Теперь мы остаемся втроем, в том же составе, в каком выехали из Москвы. Мы так было привыкли к нашему милому, всегда добродушному и остроумному спутнику, что отпускаем его от себя с грустью. Пообедали сегодня в последний раз вместе, снабдили его необходимою посудой и провизией до Маргелана и сняли на коне, во главе его собственной экспедиции, состоящей из Андрея и вьючной лошади. Кто-то теперь по утрам будет будить его? Андрей не решится конечно пускать, в ход наши энергичные приемы.

6 августа. Прошли сегодня 45 верст, не сходя с лошадей. В Муз-Коле близ юрты собралось целое общество: это были киргизы с волостным старшиною, ездившие встречать, губернатора. Старшина подошел пригласить нас выпить чаю, от которого пришлось отказаться, так как мы потеряли бы при этом много времени. Купив предложенного нам барана и взяв джигита-проводника, мы отправились дальше.

За поворотом, по лощине ведущей к озеру, задул свойственный Кара-Кулю ветер, от которого свистит в ушах и захватываешь дыхание; для завтрака уже не стоило терять времени, так как до ночевки оставалось пройти не более 5 верст. Возле юрты мы еще издали заметили лошадей, из чего заключили, что она кем-то занята, и не ошиблись: на ковре важно возлежал наш М. М. Из расспросов выяснилось, что керекеш выбрал для его багажа самую скверную из своих лошадей и движения её были таковы, что М. М. с Андреем ежеминутно ожидали её падения на землю. В навьюченных на нее яхтанах находятся все драгоценные коллекции М. М., понятны поэтому будут его опасения на этот счет; ноги у лошади подгибались, как у параличной

и, хотя Андрей в упор тащил ее за аркан, а М. М., уподобясь керекешу, свистел и тыкал ее кнутом сзади, она решительно отказывалась идти. Андрей находил это шествие позорным и ужасно боялся, что мы их нагоним в пути и увидим при такой мало геройской обстановке. Вследствие этого они вчера добрались в Муз-Кол лишь к 10 часам вечера, а сегодня на озеро Кара-Куль в 4 часа дня. Несмотря на протесты керекеша, у него выбрали другую лошадь взамен негодной, и было уже совсем темно, когда М. М. вновь тронулся в путь, чтобы проехать до северного берега озера. Завтра он рассчитывает сделать верст 50.

Наших туристов-осликов продали: нам они давно уже не нужны и перестали даже, вот уже недели две, развлекать нас своими серенадами. Бог весть, что тому причиною, вероятно тоска по родине; купил их сарт за 18 р. пару. В нашем караване остались одни лошади и верблюды также заменены ими, так как на Пшарт они сильно попортили себе ноги, стерев подошвы до крови.

Рис. 56. Искусственный карниз.

С моим Рыжком что-то приключилось: он сегодня в таком нервном состоянии, что хороший прием брома был бы ему вероятно не лишним. Он пугался всего:

пролетающей птички, собственной тени и гладкого места; от выстрела вертелся вьюном на месте и при каждом повороте, вытянув шею, с ужасом заглядывал за углы, словно там должно сидеть страшилище. Пугаясь он делает прыжок в сторону всеми четырьмя ногами, и будь я на дамском седле, от этих акробатических упражнений давно уже лежала бы на земле. Вообще же это удивительно милое и послушное животное; он привык есть хлеб из рук, толкает меня мордочкой прося еще, обнюхивает карман и шею, надеясь раздобыться кусочком. Н. П., муж и киргиз отправились пострелять гусей, чтобы затем всем съехаться для ночевки уже на северном берегу; я предпочла ограничиться этим маленьким переходом, чтобы отдохнуть основательно.

Моими спутниками на этот раз были лишь Мурза и Ташмет. Последний необыкновенно трогателен тою заботливостью, которую он проявляет по отношению к нам с Н. П. Он, не сводя глаз, следит за нами и вырастает словно из-под земли именно тогда, когда нам почему-либо нужна помощь. По-русски он знает лишь несколько слов, следовательно объяснения наши с ним бывают преимущественно мимическими и звукоподражательными, но его простая, совсем датская душа каким-то чутьем понимает, чем он может быть полезен. За все время пути на Ташмета можно было положиться с уверенностью, что все порученное ему будет исполнено в точности и добросовестно.

Дышится тяжело — это единственное теперь у всех нас проявление горной болезни; задыхаешься при малейшем усилии. Воздух до того сух и чист, что, несмотря на высокую температуру днем, молоко в бутылке не прокисло у нас в течении трех суток (достать его было негде и мы берегли его, как зеницу ока, употребляя его лишь с чаем); сырое мясо, не портится очень долго и выброшенные негодные куски его сохнут, не разлагаясь. меховые и шерстяные вещи при прикосновении издадут

треск и целые снопы искр. Каждую ночь бывают легкие морозы в — 2 или -3 °Ц.

Затихший было с вечера ветер, задул опять с полудня; он поднимает тучи песка и мглистою дымкою затягивает и безоблачное небо, и горы, и синеющее вдали озеро; перед глазами желтая, бугристая песчаная почва, покрытая белым налетом солончаков; кое-где растёт чахлая травка. Забилась я в юрту, в которой тепло и уютно, хотя в кошмах ее так и свистит ветер, приняла удобную позу и, в ожидании охотников, принялась за не разрезанный еще том «Ра гis » Золя — занятие, вероятно редко практикуемое на Памирах.

Муж убил 13 гусей.

8 и 9 августа. Вчера мы сделали неожиданно для себя молодецкий переход в 52 версты. Выехав с озера Кара-Куль с намерением пройти до Кок-сай верст 25, нам вторично пришлось убедиться, что для остановки это место плохое: дул холодный безостановочный ветер, близкий к урагану, дров нет, терескена также; река пересохла совсем, но чай нам все же вскипятили. Когда я потом подошла к тому водовместилищу, из которого взяли необходимую для этого воду, я поспешно отвернулась: это была небольшая лужа стоячей воды, покрытая густым радужным налетом; киргизы, находящиеся при юрте, в этой луже умываются (если они вообще когда-нибудь умываются), в ней же и полоскают свой хозяйственный скарб. Нам так мало улыбалась мысль переночевать здесь, что мы вновь сели на лошадей и помчались дальше от негостеприимной стоянки. Мы скакали, точно спасаясь от преследования, лошади также сочувствовали нам, и с необыкновенною прытью бежали от этого ветра и туч песка, который он гнал нам вслед.

По пути встретили почтового киргиза, который ехал степенно и тихо, следовательно, «без пера». Чтобы понять это выражение, надо знать, что для почтовых

джигитов, конечно, незнакомых с русской грамотой, установились особые условные знаки: если пакет адресован в Лангар, то к нему привязывается палочка; если палки нет, он везется на Памирский пост; если письмо спешное, в него втыкается перо, и тогда джигит несется сломя голову, итак, если почтовый джигит скачет мимо, даже не останавливаясь поболтать с проезжими, что при нормальных условиях ему совершенно несвойственно, это значит, что он «с пером».

Ветер сопровождал нас все время и затих лишь, когда мы подъезжали к Бардабе, в шестом часу вечера. Здесь мы застали полковника М — го, достраивавшего рабат и дорогу. По вновь прилагаемой дороге вплоть до Памирского поста, на каждые 30-50 верстах ставится рабат: это довольно большое каменное (из местного камня), на гипсовом растворе сводчатое здание, обнесенное каменным же забором и состоящее из 4-5 просторных комнат с большими печами; во дворе конюшни; дерево постройки — исключительно арчевое [42]. К обеду М — ский принес редкое угощение — дыню, присланную ему из Гульчи, и бутылку от личного самаркандского вина; за разговорами просидели до позднего вечера.

Пёреночевав в Бардабе, направились сегодня вдоль Алайской долины к крепости Дараут-Курган. Остановиться на ночевку, мы должны были в кишлаке, находящемся, по словам М — го, верстах в 30; там, говорил он, зимовка полу-оседлых киргиз, занимающихся также и посевами. Отправляясь на летнее кочевье, они будто бы оставляют в кишлаке сторожей, на попечении: которых остаются даже куры и кое-какой скот, и мы радовались заранее возможности до. стать яиц и курицу. Ввиду предстоящего небольшого перехода, муж поехал с киргизом поохотиться в последний раз и напал на стадо кииков голов в 40, из

которых убил одного козла: экспрестная пуля положила его на месте, не дав ему даже времени встать с лежки. Местный мясник снял с него для чучела шкуру следующим, весьма простым приемом: в сделанное ножом в задней ноге отверстие, он ртом вдувает воздух, пока вся туша не надуется, как бурдюк; кожа после этого отделяется от мяса совершенно свободно. Каковы для этого должны быть легкие, предоставляю судить читателю.

Выступить нам удалось лишь в 3 часа дня, в сопровождении данного нам М — м десятника-киргиза, который будто бы один знал, как проехать в вышеупомянутый, кишлак. Поднявшись тотчас же из Бардабы на холмы Заалайского предгорья, мы вновь увидели Алайскую долину, окаймленную справа Алайским хребтом, теперь уже бесснежным, и слева Заалайским хребтом, покрытым до самых почти предгорий ослепительным, вёчным снегом. В бесконечную даль уходили обе эти параллельные друг другу горные цепи одна белая, другая, темная, почти черная. Отсюда виден пик Кауфмана (23.000 ф.), но с этого места он не производит большего впечатления, благодаря дальности расстояния; к тому же и смотрели мы на него с такого пьедестала, как Алайская долина которая сама возвышается над уровнем моря на 10.000—8.000 фут.

Каждый шаг нашего пути напоминает о том, что мы покинули Памиры: мы шли по сплошному волнистому лугу с котловинками и углублениями, в каждом из которых находится озерцо или болотце, заросшее зеленью. Мы пересекали предгорья вкось, по направлению к долине; солнце уже скрылось за горы, когда мы выехали на нее, наступали короткие сумерки.

Едва успели мы перебраться через р. Кизил-Су, как стемнело совсем, а впереди не было и признаков близости жилья, проводник же на расспросы не уве

ренно отвечал, что «теперь скоро». В полной темноте шли мы крупную ходою по каким-то кочкам, болотам, ручьям и, наконец, увидели костер и лошадей: это был наш караван, так и не дошедший до обещанного кишлака. И напрасно мы искали бы его: как узнали на следующий день, никакого кишлака в этих местах нет; есть действительно верстах в 18 от того места, где мы остановились (следовательно, верстах в 50 от Бардабы), киргизское зимовье, но там никогда не остается, не только кур и скота, но и ни одного человека.

Подъехав к каравану, мы с удивлением увидели, что юрта еще не расставлена, и что нам долго еще придется сидеть в темноте на холодном ветру, прежде чем попасть под кровлю, это было тем более странно, что караван вышел в 9 час. утра. Когда юрта была готова, она снаружи поразила нас своими маленькими размерами, внутри же весь верх был установлен неправильно и криво: ясно было, что верхний круг юрты не прежний и по размерам не подходит к ней, отчего палки, поддерживающие его, вываливались внутрь. Долго не могли мы добиться правды, но видя бесполезность отнекиваний, Алим-бай наконец рассказал следующее: зная, что мы выезжаем из Бардабы, а следовательно и будем на месте довольно поздно, караван останавливался варить обед [\[43\]](#); отправившись после трехчасовой остановки в дальнейший путь, караван сбился с дороги, причем лошадь, везшая круг от юрты, свалилась под откос; «сама, дрянь, цела осталась», негодовал Алим-бай, а круг разбился вдребезги. Надеясь скрыть все это от нас, последние в одном из аулов купил другой круг, который и оказался не подходящим. Ночевать однако под открытым небом при здешних климатических условиях совсем неудобно, и мы все же решаемся провести ночь в юрте, несмотря на то, что она грозит ежеминутным падением: порыв ветра, или толчок подошедшей лошади

могут повалить ее на нас: при этом она, конечно, не убьет находящихся в ней, но нанести серьезные повреждения все же может. Неужели Ташмет будет завтра утром иметь повод, всплеснув руками, произнести свое безнадежное: «кунчал» [44]. В этом возгласе у него всегда столько трагизма, что жутко становится за тот предмет, который, по его мнению, «кунчал».

10 августа. Нет, мы еще не «кунчал»: ветер затих, лошади против обыкновения об юрту не терлись, и она устояла. Утром увидели невдалеке несколько громадных аулов, к которым послали киргиза обменять круг юрты и добыть проводника.

Путь наш лежал сегодня вдоль Алайской долины, вблизи подножья Алайского хребта. Посредине ее прорезывает р. Кизил-Су [45], принимающая в себя реки, текущие с гор (Талдык, Джиптык и другие). Свое название она оправдывает в полной мере: размытые ею красные глины Заалайского хребта, она несет с собою на громадном протяжении, окрашиваясь ими в цвет сурика. Течение очень быстро, бурно и, благодаря своему цвету, вода производит впечатление клокочущей масляной краски; пить ее можно лишь после продолжительного отстаивания.

«Алай» по-киргизски значит рай; сюда, в эту обетованную область, из-за сотен верст сходятся кочевники. Алайская долина представляет собою необозримую степь, на сотни верст сплошь поросшую ковылем; бесчисленные аулы, иногда в сотни юрт, разбросаны по ней; громадные стада овец, лошадей, верблюдов пасутся здесь — скот жирен, выхолен; нам говорили, что в несколько дней заморенное, изголодавшееся животное поправляется здесь неузнаваемо; шу мит чистая снеговая вода горных рек, в воздухе пахнет чабором, полынью, степью.

Верст через 30, во второй половине перехода, картина несколько изменилась к худшему: грунт стал песчаным с примесью мелкого камня, трава— реже и грубее, о ковыле уже не было помину, кочевья попадались редко; р. Кизил-Су точно зарылась в землю, размыв себе среди степи широкое и глубокое русло с обрывистыми берегами. Довольно долго ехали мы, ожидая подходящего для ночевки места, пока не набрали, наконец, на маленькую речонку, густо поросшую сочной травой.

Первою необходимостью при остановки является топливо, так как аппетит у нас волчий, горячим же кушаньем приходится баловать себя лишь один раз в день. Здесь еще нет дров, уже нет терескена, зато есть кизяк — драгоценный горючий материал: это высохший пометь скота, который горит ярко, дает много жара и долго сохраняет тепло. Ночь была довольно теплая, но зато очень сырая, а потому в юрте скоро запылал костер, при свете, которого мы не торопясь пили чай, приводя в порядок свои наблюдения, заметки, фотографические принадлежности — каждый по своей специальности.

11 августа. До Дараут-Кургана нам оставалось пройти всего верст 25. Заалайский хребет, так же как и самая долина, несколько понизился и горы его значительно очистились от снега; оба хребта заметно между собою сблизились. По предгорьям довольно много киргизских зимовок: они состоят из продолговатых глиняных сакль с плоскими крышами. Кое-где, клочками, виднеются посевы ячменя, места для которого выбираются, по-видимому, без всякой системы и совершенно не руководствуясь близостью кочевья или зимовки.

Дараут-Курган представляет собою крепость, построенную, по словам киргизов, Худояр-ханом в защиту от воинственных афганцев. Зубчатые стены ее — глинобитные с примесью мелкой гальки; они довольно

тонки и по углам заканчиваются круглыми башнями. Внутри наружных стен есть еще и внутренние со следами поперечных разделений, служивших, по-видимому, жильем и конюшнями. Крепость окружена снаружи широким рвом. Мы разместились во внутреннем дворе, частью засеянном ячменем.

Рис. 57. Во дворе крепости Дараут-Курган.

Одну из башен отвели для кухни, в другой мы с Н. П. устроили себе будуар — роскошь, которая со времени отъезда М . М . нам недоступна, так как мы отдали ему свою палатку. На завтра назначена дневка, что-бы дать передохнуть лошадям.

Глава X.

Ущелье р. Исфайран. — Кишлак Караул. — Снова в обитаемых местах. — Уч-Курган. — Ликвидация имущества экспедиции. — Прощание с кочевой жизнью. — Новый Маргелан. — Ташкент.

13 августа. Из крепости Дараут-Сурган дорога к Новому Маргелану сворачивает в ущелье, скалы точно расселись, образовав глубокую трещину, на дне которой вьется р. Дараут.

Рис. 58 . Горная тропа по р. Исфайран.

Она узка, неглубока и ее постоянно приходится переходить то вброд, то по мостикам; тропинка ведет легким подъемом к перевалу Тенгиз-бай (1.000 ф.), верстах в 12 от крепости. Перед самым перевалом подъем крут, и лошади останавливаются ежеминутно, чтобы перевести дыхание.

С перевала берет начало р. Исфайран; вначале неширокая и мелководная, она как-то неожиданно становится чрезвычайно внушительною; ущелье, хотя и остающееся очень глубоким, несколько расширяется вверху, дно его идет крутым уклоном вниз; река же,

принимая в себя с гор много маленьких притоков, захватываем все больше места, течет быстрее и, наконец, превращается в непрерывный ряд водопадов.

Рис. 59. Мост на р. Исфайран.

Берега и скалы поросли арчею, зеленая вода реки бурлит, ревет и, падая с уступа на уступ, кипит белой пеною, которая водяною пылью поднимается кверху. Для лошадей дорога представляет некоторые затруднения, хотя по сравнению с тем, что было на р. Пшарт, теперь им жаловаться не приходится. За перевалом, каменистая тропинка спускается вниз крутую лестницею с высокими и неровными ступенями. Впрочем, об этой дороге, видимо заботятся и, хотя она не разработана, но тропинка достаточно широка, в местах напоминающих карнизы обложена камнем, а через реку перекинуты трепещущие мостики. По красоте это ущелье не уступает ущельям Пшарта и Мургаба.

Мы заметно спускаемся и, кроме арчи, появились уже береза, рябина, тальник и наконец, тополь. Как наслаждается и отдыхает на этой зелени глаз, поймет. лишь тот, кому подобно нам, довелось пожить в пустынных мѣтах, лишенных растительности.

После впадения в Исфайран р. Кичик-Алай [46], вода в ней теряет свой прозрачный зеленый цвет и становится мутною. Река на время успокаивается, течет, ровнее, спокойнее: уклон стал менее крут.

Проводником нам служит «иллик-баши» с лицом большой обезьяны; взгляд и вся фигура у него до того испуганы, что сразу заметно, как он привык бояться «проезжающих»; глуп он невообразимо, а о расстоянии имеет самые смутные понятия. Мы имели в виду пройти сегодня до урочища Лангар, и он заверял нас, что от того места, где мы остановились закусить, до Лангар 15 верст, что хотя трава там и не растет, зато всегда имеется клевер для проезжающих. На самом же деле мы проехали 20 верст, а до Лангар, по его же словам, оставалось все еще верст 8; клевера, там не оказалось, хотя его и можно зара нее заказать волостному старшине.

Мы едем теперь уже, так сказать инкогнито, так как с нашею экскурсиею в необитаемые ущелья Пшарта, благодетельные волостные утеряли наш след, да и сами мы не могли заранее точно определить, ни времени, ни направления нашего пути. Страдать нам от этого приходится однако немного, так как баранов мы до сих пор находили.

Рис. 60. Река Исфайран вверху.

Не всегда достаем молоко, нет также и почетных встреч, но без этого обойтись можно: Проводников наша прислуга схватывает в первом попавшемся ауле, приказывает им садиться на лошадь и ехать с нами; едут они безропотно, но обыкновенно верст через 20 похищенный таким образом проводник сходит с лошади, просителью складывает руки на желудке и ждет «таксыра», т. е. мужа; дождавшись, он начинает бормотать что-то по своему: это он просит отпустить его домой. Тем не менее его убеждают ехать дальше; он опять влезает на свою клячку и трусит за нами. Наиболее сообразительные из них обыкновенно удирают ночью со стоянки, хотя тем самым, конечно, лишаются платы за свой труд. Как проводники, они нам не нужны, так как сбиться с дороги в этой местности нельзя, но они являются необходимыми для рассылок за баранами, дровами и проч.

Караван сильно запоздал; мы решили не ждать его и не расставлять своей юрты, а устроиться на ночь на открытом воздухе, — здесь уже это вполне возможно, так как воздух мягок и тепл; поужинав, мы легли спать, укрывшись от легкого ветра за большим камнем. Спустилась в ущелье ночь, искрясь своими бесчисленными звездами; невидимый еще нам молодой месяц серебрит верхушки скал; река совсем близко шумит, перебрасываясь через камни; изредка позвякивает колокол передового верблюда в проходящем мимо караване, раздается лошадиный топот и опять все затихает; только потрескивает догорающий костер, да пофыркивают наши лошади. Вспоминая «Братьев разбойников» и сцену из «Демона» перед смертью князя, я заснула мертвым сном и проснулась поздним утром, когда солнце уже ярко светило.

14 августа. Следующая ночевка намечена в 40 верстах отсюда, в кишлаке Караул; обитатели его —

полукочевые киргизы. По дороге муж охотился на кекликов [47], которые в изобилии встречаются в этой местности. Они издали дают знать о себе своеобразным хлоптанием, но найти их нелегко: они так искусно притаиваются за камнями и кустами, оперение их так подходит к окружающей обстановке, что проезжаешь иногда совсем близко, не замечая их; изредка нам удавалось видеть целые табунки, бегающие по дороге и, как куры, роющиеся в пыли и навозе. Убить из них удалось три штуки.

Сегодня Мурза беспрепятственно дает волю своей затаенной страсти к охоте, т. е. даже не к охоте собственно, а к процессу стрельбы: он обыкновенно совершенно неожиданно схватывается с места, несется в карьер кудато в сторону и там выпускает не сколько выстрелов в различных направлениях. Возвращаясь; он радостно сообщает, что «ездил стрелить питичку» (пулей из берданки); все это однако совершенно безобидно, и до сих пор на его совести не лежит ни одной птичьей души.

Встречаем довольно много таджиков, едущих из Маргелана. Это племя родственное Персам; тип их несколько напоминает древнееврейский.

Исфайран, затихший было после впадения в него р. Кичи-Алай, за Лангаром опять начинает волноваться, опять мчится круче вниз, перебрасываясь через громадные камни, и вновь превращаясь в ряд водопадов, kloкочущих пеною и отливающих всеми цветами радуги в поднимаемой ими водяной пыли; ненадежные, но живописные мостики перекинута через эти водопады, Н. П. извела весь свой запас фотографических пластинок и если бы их было втрое больше, их все-таки не хватило бы: до того хороша и разнообразна была не только вся картина, но и каждый поворот, каждый отдельный уголок ее. [48] Арча и береза исчезли, их заменили тополь и абрикосы; пахнуло югом,

теплом, влажным и душистым воздухом теплиц. Кожа лица и рук теперь уже не пересыхает, как прежде, носы меньше лупятся: если красоты нашей еще не прибавляется, зато и не убавляется более.

Рис. 61. Ущелье р. Исфайран близ уроч. Лангар.

Мы приближались к кишлаку и шли вдоль участков, засеянных клевером, ячменем и кукурузою. Юрту свою раскинули в фруктовом саду киргиза-лавочника, у которого, впрочем, купить было решительно нечего, зато травы и тени было вдоволь. Почти все население кишлака в это время года кочует, оставив свое жилье и посеы на попечении нескольких человек, и с большим трудом поэтому нам удалось добыть молока и 4 яйца.

16 августа. Вчера пришлось, сверх расчета, сделать дневку: нездоровилось и мне, и мужу, Мурза объелся зеленою дынею и также прихворнул.

Сегодня предпоследний переход: до Уч-Кургана остается всего верст 20. Ущелье за кишлаком сразу раздается вширь, горы резко меняют свой скалистый неприступный характер, приняв мягкие, округлые очертания. Исфайран спокойнее течет в своем пологом русле и лишь местами бурлит и сердится — там, где скалы сдавили его с обеих сторон и не дают размыть

себе русла пошире и поспокойнее. Потянулись сплошные засеянные участки, заботливо обнесенные глинобитными стенами, нередко обсаженные пирамидальными и серебристыми тополями, грецкими орехами, персиками; кое где виднеются фруктовые сады и жильё. Журчит вода в арыках, бороздящих поля во всех направлениях. Но всюду пусто, людей почти не видно: хозяева кочуют, оставляя свое добро на попечение немногих остающихся: ни покраж, ни потрав здесь очевидно бояться не привыкли. Человека четыре в разных местах, самым примитивным способом убирают поспевший ячмень: сидящий верхом на лошади человек, держит в поводу крошечного ослика и вместе с ним крутится и топчется на месте — они молотят.

Солнце печет немилосердно, но вдали уже показалась густая, сплошная зелень, с торчащими из неё темными метелками пирамидальных тополей. Приближался Уч-Курган, к которому стремились мечты и помыслы нашей прислуги, затосковавшей по людям: «там все можно достать, что угодно», говорили нам Алим-бай и Мурза с блестящими восторгом глазами. Через час мы подъезжали к кишлаку; проводник наш кинулся вперед. и исчез, очевидно с целью предупредить кого следует о нашем прибытии. Несколько времени спустя он появился вновь, а вслед за ним прибыль и волостной старшина; встретив нас обычным церемониалом, он предложил следовать за ним к помещению, в котором «останавливаются все генералы»

Рис 62 . Мазары (киргизские могилы).

Помещение это оказалась высокою, открытою со всех сторон верандою, возвышавшеюся по самой середине крытого базара. На ней уже успели приготовить постели и разостлать ковры. Мы расположились, как «все генералы», хотя отсутствие стен не могло не смутить нас своею чрезмерною откровенностью; но не успели мы подумать об этом, как появились пестрые ширмы, которыми нас со всех сторон оградили от любопытных; взглядов. За сим явился чай и обычный достархан. Наша прислуга немедленно устроила внизу «томашу» ^[49] и дала наконец волю, душившим ее потокам красноречия, мы же расположились у балюстрад нашей веранды, любуясь на базар и его движение.

Судя по тому, что нам видно отсюда, Уч-Курган — целый маленький городок, обыкновенная восточного типа; население его — сарты, кажущиеся нам теперь по сравнению с киргизами, необыкновенно красивыми. Если бы такая ночевка в открытом помещении, посередине сартского базара, где нет крещеной души, предстояла нам вначале нашего путешествия, мы быть может и не решились бы на нее; теперь же находим, что опасаться,

вероятно, нечего. Несмотря однако на насмешки мужа, мы с Н. приготовились доблестно встретить врага, в случае ночного нападения: около постелей положили револьверы, а вдоль балюстрады и так, чтобы это было видно публике извне, устали все имеющееся у нас огнестрельное оружие, а также патронташи, кинжалы — вообще все, что нужно для устрашения неприятеля.

Сегодня мы простились с нашей кочевой жизнью и поручили Алим-баю распродать здесь, начиная с юрты, весь наш дорожный скарб. Внизу, около веранды образовалась поэтому толкучка; свалив в кучу войлока, пустые мешки, куржумы, Алим-бай деятельно рылся в них и потрясал в воздухе то кошмой, то вертелом для шашлыка, предлагая их окружающим. В какой-нибудь час все было распродано и последний доход, торжественно врученный мне, как кассиру экспедиции, был гривенник, вырученный Алим-баем за сломанную железную печурку. Остались на руках одни лошади; с ними мы расстанемся в Новом Маргел ане. Жаль мне моего «Рыжка»; верой и правдой пронес он меня 1200 верст, не устроив ни одной каверзы, ни разу не захромав и не свалившись.

Базарная жизнь затихает поздно; с рано наступающими сумерками некоторые лавки запираются, в других зажигаются лампочки, хотя продолжают торговать лишь в чайхане. Меня приятно изумляет свойственное этому народу благообразие внешности и уличной жизни: улицы базара чисты, объедков на них не валяется, в лавках и чайхане на полу разостланы кошмы, на которые хозяева и посетители становятся не иначе, как сбросив туфли. Одежда сартов также поражает своею опрятностью: светлые ситцевые халаты безукоризненны, чалмы правоверных ослепительной белизны; чисто одеты даже люди бедные, носящие лишь белые штаны да длинную белую рубашку. Вежливость в обращении друг с другом чрезвычайная: если старший

проходя или стоя заговаривает с младшим, последуй встает немедленно; здороваются они, подавая друг другу обе руки, пьяных не видно нигде. И ведь это простой, так называемый «черный народ»; если его сравнить по внешнему виду с нашим мужиком, боюсь, что сравнение выйдет не в пользу последнего.

Движение постепенно затихало, закрылись последние лавки, проходили последние нищие и цыганки, заканчивающая свой промысел. Снизу, из мясной лавки долго еще доносилась музыка — импровизировал мясник, дудя в какой-то странный инструмент, под звуки которого мы и заснули.

17 августа. Враги не нападали, защищаться не приходилось, однако ночь прошла для нас все же неприятно. Когда поздно вечером умолкло движение на базаре, началась собачья «томаша»: они рыскали, ища что-нибудь съедобное, и это конечно вызывало между ними недоразумения, разрешавшиеся неистовою грызней. Грызлись они всю ночь напролет; одна из них явилась в наше помещение и принялась наводить справки на столе, причем нашла куриную кость, да кстати опрокинула чашку с молоком. Вооружившись хворостиною, муж вышел было разогнать стаю, собравшуюся у нашего входа, но собаки так решительно кинулись на него, что ему пришлось отступить. Часа в 4 просыпается базар, зажужжали мухи, а за ними показалось и солнце, заглянувшее нам прямо в глаза: приходилось вставать (на этот раз будуар наш помещался в одном из свободных стойл конюшни). Собрать нашу прислугу оказалось делом нелегким: она уже сидела по разным чайхане, лошади были еще не накормлены и посуда не убрана, так что выехать удалось только в девять часов утра, в самый жар. За Уч-Курганом идет целый ряд сартских поселков; постройки в них глиняные, все засеянные участки обнесены глиняными же стенами. Славное впечатление

производят эти кишлаки тою массою зелени, в которой они ютятся: около каждой сакли есть фруктовые деревья, ветлы, тополи, карагачи, всюду журчит вода, отведенные арыками, везде обилие фруктов, в каждом кишлаке есть чайхане, играющий роль местного клуба; все уютно, чисто (на вид по крайней мере) и красиво. И опять лезут в голову докучливые сравнения с нашим мужиком, его жильем и видом нашей русской деревни.

Дни очень жарки и езда верхом по солнцепеку утомительна. Около 11 часов сделали привал на берегу арыка, под громадным карагачом, — это последний наш привал. С горами мы также простились; за Уч-Курганом, оглядываясь назад, мы еще видели несколько горных кулис, скрывавшихся в голубой дымке; дальняя, снежная едва рисовалась на бледном небе. Теперь горы превратились в низкие, некрасивые холмы. Дальше местность становится однообразною: там, где лессовая почва не орошена, она превращается в голую, выжженную пустыню, по которой изредка, порывами налетевшего ветра, поднимаются пыльные смерчи; мельчайшие частицы лессовой глины затягивают дымкою горизонт; яркий солнечный свет, отражаясь на почти белой поверхности почвы, слепят глаза; душно, мухи назойливо лезут в глаза и рот, лошади идут вяло.

Вдали, наконец, показалась сплошная масса зелени, точно лес, растянувшийся на много верст в длину; это Маргелан, потонувший в этой зелени так, что и признаков города не видно. Проехав еще несколько верст, мы миновали стрельбище, казармы, «пьяный базар» (во всех наших азиатских городах есть почему-то «пьяный» базар), а город еще не чувствуется, — едешь парком: дома, даже на главной улице, прячутся в глубине садов. Вот мы, наконец, в довольно опрятной комнате местной гостиницы, где нам тотчас же подали так называемый «домашний обед», но наши кочевые обеды, из баранины были куда вкуснее. Пришлось

привести в порядок свой туалет, а нам с Н. П. заменить черкески европейским платьем: очень оно показалось нам неудобным, юбки путались по ногам, стесняя движения, и карманы оказывались не там, где мы привыкли находить их.

В этой просвещенной стране поезда отходят один раз в неделю, причем здешние поезда не согласованы с ташкентскими, и в Ховасте приходится ждать дня по два и более [50]. Мы имели несчастье приехать сюда в понедельник, тогда как поезд из Маргелана отправляется лишь в ночь с пятницы на субботу. Если мужу не удастся выхлопотать разрешения проехать с одним из товарных поездов, мы потеряем здесь массу времени.

Немедленно после приезда, муж побывал у вице-губернатора г. Васильева с тем, чтобы поблагодарить его за оказанную им нам любезность по хранению наших вещей у себя за время нашего отсутствия. Вечером того же дня, г. Васильев приехал к нам, чтобы, по его словам, «приветствовать героинь-путешественниц», и при этом настойчиво приглашал нас на завтра обедать к себе без предварительного визита его супруги ; мы пробовали было отговариваться слишком незатейливым дорожным костюмом, но он указал нам на пример М. М., который обедал у них в своей верблюжьей куртке.

В тот же вечер муж съездил к местному железнодорожному начальству с просьбою доставить нас каким-либо скорейшим путем в Ташкент; начальник участка телеграммою запросил о разрешении на это и обещал уведомить о результате. В два часа ночи, когда мы уже спали сном праведников, раздался неистовый стук в наружную дверь, затем в окно с улицы всунулась голова, которая заявила, что ей нужен инженер Т., которому она имеет передать телеграмму: это было разрешение дать нам вагон и прицепить его к паровозу, идущему в Ташкент; по объяснению обладателя головы,

паровоз уже готов и отправляется немедленно. Но лошади наши еще не проданы, вещи не собраны, а потому воспользоваться этим случаем нам не пришлось.

19 августа. Город имеет сегодня праздничный вид по случаю приезда генерала-губернатора. Так как окна наших комнат выходят на улицу, мы имели возможность, не трогаясь с места, любоваться процессией, которая продефилировала мимо нас.

Рис. 63. Улица в новом Маргелане.

Вдоль фронта выстроившихся войск прошел генерал-губернатор в сопровождении губернатора; ехавшую сзади коляску окружали красавцы-джигиты на белых конях, в белых папахах, ярко-красных кафтанах и желтых киргизских расшитых чамбарах. За ними, в парадных костюмах, следовали верхами местные депутаты и представители, а в конце процессии тянулся всякий сброд, оборванный и босой; нередко сидело по двое на одной лошади, покрытой рогожною попоною. Флаги развеваются, пушки палят, дамы машут платками. По прибытии на вокзал ген. — губернатор был встречен сартскою депутацией, поднесшую ему хлеб-соль, от которой он отказался, заявив депутации, что согласится принять ее лишь впоследствии, когда сарты своим

дальнейшим поведением докажут, что раскаиваются в происшедших беспорядках [\[51\]](#).

Вечером обедали у вице-губернатора, жена которого, совсем еще молодая и очень красивая женщина, приняла нас с таким радушием и простотою, которые совсем очаровали нас; проведя у любезных хозяев несколько приятных часов, мы всем обществом отправились посмотреть иллюминированный город.

20 августа. Н. П. и мне хотелось приобрести здесь несколько ковров киргизского изделия: они довольно красивы, бесконечно прочны и весьма доступны по цене; с этою целью мы направились с нею сегодня вдвоем в азиатскую часть города. Почуввав поживу, нас немедленно же изловил местный маклер, предлагая свои услуги, которыми мы и сочли за лучшее воспользоваться, так как по незнанию языка часто становились в затруднительное положение. К огорчению нашему однако мы узнали, что киргизы привозят свои ковры для продажи лишь осенью; теперь же изредка попадаются подержанные и пообещав найти для нас таковые, наш чичероне вызвался свести нас к «покупальному человеку» (от глагола покупать), оказавшемуся владельцем довольно обширных бань. Лишь под конец нашего визита мы догадались, что находимся в этом гигиеническом заведении: по стенам на гвоздиках чинно висели чалмы, а под ними лежало аккуратно сложенное платье — ни пара, ни специфического банного запаха не было. Ковров мы не купили: они оказались не подходящими, но проголодались страшно и направились к первой встрече тившейся туземной кухмистерской, в которой подкрепились порцией пельменей из баранины с ужасающим количеством перца и лука; за пять копеек каждая из нас была сыта по горло.

Вечером муж отправился на бал, даваемый городом ген. — губернатору, чтобы иметь случай, вернувшись из

путешествия, поблагодарить ген. — губернатора и ген. Ионова за оказанное нам содействие. С бала он попал прямо в товарный вагон, который ждал нас эти дни, и в котором мы расположились на ночлег с вечера. Часа в два ночи нас прицепили к отправлявшемуся поезду и мы покинули Маргелан.

Удачно миновав всякие задержки и препятствия, грозившие нам долгим ожиданием на станции Ховаст, **23 августа**, ровно в полночь мы подошли к Ташкенту и, не желая своим поздним приездом беспокоить кого-либо у Н. И. Королькова, снова предложившего нам свое любезное гостеприимство, муж выпросил у начальника станции разрешение переночевать в вагоне, для чего нас и отправили на запасный путь.

И вот мы опять в Ташкенте, на даче у неизменно милого и радушного Н. И.; мы в тех же высоких светлых комнатах уютного флигеля, тот же безукоризненный мажордом Михайло и молчаливый Юнус периодически появляются в них, нас встретила та же предупредительная заботливость о нас словно невидимой феи, как и в первый наш приезд сюда. И чудится мне, что заснула я тогда в этом флигеле, и привиделся мне долгий, фантастический сон путешествия к киргизам с их юртами и верблюдами, Памиры с их озерами, горами и пустынями, и вот теперь опять проснулась я здесь, во флигеле, в саду.

В этот наш приезд мы застали у Н. И. Королькова новое лицо: это был Николай Александрович Иванов, вновь назначенный помощник генерал-губернатора. Не говоря о личном, в высшей степени хорошем впечатлении, произведенном им на нас, отзывы, которые приходится слышать о нем от всех окружающих, заставляют искренно порадоваться этому назначению. Много лет прослужил он в крае, изучил его всесторонне и вся прежняя деятельность его показала в нем

человека с выдающимися способностями, гуманного и энергичного [52].

На следующий день мы окончательно распрощались с нашей прислугой, делившею с нами за эти два месяца все путевые приключения и невзгоды. Пришедший для получения расчета Мурза меня поразили своим величием: в нарядном, с иголки, халате и расшитой шелками тюбетейке подошел он ко мне, держа в одной руке букет цветов, а в другой тарелку с виноградом и колоссальными персиками. Необычная торжественность его появления вскоре объяснилась: перед нами был не просто шалопай Мурза, а Мурза-жених. За время его отсутствия родители его нашли, что пора бы молодца усадить на место и, подыскав с этой целью подходящую невесту, не только просватали упомянутого молодца, но и выплатили родителям невесты значительную часть калыма. Мурза был очевидно весьма польщен фактом, что вот и он будет теперь серьезным человеком и, указывая на свою новую тюбетейку, с гордостью объяснял, что она специально для него вышита его невестой (в то время, когда он и не подозревал о её существовании). Получив причитающееся ему жалованье и подарок в виде суконного халата, Мурза стал в позу и произнес спич, в котором очень одобрял и нас самих, и путешествие с нами. Такого рода прощальные приветствия здесь очевидно в обычае, так как и Алим-бай, и Ташмет, прощаясь с нами, также обращались к нам с речью, в которой просили извинить их, если они чем не угодили нам, при чем неизменно прибавляли, что они «мало служили, много денег получили». «Прибавочки» и «на чаек» с нашей милости никто из них не просил.

Извлек пользу из путешествия с нами и наш любимый Ташмет: он уже давно женат, но супруга его обладает столь воинственным нравом, что вступает в ежедневные боевые схватки, как с мужем, так и с

матерью последнего. От этих схваток страдают не только косы, почтенной матроны, но и домашняя посуда. Заработав у нас довольно значительную для бедняка сумму, Ташмет нашел способ помочь своей беде, опираясь на правило, «клин клином вышибай», решил взять в дом вторую жену: этот дальновидный человек надеется подставить ярости своей прекрасной половины новый объект, и тем самым отвлечь ее от себя и своей родительницы [53].

Мужу удалось осмотреть оросительные работы Великого Князя Николая Константиновича в Голодной Степи. В настоящее время там уже проведен отводящий воду из Сыр-Дарьи громадный арык, которым предполагается оросить значительные пространства земли. Если припомнить, что грунте пустынной Голодной Степи состоите из леса и что, будучи орошаем, он образует плодороднейшую почву, — значение этой грандиозной работы станет очевидным.

Перед отъездом мы побывали у всех наших ташкентских знакомых, из которых семьи Ис — х и Ош — х оставили в нас особенно хорошее впечатление; В. Ф. Ошанина к тому же мы считали долгом поблагодарить за те ценные советы и указания, которыми он снабдил нас в первый наш приезд.

Приходится всюду подробно рассказывать о всем с нами бывшем; впрочем, одна встреченная мною у знакомых дама прервала мое красноречие вопросом:

— «Ну, а скажите, не случилось ли с вами чего-нибудь необыкновенного? Не падали ли вы в пропасти, не тонули ли?»

Я должна была сознаться, что, к сожалению, ничего такого с нами не произошло — интерес её к нам упал тогда сразу.

5 сентября мы наконец покинули гостеприимный кров Николая Ивановича. Снабдив нас провизией, конфетами и лучшими пожеланиями, он проводил нас на

станцию, где мы и расстались, вероятно, надолго. Для меня было бы истинным огорчением думать, что мне никогда более не доведется встретиться с этим, в широком смысле хорошим человеком, так легко и просто завоевавшим не только симпатии, но и искреннюю привязанность нашу.

Глава XI.

Мургабское Государево имение. — Красноводск. — Домой в Европу.

По совету одного знакомого инженера, уверившего нас в радушии и любезности полковника Н. А. К — ского, управлявшего Мургабским Государевым имением, мы решились воспользоваться случаем осмотреть последнее, и нам не пришлось раскаяться в этом, так как гостеприимство Н. А. превзошло наши ожидания. Полковник К — ский — личность не заурядная. Жизнь этого, далеко еще не старого человека до сих пор была посвящена военным подвигам, о которых свидетельствуем обилие орденов, украшающих его грудь: воевал он и в сербскую войну, воевал и в Азии со Скобелевым, был, как думали, смертельно ранен в грудь на вылет и остался жив, несмотря на пробитое легкое; воевать наконец стало не с кем и он принялся, за более мирные занятия. Человек безукоризненной честности, с большими и разносторонними познаниями, он вот уже 9 лет управляет Мургабским имением, причем требовавшиеся до него ежегодные значительные субсидии стали заменяться доходами, сперва небольшими, и достигшими, наконец, в 1898 году по-видимому почтенной цифры.

Пока муж на следующее утро ездил с помощником управляющая верст за 25, чтобы осмотреть головную часть оросительного канала, сам Н. А. показывал нам свое любимое детище: питомники и посадки. Площадь виноградных, миндальных и лесных посадок увеличивается им ежегодно в значительных размерах. Все они содержатся в образцовом порядке, обильно орошаются и прорезаны шоссированными дорогами (что является здесь почти необходимостью в виду того, что в

период дождей лёссовая почва образует вязкую, невылазную грязь). Кроме самых разнообразных улучшений, за последние годы в имении выстроен хлопкоочистительный завод.

Часов в 11 вечера наш вагон был прицеплен к поезду и 13 сентября, около 8 час. утра, мы были в Красноводске, тотчас же перебравшись на отходящий пароход. Не успели мы разместить вещи по каютам и расположиться на палубе, как «Адмирал Корнилов» дал третий свисток, завертел колесами и, дрогнув, отвалил от пристани. Последние приветствия провожающих, гул людских голосов, благовест маленькой деревянной церковки постепенно замирают; пестрая толпа сливается с пристанью, город тускнеет, сливаясь с берегом, все заволакивается голубою дымкою: кругом нас великая ширь и покой гладкого, как зеркало, моря. Позади нас осталась Азия с её яркими красками и горячим солнцем; наше путешествие, ожидаемые опасности — все прошло и с каждым поворотом колеса мы приближаемся к Европе.

Наши пароходные знакомые нами интересуются, нас спрашивают и стараются уверить, что мы с Н. П. совершили подвиг. Это льстит нашему самолюбию; но приходится сознаться, что дешево дались нам эти лавры. И с какой стороны ни смотрю я на наше путешествие, никакого, к сожалению, геройства не выходит: все обошлось так ужасно просто.

Нельзя, впрочем, не признать, что обошлось оно просто вследствие особенно благоприятных условий, которыми было обставлено наше путешествие. По всем волостям о нас были даны распоряжения, предписывающие выставлять для нас на остановках юрты, баранов и провожатых; вместе с тем, на местное начальство возлагалась ответственность за нашу безопасность. Не будь этого, мы часто были бы поставлены в весьма критическое положение, так как

аулы в большинстве случаев ютятся в горных ущельях и переходах, совершенно неизвестных пришлому чело веку; необходимость доставать баранов, часто и топливо являлась бы следовательно почти неисполнимою задачею. Считаю также не лишним упомянуть о значительном удобстве иметь, прибывая на место, готовый кровь уже поставленной юрты, в то время, как каравана приходилось ждать, иногда в ненастье, по несколько часов. Хотя охотничья команда, прикомандированная к нам любезным распоряжением генерала Ионова, как выяснилось впоследствии, и оказалась ненужною в смысле охраны собственно, но без неё, особенно в начале пути, мы вероятно чувствовали бы себя беспокойно.

Этими удобствами мы всецело обязаны Н. И. Королькову. Он первый заронил в нас мысль о возможности этого путешествия, обещая всяческое содействие, — и сделал больше, чем обещал. Ему обязаны мы теми совершенно необычными и огромными впечатлениями, которые вынесли за эти несколько месяцев. На всю жизнь останутся они и всегда, при воспоминании о них, впечатления эти будут для нас связаны с именем Николая Ивановича. Вот почему, не умея иначе выразить своей признательности, я решаюсь посвятить ему мой настоящий труд.

Не претендуя в этом первом и, вероятно, последнем писательском опыте на литературные достоинства, особенно старательно следила я за тем, чтобы строго придерживаться в нем истины, дабы не впасть в иногда свойственный досужим туристам грех фантастических прикрашиваний, и я была бы счастлива, если бы мне удалась эта скромная задача.

Географический очерк Памиров

Местонахождение Памиров и политическое их значение

В центральной Азии, между 37° и 39 1/2° северн. широты и 72° и 75 1/2° вост. долготы Гринвичского меридиана, там, где сходятся одни из высочайших горных хребтов мира: Гималаи, Куэнь-Лунь, Гиндукуш и Тянь-Шань, находится возвышенная горная страна, носящая в географической литературе название «Памирского плоскогорья», или «Памиров». Слово «Памиры», по исследованиям филологов, имеет несколько значений и между прочим-«Крыша мира», которое чаще всего и применяется в литературе.

Эта пустынная и трудно доступная страна не могла никогда играть выдающейся политической роли; однако за последние четверть века, благодаря поступательному движению России вглубь Азии, интересы России и Англии столкнулись именно на Памирах. Страх Англии перед этим настойчивым движением вперед, и по направлению к Индии, заставляет ее зорко следить за каждым шагом этого движения, тормозя его всеми доступными ей средствами [\[54\]](#). Она не может не сознавать, какого страшного соседа она получила бы в случае захвата Россией афганских владений, служащих в настоящее время буфером между Памирами и Индией. В виду этого Англия всячески старалась оттеснить Россию от Памиров, поделив эту область между Китаем и Афганистаном, и захватив в свои руки бассейн Вахан-Дарьи, составляющей южную границу Памирского нагорья.

Англо-русским соглашением 1872-1873 гг. впервые определены границы влияния России и Англии. С завоеванием Кокандского ханства в 1876 г., все пространство Памиров, принадлежавшее ханству, было

закреплено за Россией, но в виду бедности и малой доступности нагорья, Россия фактически заняла его лишь после 1891 г.; между тем Англия не покидала мечты о разделе Памиров между Афганистаном и Китаем и усиленно работала в этом направлении, побуждая обе эти страны занять Памиры, что по имевшимся сведениям и должно было произойти вскоре. Ответом на это с русской стороны явился военный отряд под начальством полковника Ионова (ныне генерала-майора), посланный на Памиры в первый раз в 1891 г. и вторично в 1892 г. [\[55\]](#); при этом произошло вооруженное столкновение с афганцами, отряд которых и был уничтожен на берегах оз. Ишиль-Куль. Осенью впервые туда отправлен русский отряд на зимовку, учреждение же в следующем 1892 г. постоянного русского укрепления на р. Мургаб (при слиянии Ак-су с Ак-Байталом) под названием Памирского Поста, окончательно упрочило наше положение. В 1895 г., по настоянию Англии, была назначена новая разграничительная комиссия, окончательно установившая границы владений русских, китайских и афганских; при этом Вахаи и часть Дарваза подчинены Афганистану, а Шугнан и Рошан переданы Бухаре (т. е. оказались в сфере влияния России). Границы эти в настоящее время являются в таком виде на востоке русские Памиры граничат с Кашгаром, подвластным Китаю (эта линия, впрочем, точно не установлена и проводится лишь приблизительно от перевала Уз-Бель на севере до перевала Беик на юге, в восточной оконечности Гиндукуш), на юге и юго-западе — с афганскими владениями, находящимися в сфере влияния Англии, с запада — бухарскими владениями: Шугнаном, Рошаном и Дарвазом, а с северо-Алайской долиною, принадлежащей России по всему своему протяжению.

В административном отношении Русские Памиры, в виде Памирской волости, входят в состав Ошского уезда, Ферганской области, Туркестанского генерал-губернаторства.

Исследования Памиров

В географии Птоломея, еще до Р. Х. впервые появилось литературное издание, упоминавшее о торговой дог роге через Памиры и сообщавшее довольно обширные сведения об этой стране.

Затем о посещении Памиров появляется сообщение китайского путешественника Сюань-Дзань, которому в VII веке по Р. Х. удалось пройти с запада на восток через южную часть нагорья. В XIII веке знаменитый Марко Поло, во время своего путешествия по Азии, первым из европейцев прошел через Памиры и сообщил много сведений об этой стране (он впервые описал горного барана, который в честь его назван *Ovis Polii*). Спустя 300 лет, через Памиры прошел иезуит Бенедикт Гоэс. После 200 летнего промежутка Памиры посетил англичанин Вуд, путешествие которого составило эпоху в исследованиях Памиров: им открыто оз. Сары-Куль, названное им оз. Виктория, и впервые сообщены точные и определенные данные о некоторых частях южных Памиров.

Из иностранцев наиболее послужили делу изучения Памиров англичане, оказавшие, впрочем, более услуг по знакомству с путями страны; естественно же исторических сведений ими доставлено весьма мало. С 1860 г. по 1870 г. ими добыты важные данные через пандитов (туземцы, обученные съемке), а, в 1873-74 гг. ценные исследования произведены экспедицией Форсайта. С 1885 г. посетил Памиры целый ряд путешественников: в 1885-Эллиас, в 1886- Локгард, в. 1887 г. через все Памиры, с севера на юг, от Кизил-Арта до Гиндукуша, прошли французские путешественники, Бонвало, Капюс и Пепен.

В 1888–1889 г. путешествовал англичанин Литльдэль с супругой, в 1889–1891 г. — Юнгхесбанд и Макартней, в 1892-граф Денмор, в 1893-француз барон де Понсен, в 1894-Керзон, в 1894–1895 г. — швед Свен-Гедин [\[56\]](#), занимавшиеся исследованиями горного массива Муз-Таг-Ата и глубины памирских озер, наконец в 1896 г.: датские путешественники Филипсен и Олуфсен.

Еще Петр Великий указал своим наследникам на Азию, как на страну, заслуживающую особого интереса и внимания, но лишь около половины XIX века начала осуществляться мечта великого преобразователя, и в 50-х годах Россия сделала первый шаг в этом направлении: в Оренбургском краю, в Киргизской степи, на р. Иргиз, с одной стороны, и на азиатском берегу Каспийского моря, с другой, появились первые русские укрепления; с этого времени Россия постепенно, но неуклонно подвигалась вглубь страны, подчиняя своему владычеству находившиеся на её пути свободные до тех пор народности.

После военной экспедиции Циммермана в 1860 г. весь бассейн оз. Иссык-Куля (Семиреченской области) был присоединен к России, причем через два года разграничительная комиссия определила границы, отделяющие эти новые владения от Китая. Несколько ранее этого времени (в 1856 г.) Семенов, а позднее Струве, Оеверцов и Потанин исследовали предгорья, долины и ледники Тянь-Шаня, бассейн Иссык-Куля и горной системы Кара-Тау; обширный материал наблюдение астрономических, метеорологических, а также богатые коллекции (у Семенова более 1000 видов растений альпийской флоры Тянь-Шаня) явились результатом этих исследований.

Взятие Ташкента в 1864 г., Ходжента в 1867 г. и обессиление Кокандского ханства значительно облегчили исследования в области Тянь-Шаня, чем и

воспользовался Северцов, вскоре посетивший г. Верный и верховья р. Нарына.

С этого времени целый ряд путешественников (Федченко, генерал-майор Абрамов, Потанин, Певцов), не останавливаясь перед величайшими трудностями и опасностями пути в то время, перебивал в этих далеких и неизведанных странах. Китайская империя была ранее совершенно недоступна для европейских исследователей; затем, немногие путешественники стали пробираться в ближайшие к русской границе китайские города: Кашгар, Кульджу и др. Пытавшиеся проникнуть далее к Манджурии и Тибету (Де ла-Брюнетьер и Шлагинтвейт) заплатили жизнью за свою любознательность. Пржевальский первый удачно привел такую попытку в исполнение, предприняв в период с 1870 по 1883 г. четыре экспедиции в Тибет, пустыню Гоби, Монголию и бассейн Лоб-Нора. Он является первым путешественником, избородившим всю внутренность азиатского материка; им пройдено около 30. 000 верст пути, сделаны съемки» гипсометрические определения, метеорологические наблюдения. Самые же крупные заслуги его относятся к изучению органической жизни, как животного, так и растительного царства. В Тибетском нагорье он первый добыл экземпляр горного барана (*Ovis Polii*), впервые описанный Марко Поло, а также дикого верблюда и дикую лошадь, названную в честь его *Equus Przewalskii*.

В 1876 г. под начальством М. Д. Скобелева была снаряжена военно-научная экспедиция, доходившая до оз. Ранг-Куля; в ней принимали участие капитан Костенко, В. Ф. Ошанин, полковник Лебедев и друг.

В 1871 г. Федченко совершил со своею супругою в Кокандское ханство путешествие, имевшее огромное научное значение; он открыл хребты Алайский и Заалайский, исследовал Алайскую долину (высота её над уровнем моря около 8. 000 фут. на западном, и

около 12. 000 фут. на восточном конце), при чем особенно обратил внимание на резко выраженный степной характер её, как в растительном, так и в животном царствах: ящерицы (*Abberpharus*), саджи (*Suggartes Tibetana*) и т. п., обычно встречающаяся в степи, изобилуют и на Алайской долине. Мушкетов, посетивший Алай в 1877 г., высказал уверенность, что некогда долина эта служила замкнутым нагорным водоемом, впоследствии осушившимся.

В том же 1877 и следующих годах, Мушкетовым совершены на Алай и Памиры два путешествия, результатом которых явились, помимо съемки пути и определения новых астрономических пунктов, также и данные о геогностическом строении весьма сложной и интересной восточной части Алайского хребта. Им найдено также, что оз. Б. Кара-Куль представляет собою совершенно замкнутый бассейн, не имеющий стока, хотя и принимающей в себя несколько небольших речек. Оно значительно усыхает и в еще недавнее прошлое было гораздо больше, составляя с уже высохшими в настоящее время озерами Кок-Кум и Кара-Кум один обширный водоем. Озеро вместе с окрестностями покоится на граните, к югу прикрывающимся толщами метаморфического сланца и триасом; острова, выступающие на нем, также гранитные. Мушкетов же выяснил вопрос об отсутствии предполагавшаяся до тех пор на Памирах меридионального хребта Болор, упоминаемая Гумбольдом.

Выводы Мушкетова были пополнены Северцовым в тех же 1877-1878 гг., посетившим Алай, озера Кара-Куль и Ранг-Куль. Он нашел, что оз. Кара-Куль, заполнявшее прежде всю долину, имело стоки в обе стороны: на сев. вост. к р. Кок-Сай (приток р. Кашгар-Дарьи) и на ю. зап. к р. Ак-Су (приток или начало Аму-Дарьи). Теперь озеро усохло, и сев. восточный сток прекратился

окончательно, к юго-западу же существует, но не ежегодно и лишь в большое половодье.

Исследования Северцова совершенно изменили предполагаемую внутреннюю географию Памиров, о которой существовали еще весьма скудные сведения. Им собраны обширные палеонтологическая и минеральные коллекции. Ботанические коллекции, собранные в Фергане и Памирах, заключали в себе до 1.000 видов. По части изучения памирской фауны, им сделан громадный шаг вперед: вместо известных дотолем 10 видов зверей в Фергане, Северцов нашел 60 видов; птиц добыто (в Фергане и Памирах) до 350 видов; рыб — более 20 (из них 6 на Памирах).

В 1878 г. экспедиция под руководством известная естествоиспытателя и путешественника В. Ф. Ошанина, посетила Гиссарский край, Каратегин и Алай.

В 1882 г. экспедиция Регеля направилась в бассейн верховьев Аму-Дарьи и западные окраины Памиров: Рошан и Шугнан; исследована площадь оз. Шива; интересно нахождение в диком состоянии некоторых наших культурных растений, родина которых была еще неизвестна [\[57\]](#).

В 1883 г. образовалась первая большая Памирская экспедиция, в состав которой входили капитан Путята, геолог Иванов и топограф Бендерский. Произведена съемка всего пройденного пути в 5-ти верстном масштабе, определены высоты, собраны геологические коллекции, гербарий, рисунки. В своем сообщении географическому обществу Иванов высказал, согласно с Федченко и Мушкетовым, убеждение, что никакого меридионального хребта на Памирах не существует.

В 1883 г. Громбчевский со своей экспедицией проник через Памиры в независимое тогда владение Канджун на верховьях речной системы Инда.

Особенно пенный зоологический материал дали три экспедиции Грум-Гржимайло; две первые в 1884–

1887 г. на Алай и Памиры, имели результатом зоологические сборы и наблюдения (преимущественно беспозвоночных). Связывая эти результаты с ранее добытыми Северцовым, Федченко и Ошаниным, получалась точная и полная фаунистическая картина этого дотоле совершенно незнакомого уголка Азии. Третья экспедиция Грум-Гржимайло с братом в 1887 г. дала съемку пути в 5-ти верстном масштабе на протяжении 2. 000 верст и выяснила направление горных хребтов в западной части Каракорумской горной системы, произведены также наблюдения, относящаяся до характеристики климата Памиров, метеорологическая наблюдения и получен богатый расспросный материал о населении, количестве скота и пр.; по этнографии и антропологии им сделано до 150 фотографий типов народностей и памятников архитектуры. По зоологии составлены значительные коллекции позвоночных.

В 1889 г. предполагалась экспедиция Пржевальского, не состоявшаяся за смертью своего руководителя: он скончался близ оз. Иссык-Куль, не успев привести своего намерения в исполнение. Взамен её были снаряжены три экспедиции: 1-я, под руководством Певцова, направилась к горным хребтам Куэнь-Лунь и северной окраине Тибетского нагорья, 2-я, под руководством Громбчевского, исследовала Кафиристан, пройдя через Памиры, и 3-я, под руководством братьев Грум-Гржимайло, пройдя через Кульджу, направилась в центральную Джунгарию. Здесь было добыто 4 великолепных экземпляра дикой лошади.

В 1891-1894 гг. происходили военные разведки под начальством генерала Ионова, обследовавшего некоторые Гиндукушские перевалы.

Из женщин путешественниц, посетивших Памиры, можно, кажется, назвать одну г-жу Литльдэль, англичанку, сопровождавшую своего мужа в 1889 г. Что

же касается русских женщин, то нашей спутнице Н. П. Бартеновой и мне, первым удалось быть в этой стране.

Орография и рельеф Памиров

Название «плато», применяемое к Памирам до настоящего времени, не передает истинного характера рельефа страны. Точнее назвать Памиры нагорной страной. Она обнимает площадь приблизительно в 60.000 кв. верст, приподнятую на высоту 10.000-14.000 фут над уровнем моря, и состоит из обширной системы горных хребтов, достигающих общей высоты 17.000 — 20.000 ф., с отдельными пиками до 23.000 ф. высотой, отделяющихся друг от друга ручными долинами и озерными бассейнами.

Внутренний Памир представляет собою область, лишенную стока: горные речки и ручьи впадают в местные озера, или исчезают в песчаном и галечном грунте. Продукты разрушения местных гор, еще более ускоряющегося под влиянием резких колебаний температуры и непрерывных сильных ветров, остаются здесь же, лишь перемещаясь с места на место деятельностью воды и воздуха. При своих перемещениях эти продукты заполняют шероховатости, углубления, и таким образом стремятся к нивелированию местности (рис. 47). Поэтому на Памирах нет резких очертаний; лишь кое-где из горной вершины выдается скалистый гребень еще не разрушившейся, особенно твердой породы; почти же повсеместно, горы представляют своими вершинами совершенно округлые и мягкая очертания, пологими склонами и осыпями спускающиеся к долинам (рис. 38). Мелкие частицы в виде щебня, крупного и мелкого песка, осыпавшиеся или смытые водою и покоящиеся на твердом основании (кристаллический сланец, гранит, порфир), образовали плотный, твердый грунт, на котором копыто лошади часто не оставляет никакого следа. Относительная

высота Памирских гор здесь не велика, благодаря чему область эта проходима без значительных затруднений почти во всех направлениях. На рельефе нагорья значительно отразилась также деятельность ледников, некогда развитых гораздо шире, ныне же значительно отступивших, а местами и вовсе исчезших. О бывшем существовании их свидетельствуют отложения моренного характера, отличного от осыпей современного разрушения горных пород под влиянием атмосферных агентов.

Наружная или окраинная область Памиров, с западной стороны резко отличается от только что описанной [\[58\]](#): реки её и озера уже имеют сток и, хотя в области, примыкающей непосредственно к не имеющей стока, эти реки еще незначительны, течение их слабо, однако по мере приближения к периферии нагорья, они становятся более многоводными, стремительными, размывают себе глубокие русла, горы отделяются здесь друг от друга ущельями, иногда принимающими вид глубоких трещин, и страна становится, наконец, характерно горною.

При взгляде на карту Памиров не трудно видеть, что преимущественное направление горных кряжей почти совпадает с широтами, слегка лишь уклоняясь к северо-востоку или юго-западу. Таковы наиболее значительные хребты: Алайский, Заалайский, Аличурский, горы Большого и Малого Памира, а также и Гиндукуш. Сбегающие с Памиров реки текут в общем по тем же направлениям, пробираясь в промежутках между кряжами.

В середине Памиров находятся два внутренних бассейна: оз. Большого Кара-Куля и озер Ранг-Куля с Шор-Кулем; эти бассейны не имеют стока, так что все воды, собирающиеся с гор в эти озера, частью испаряются, частью просачиваются вглубь. Прочие ручьи и реки, имеющие сток к западу, принадлежат бассейну

р. Аму-Дарьи; реки же, направляющие свои воды к востоку, принадлежать бассейну р. Тарима. Аму-Дарья и Тарим, в свою очередь, принадлежать к замкнутым бассейнам Аральского озера и оз. Лоб-Нор.

Водораздел между бассейнами обеих рек на Памирах следует по зигзагообразной линии, начинающейся еще в Тянь-Шаньском хребте и проходящей в верхней части Алайской долины через перевал Таун-Мурун к перевалу Кизил-Арт; отсюда водораздельная линия огибает оз. Бол. Кара-Куль и его бассейн с востока, поднимается к перевалу Кизил-Джиик, круто поворачивает на восток, огибая бассейн оз. Ранг-Куль, и далее. принимает общее юго-восточное направление до пересечения с водораздельной линией между бассейнами рек Аму-Дарьи и Инда в пределах Гиндукуша. По карте видно, что эта водораздельная линия принята за границу между русскими Памирами и Кашгаром.

Такое направление водораздельной линии между бассейнами р. Аму-Дарьи и р. Тарима, почти совпадающее в общем с направлением меридиана, делает достаточно понятным предположение Гумбольда о существовании меридионального хребта на Памирах (гипотетического Болора). Составленная в настоящее время точная карта Памиров [\[59\]](#) с нанесенными высотами, устраняет необходимость в каких бы то ни было предположениях об орографии страны, давая точную и наглядную картину характера её поверхности. Только немногие участки, из числа наименее доступных, остаются еще не снятыми точною геодезическою съемкою.

С севера водораздел между бассейнами рр. Аму-Дарьи и Тарима пересекается с водораздельной линией между бассейнами рр. Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, проходящей по Алайскому хребту.

Все реки, текущие в пределах Памиров, принадлежать бассейну р. Аму-Дарьи и составляют её

верховье, за исключением немногих ничтожных водных потоков, как, например, р. Кок-Сай, принадлежащих к бассейну р. Тарима, и ручейков, стекающих в замкнутые бассейны озер Кара-Куля и Ранг-Куля.

Все же остальные потоки Памиров суть правые притоки р. Пянджа и частью р. Вакша, служащих верховьями р. Аму-Дарьи: так, р. Ак-Су вытекает из оз. Чакмактын-Куль, лежащего в Вахане, и вскоре вступает в русские Памиры, где, направляясь на восток и затем на северо-запад, сливается с р. Ак-Байталом, после чего получает название Мургаба. Последний принимает справа рр. Пшарт и Кокуй-Бель и около Таш-Кургана получает название Бортанга, который близ Калай-Вамара впадает в р. Пяндж.

Следующий поток, р. Аличур, пройдя оз. Яшиль-Куль, получает название Гунт-Дара и недалеко от Калаи-Бар-Пянджа сливается с р. Таг-Дара, после чего впадает также в Пяндж.

Наконец самый южный поток, берущий начало в ледниках Гиндукуша и текущий в пределах Вахана под названием Вахан-Дарьи, слившись с р. Памир, получает название Пянджа близ Калаи-Пянджа.

В р. Вакш направляются потоки северо-западного угла русских Памиров, из которых наибольшим является р. Балянд-Киик; р. Кизил-Су со своими притоками есть также приток, или, лучше сказать, верховье р. Вакша,

Из озер наибольшую величину имеет Кара-Куль (площадь более 300 кв. верст), представляющий собою самостоятельную внутреннюю водную систему, не имеющую стока, также как и оз. Ранг-Куль и Шор-Куль. Далее значительны, оз. Зор-Куль, или Виктория, служащее истоком р. Памир, оз. Яшиль-Куль, принимающее р. Аличур и выпускающее р. Гунт.

Из более мелких озер отметим Чакмактын-Куль на истоках р. Ак-Су, оз. Малый Кара-Куль в верховьях р. Гез, принадлежащий к бассейну Тарима, и оз. Сасык-Куль на

р. Пшарте вблизи впадения в р. Мургаб, а также группу мелких озер близ ранее поименованных озер Виктории и Яшиль-Куль.

Геологическое строение Памиров изучено еще мало. Тем не менее можно считать выясненным, согласно геологической карте Мушкетова [\[60\]](#), что массив Памиров состоит из первозданных кристаллических пород, выступающих на поверхность в вершинах кряжей, частью метаморфизированных в кристаллические и другие сланцы. Склоны же кряжей местами прикрыты породами триасового периода. К этим породам относятся, например, известняки, образующие характерные по своему внешнему виду скалы около оз. Ранг-Куль. Полезных ископаемых, на Памирах собственно, пока не найдено.

В общем, памирский ландшафт представляет превосходную иллюстрацию результата деятельности атмосферных агентов на горный рельеф, ничем не маскированный и не осложненный видоизменениями, вносимыми развитием органической жизни, или сознательной культурой деятельности человека. Здесь наглядно выступает картина нивелирующего влияния атмосферных агентов и притом в грандиозном масштабе.

Заслуживает внимания факт, поразивший нас при посещении оз. Кара-Куля — я говорю о толстом слое подпочвенного льда. Насколько мне известно, в литературе описания его еще не появлялось, а вместе с тем трудно допустить мысль, чтобы никому из научных исследователей, или хотя бы туристов, не пришлось до сего времени обратить на него внимания. Кажется, лишь впервые говорит об этом явлении участник нашей экспедиции, зоолог М. М. Воскобойников, в своей статье «Из наблюдений на Памире» [\[61\]](#).

Особенно наглядно лед этот виден на довольно высоком юго-восточном берегу, где обвалы

обнаруживают толстый пласт его, начинающийся метров на в выше уровня воды, продолжающийся по-видимому и ниже этого уровня, и прикрытый сверху 1-1/2 метр. слоистой осадочной породы.

Есть вероятие предполагать, что в котловине озера Кара-Куль находится обширное поле сплошного льда. Наблюдения, произведенные на больших и малых озерцах, в изобилии группирующихся вблизи главного водоема, всюду обнаруживали присутствие льда на дне их и в обвалах берегов. На некоторых из них, под слоем льда около 2 метров толщиной, замечались пещеры вследствие подтаивания его; на дне последних, под тонким слоем воды и ила, ощущалось опять что-то очень твердое, по всей вероятности, также лед.

В пользу вышеупомянутого предположения говорить еще и то, что во всех озерцах и болотцах, разбросанных на довольно обширном пространстве, температура воды чрезвычайно быстро понижалась по мере приближения ко дну, и особенно после погружения термометра в слой ила, лежащего на дне, а вместе с тем в некоторых из них, вследствие малой глубины, вода имеет довольно высокую температуру. Так, по исследованиям Воскобойникова, при температуре у дна лужи около четверти глубиною в 14°Ц., в иле дна на глубине 1/2 арш. термометр показывал уже 10°Ц. Все озерца и болотца, окружающие Кара-Куль, содержат пресную воду, хотя почва кругом озера покрыта солончаками и в самом озере вода горько-соленая.

Слой льда был обнаружен Воскобойниковым также и на обвалах берегов оз. Шор-Куль; по его же наблюдениям, остров на оз. Ранг-Куль по форме своих берегов и цвету образующей его породы, сильно напоминает берега Кара-Куля и Шор-Куля с ледяными слоями, но присутствие льда на этом острове остается недоказанным, так как, за неимением лодки, пробраться туда было невозможно.

Нельзя не выразить пожелания, чтобы последующее путешествие занялось исследованием этого почвенного, быть может, так называемого «ископаемого льда».

Климат Памиров

Климат Памиров отличается суровостью и чрезвычайною сухостью. Местные испарения совершенно ничтожны; западные ветры, дующие с Персии, так же как и восточные с Тибета и Китая, содержат незначительные количества влаги; влага же, приносимая извне, осаждается в виде снега на окружающих нагорье хребтах: так, с севера она задерживается Алайским и особенно Заалайским хребтом, который вследствие этого завален снегом до самых предгорий, а с юга, с Индийского океана, она осаждается на Гиндукуше, и на долю нагорья остается лишь незначительное количество атмосферных осадков в виде случайного дождя летом, а преимущественно снега, крупы и града; снегом обильно засыпаются лишь наиболее узкие, углубленные лощины, с ровных же и обширных котловин он сдувается ветром почти целиком. Годовое количество осадков поразительно мало: на Памирском посту *maxim*, осадков в сутки 6, 9 мм. В 1894–1895 гг. в течение 7 месяцев в году было не более и мм. осадков в месяц, причем в январе, октябре и ноябре 1895 г. их вовсе не было.

Расположенные на широте южной Греции и Сицилии, Памиры по средней своей температуре, равняются Коле и Мезени; постоянные ветра [\[62\]](#), резкие перемены температуры, страшная сухость и разреженность воздуха, морозы в течение почти круглого года — вот отличительные свойства этого климата. Сколько-нибудь определенные данные получены лишь после организации правильных наблюдений на Памирском посту. В прилагаемых таблицах сгруппированы средние выводы из наблюдений за 1894–1898 гг.

	<i>Барометр.</i>	<i>Сред. темп.</i> <i>года.</i>	<i>Наиб.</i>	<i>Наим.</i>	<i>Абс.</i> <i>влажн.</i>	<i>Относ.</i> <i>влажн.</i>
1894 г.	486,7	-1,9° С.	+27 ⁰ ,3	-46 ⁰ ,7	—	—
1895 г.	—	-0,8° С.	+25 ⁰ ,8	-35 ⁰ ,2	2,5	51

	<i>Осадки.</i>	<i>Число дн.</i> <i>сз дож.</i>	<i>Облачн.</i>	<i>Мьс. сз</i> <i>наиб. осадк.</i>	<i>Преоблад.</i> <i>вѣтра.</i>
1894 г.	51,0	41	3,7	Май, июль.	с.-в., ю.-в., ю.
1895 г.	37,4	23	3,8	Июнь, сент.	ю.-в., ю., с.

Средняя температура шести месяцев сентябрь — март, ниже 0°; самый холодный месяц январь -25°, 4; самый теплый июль и август, имеют в среднем 12°,7 и 16°,4. Разница между средними температурами самых жарких и самых холодных месяцев 41°,8; между крайними наибольшими и наименьшими 74°,0. Суточные колебания изменяются до нескольких десятков градусов в сутки. Разница температур в тени и на солнце очень велика: Бонвало наблюдал в марте на оз. Кара-Куль — 15° в тени +23° на солнце. В более высоких местностях Памиров, эти разности еще больше. Высота снеговой линии колеблется в пределах высоты от 14.000 до 15.000 фут, так что многие вершины и даже цепи гор покрыты вечным снегом; однако ледники развиты сравнительно слабо, вследствие недостатка атмосферных осадков.

Иллюстрацией метеорологических явлений, совершающихся на Памирах, может служить прилагаемый график, составленный на основании метеорологическая журнала, который был веден мною во время нашей экспедиции.

Для наблюдений служили следующие инструменты: 1) три барометра-анероида фабрики Ноде, выверенные перед путешествием в главной физической обсерватории; показания их затем были проверены еще в ташкентской обсерватории перед отъездом на Памиры и по возвращении оттуда. 2) Термометр Цельсия maximum-minimum. 3) Простой термометр Цельсия

приспособленный для путешествия. 4) Психрометр, и 5) портативный ручной анемометр с манометром. Все инструменты за исключением анероидов, выписаны от фирмы Casella из Лондона, и перед отъездом выверены были на метеорологической обсерватории московского Сельскохозяйственного Института. Самые наблюдения производились по возможности в часы, назначенные для того инструкциями главной физической обсерватории, т. е. три раза в день: в 7 час. утра, в 1 ч. дня и в 9 час. вечера.

На график нанесены данные, исправленные от погрешностей инструментов для каждая наблюденная момента: 1) барометрические высоты, 2) температура воздуха, 3) облачность, 4) отмечено выпадение атмосферных осадков и помещены вычисленные величины: 5) абсолютной и 6) относительной влажности воздуха.

Эти данные наглядно иллюстрируют многие интересные особенности климата Памиров и некоторые другие особенности условий пути. Так, барометрическая кривая, на которой нанесены в некотором масштабе высоты ртутная столба, приведенная к нулю градусов температуры, может служить для приблизительного представления о вертикальной профили пройденная пути. Так, например, из графика видно, что с 11 июля, когда экспедиция перешла через перевал Кизил-Арт, т. е. вступила в область носящую название Памиров отметки барометра не спускаются ниже 500 мм. и держатся для наиболее пониженных мест пути около отметки 480 мм. что соответствует абсолютной высоте места над уровнем моря около 12.000 фут. Более низкие отметки барометра, между 29 июля и 2 августа, соответствуют спуску по долине р. Пшата и р. Мургаба на абсолютную высоту около 11.000 футов. Таким образом, график наглядно показывает что Памиры, на которых экспедиция пробыла с 11 июля по 8 августа

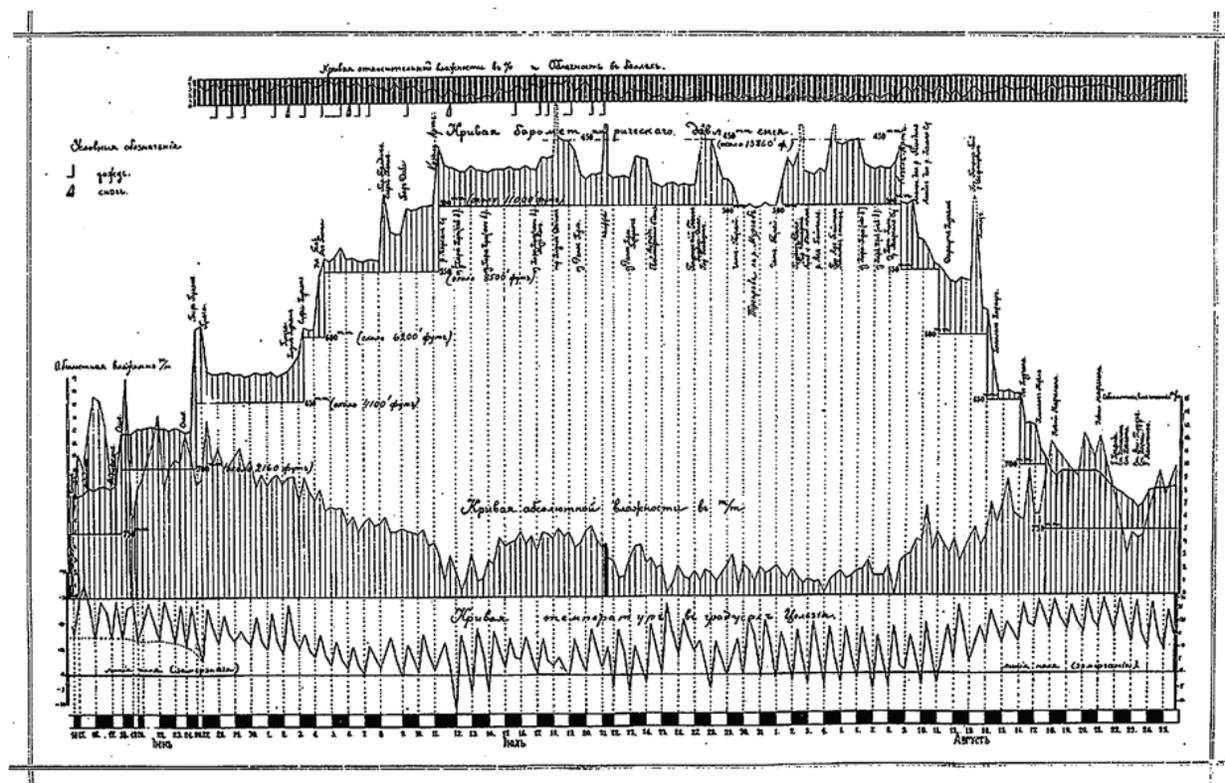
действительно представляют в орографическом отношении обособленную область, характеризующуюся абсолютной высотой свыше 12.000 фут.

Далее, из того же графика видно, что наиболее значительные перевалы пути, как-то: Кизил-Джиик (18 июля), перевал Пшарт (27 июля и 2 августа) перевал Ак-Байтал (4 августа) характеризуются отметками барометра ниже 450 мм., что соответствует абсолютной высоте их около и свыше 14.000 футов.

График вместе с тем показывает наглядно, что высоты перевалов Алайского хребта, каковы перевалы Талдык (8 июля) и Тенгиз-Бай (13 августа) едва достигают абсолютной высоты долины Памиров. Если бы, следовательно, можно было провести горизонтальную площадку через наиболее пониженные точки долин Памиров, весь Алайский хребет (за исключением разве отдельных пиков) оказался бы под этой площадкой.

Насколько барометрические отметки явственно рисуют общий рельеф пройденного пути, не смотря на местные колебания барометра, видно из рассмотрения барометрической линии, соответствующей более или менее продолжительной стоянке, как наприим., на оз. Кара-Куль (с 12 по 17 июля и с 6 по 8 августа), на Памирском Посту (с 24 по 27 августа), на р. Мургаб вблизи Чат-тугая. (с 29 июля по 1 авг.), в Ак-Басаге (с 4 по 8 июля), в Гульче (с 27 июня по 2 июля) и в г. Оше (с 18 по 24 июня).

Метеорологический график памирского путешествия 1898 г.

Хотя вследствие местного колебания барометрического давления, барометрическая линия и представляется ломаной, а не горизонтальной прямой, однако, для общей картины рельефа местности замеченные отклонения от горизонтальной линии совершенно несущественны.

Термометрическая кривая особых пояснений не требует; наименьшая температура соответствует минимальной температуре ночи, отмечавшейся утром по минимальному термометру.

Как видно из графика, на Памирах даже в июль и августе нередко ночью случаются морозы, как то было с 11 по 15 июля на берегах оз. Кара-Куля, при чем в ночь с

и на 12 в урочище Маркан-Су, или иначе Кок-Сай, температура упала до -12° по Цельсию. Подобные же морозы, но меньшей силы, наблюдались и с 22 по 25 июля на берегах оз. Ранг-Куль, а затем с 27 июля по 12 августа морозы наблюдались каждую ночь, несмотря на значительные различия абсолютных высот мест наблюдений.

Суточные колебания температуры, как оказывается по графику, временами составляют почти 30° Цел. Понятно, что наивысшие температуры, нанесенные на график, соответствуют температуре воздуха в тени. На солнце термометр показывал бы значительно бо́льшие температуры, так как на 39-й параллели, т. е. средней широте Памиров, солнце в июле стоит в полдень весьма высоко.

Явление резких суточных колебаний температуры становится совершенно понятным при взгляде на линию абсолютной влажности, указывающую на чрезвычайную сухость воздуха.

Действительно, начиная с Ферганы (с 14 по 24 июня), где абсолютная влажность в общем была наибольшей, достигая временами 17 мм . давления, выраженного в высоте ртутного столба (18 июня), абсолютная влажность, по мере поднятия экспедиции в Алайском хребте, постепенно падает; а на Памирах собственно в среднем оказывается меньше 3 мм , достигая лишь в период от 14 по 22 июля 5 мм . На обратном пути за перевалом Кизил-Арт, с 9 августа, абсолютная влажность по мере понижения местности постепенно снова повышается до 12 мм . в Новом Маргелане (с 18 по 22 августа) и 10 мм . в Ташкенте (24 и 25 августа). Заметное понижение абсолютной влажности 22 августа до 3 мм . соответствует станции Ховаст в Голодной Степи между Кокандом и Ташкентом.

Дальнейшая данные доставляет линия относительной влажности, выраженной в процентах от

полного насыщения воздуха водяными парами, при данной температуре и давлении. Эта кривая также указывает на чрезвычайную сухость воздуха и малое вероятие осадков на Памирах.

Только в ранее уже отмеченный период с 14 по 22 июля, относительная влажность повышается, причем этому периоду соответствует увеличение облачности и выпадения осадков. Последние же обуславливают и повышение абсолютной влажности, на которое было указано выше.

Это повышение абсолютной влажности заметно повлияло на повышение минимальных ночных температур воздуха, т. е. повлияло смягчающим образом на резкость суточных колебаний температуры воздуха. Этот случай представляет хороший пример; показывающий значение большего или меньшего содержания паров воды в воздухе для резкости климата. Ранее сказанное, между прочим, дает наглядное объяснение малому количеству осадков на Памирах. Скудость же осадков обуславливает и ранее отмеченную особенность Памиров, а именно крайне слабое развитие ледников, несмотря на громадную высоту их над уровнем моря. Причина, очевидно, состоит в том, что материала для образования ледников недостаточно, — выпадающий же зимою снег частью испаряется, частью успеваеет стаять под действием жгучего летнего солнца.

Что касается ветров, то направление их главнейшее определяется в горных долинах направлением этих последних, и никакой более общей законосообразности подметить не удалось.

В заключение добавлю, что метеорологическая наблюдения во время путешествия чрезвычайно освещают, не только явления, свидетелями которых бывает наблюдатель, но и разъясняют иногда более глубокие причины природные особенностей страны, её рельефа, характера флоры и фауны, а между тем

наблюдения эти не требуют сложной научной подготовки, не представляют значительных затруднений во время пути, а потому являются весьма доступным и вместе с тем интересными и поучительным материалом путевых коллекций. Сопоставление же наблюдений, произведенных различными путешественниками разновременно, может иногда указать, на обстоятельства, ранее ускользавшие от внимания... однако дающие ключ к объяснению явлений, до того остававшихся невыясненными. В виду этого нельзя не пожелать, чтобы даже во время путешествий, не преследующих специальных научных целей, метеорологические наблюдения производились попутно., и по возможности правильно, особенно в мало известных странах.

Флора, фауна, население.

Вследствие описанных климатических условий, растительность Памиров крайне бедна формами и количеством. Склоны гор, галечные и песчаные пространства обыкновенно совершенно лишены её, и лишь около рек, ручьев и озер можно встретить лужайки, поросшие альпийскими травами. Ни деревьев, ни кустарников собственно на Памирах нет, так как даже в этих низких широтах древесная растительность не поднимается выше 12.000 футов. Поэтому кустарники встречаются лишь на западной окраине Памиров, там, где реки прорыли себе глубокие русла, где следовательно дно речных долин и ущелий лежит уже значительно ниже над уровнем моря. Кроме тала и тамариска, на высоте 12.000 ф. начинает встречаться арча, шиповник, древовидный можжевельник, затем береза (11.500 ф.), тополь (10.000 ф.) и рябина (9.000 ф.); на последней высоте встречаются и первые поселения, а также посе́вы ячменя, гороха и пшеницы.

В противность растительному, животное царство на Памирах довольно, богато и крайне своеобразно. Здесь встречаются довольно разнообразные хищники: медведь (*Ursus Leuconyx*) небольшого роста с некрасивою, грязновато-серою шерстью, родом с Тянь-Шаня; красные альпийские волки (*Canis Alpinus*), которые меньше, русских; лисицы, мало отличающиеся от наших, и барс (*Telis Irbis*). Последней, по-видимому, попадается довольно редко.

Из числа травоядных животных обращают на себя внимание. еще до сих пор многочисленны я стада горных баранов, архаров (*Ovis Polii*) и горных козлов, кииков (*Capra Sibirica*). Наиболее характерным для Памиров животным является несомненно архар,

нашедший здесь достаточно благоприятные условия для своего развития. По росту своему, мало отличающемуся от оленя, и по огромным спирально изогнутым рогам, архару по праву принадлежит первенствующее положение среди прочих животных Памиров. Киик гораздо меньше и рога его загнуты назад, как у его кавказского и альпийского родичей, от которых он вообще мало отличается.

Чаще других зверей путешественнику попадаются на глаза зайцы и сурки, особенно последние. Здешние сурки (*Arctomys Longicauda*) имеют чрезвычайно яркий красновато-рыжий окрас и отличаются довольно длинным хвостом. Памирские зайцы (*Lepus Lhemani*) по росту и цвету представляют нечто среднее между обыкновенным зайцем и кроликом. Местами, как например, в устьях р. Пшарт, где растут уже деревья, зайцы попадаются в огромном количестве. Более мелкие грызуны и вообще животные встречаются в гораздо меньших количествах.

Из числа птиц на Памирах также не мало хищников, к числу которых принадлежать одни из наибольших известных нам, например, орел ягнятник или бородач (*Nyctea Barbatus*), различные грифы (*Gyps Nivicola*) и другие. Пернатая дичь собственно довольно многочисленна на Памирах. В горах встречается горная индейка (*Megaloperdix Hymalaica*), по местному «уллар» и особый вид саджи (*Syrrhaptes Tibetana* ?) исключительно держащаяся на дне долин по галечным россыпям. Оба вида оседлы. На озерах водится в больших количествах водоплавающая дичь: небольшие гуси особой вида (*Anser Hymalaensis*), разнообразные породы уток, бакланы, кулики и чайки. Все водяные птицы на зиму улетают, хотя и выводят здесь детей.

Из числа домашних животных на Памирах преимущественно разводятся овцы, а также и козы; обыкновенный рогатый скот не выживает на этих

высотах и его заменяет як (*Bos gruniens*), доставляющий не только молоко, шкуру и мясо, но и служащий в качестве вьючного и верхового животного. Лошади и верблюды встречаются в небольшом количестве*.

Пресмыкающихся и амфибий на Памирах нет; они найдены лишь на ступени к Памирам, Алайской долине, где известен лишь один вид ящерицы и лягушки (*Bufo variabilis* и *Rana temporaria*). Насекомых чрезвычайно мало; ни комаров, ни мошкар не встречается.

Рыбы на Памирах также мало и, по-видимому, держится она только в ручьях и речках. Хотя М. М. Воскобойникову и удалось поймать мелких рыб в оз. Кара-Куль, где по сведениям других путешественников её совсем нет, однако рыбы эти, по-видимому, представляют собою мальков той мелкой породы рыб, которая найдена в взрослом состоянии в ручьях, текущих в озеро. Всего вероятнее, что рыба входит в озеро лишь для метания икры, мальки же после вывода также направляются в пресные ручьи; такой порядок свойствен, как известно, многим пресноводным рыбам, мечущим икру в море.

Из числа беспозвоночных М. М. Воскобойниковым была собрана довольно большая коллекция, из которой интересны виды рачков, в огромных количествах населяющие воды Кара-Куля и Ранг-Куля, и служащие главною пищею их пернатым обитателям.

Коренное население Памиров состоит почти исключительно из кочевых каракиргизов, численность которых в русских пределах нагорья не превышает 1.000—1.200 душ обоего пола. Сходный по типу с алайским киргизом, памирский каракиргиз отличается от него более слабым сложением, некоторою болезненностью и вялостью. Между туземцами распространены преимущественно ревматизмы и другие простудные заболевания, а также болезни глаз и цинга.

Единственное занятие населения — скотоводство в самой примитивной форме; скот круглый год пасется под открытым небом и заготовка корма на зиму почти не практикуется. Население бедно и находится на низкой ступени развития.

Примеч. Для составления географического очерка, помимо собственных сведений и наблюдений, я пользовалась следующими источниками: Мушкетов «Туркестан. Спб., 1886: "История полувековой деятельности". Имп. Рус. Геог. Общ. 1845–1895 гг. М. М. Воскобойников «Из наблюдений на Памире». (Журн. «Землеведение»). By "An Indian Officer" "Russia's March towards India". Lond., 1894. Curzon «The Pamirs and the source of the Oxus». Lond., 1896. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон.

Прибавление.

Считаю нелишним сказать несколько слов об экипировке нашей экспедиции, стоимости её и одежде, необходимой при местных условиях.

К выступлению в горы мы окончательно подготовились в г. Ош, где и сделали все необходимые закупки. Наиболее крупными из них являются юрта и лошади.

Юрта (среднего качества), которая ввиду довольно значительного количества лиц, имеющих помещаться в ней (6 человек) являлась для нас весьма полезной, стоила нам 76 р.; для 2–3 человек палатка может быть достаточною тем более, что во многих более заселенных местностях, какова, например, Алайская долина, можно всегда добыть наемную юрту поденно или помесечно (рублей 15–20 в месяц). Притом выстроенные уже теперь рабаты (станции) на протяжении каждых 30–50 верст избавляют даже и от этой необходимости.

Заплаченные нами цены за лошадей являются, конечно, довольно высокими, ввиду спешности закупки, так что нормальная их стоимость представляется несколько более низкой. Нами было приобретено 8 лошадей, из которых самая дорогая, серый мерин мужа, уже пожилая, но очень дельная и выносливая лошадь, стоила 90 р.; гнедой мерин, которого выбрала для себя Н. П. Бартенева, довольно горячий и с громадным ходом — 85 р.; гнедой мерин для гр. Б. — 80 р.; рыжий мерин, служивший мне, карабахского типа — 70 р.; 2 гнедых мерина для доктора и М. М. Воскобойникова — 57 и 50 руб.; две лошади для прислуги — 35 и 50 р.; два осла были куплены за 25 р.

В г. Оше же закупили ячмень, запас которого пришлось пополнить на Памирском посту, при чем пуд

стоил около 73 к.

Нам приходилось запасаться количеством ячменя, потребным на все наше путешествие ввиду уже упомянутого мною обстоятельства, что покупка его для нас в пути являлась невозможной, так как запасы его у киргизов истощились, новый же созревает лишь во второй половине августа. Количество взятого с собою ячменя был рассчитано на ежедневную дачу в 5-6 фунтов (разделенную на две порции) на лошадь, что оказалось совершенно достаточным ввиду пополнения корма вблизи селений покупкою клевера (собственно люцерны), а далее, где возможно, подножным кормом.

Этот клевер (люцерну) мы покупали пучками по 1-2 коп.

Караван наш состоял из двух верблюдов и 8 вьючных лошадей, которые были нами наняты поденно на все время пути: верблюды в день по 2 р., лошади — по 1 р.

Состоящие при них керекешы (погонщики) в числе трех человек, на обязанности которых лежали также хлопоты по навьючиванию и развьючиванию животных, с ходившими под ними лошадьми, продовольствие лошадей и находившихся при них людей, а также замена негодных животных свежими, входили в эту же плату и нас не касались.

Количество необходимых для нас животных определялось расчетом веса груза, нормального для каждого из них: верблюд несет 12 пуд., лошадь от 6 до 8 пуд., осел от 4 до 5 пуд.

Яхтаны, в которых помещалась большая часть нашего багажа, имели соответственно этому три размера: наибольшие для верблюдов 16 X 14 X 30 1/2 дюйма, средние для лошадей 13 3/4 X 12 X 26 дюйм., маленькие для ослов 10 3/4 X 9 X 19 3/4 дюйм.; вес их по заполнению багажом был от 2 до 3 1/2 пуд. Недостаток его до полной нагрузки добавлялся другими вещами — ячменем, сухарями и пр.

Первоначально юрта была нагружена на одного верблюда, впоследствии же пришлось этот порядок изменить, так как она оказалась для него слишком тяжелою, а главное — громоздкою.

Наша личная прислуга состояла из трех человек, которые были наняты на следующих условиях:

Алим-бай, караван-баши, состоявший при караване, заведовавший манипуляциями по навьючиванию и развьючиванию его, целости в пути, а также фуражом и правильною раздачею его нашим лошадям, получал в месяц 35 р. на наших харчах, но с обязательством иметь свою лошадь и прокармливать ее на собственный счет, что, конечно, оказалось неудобным в виду того, что весь наш ячмень находился в его руках. Он же был и переводчиком. Повар Мурза получал в месяц по 30 р. на полном нашем содержании и с нашей лошадью. Конюх Ташмет получал в месяц по 25 р. на наших харчах, но с своею лошадью и прокормом её на свой счет.

Не упоминаю об Андрее, который ехал на наш счет, на нашей лошади, но без определенной вознаграждения и в конце концов, ничем не будучи полезен нам, стоил довольно дорого.

Если мужу приходилось впоследствии для своих охотничьих экскурсий нанимать у киргизов лошадь, то плата за нее в день была и р. Для езды верхом мы купили обыкновенные сартские седла, которые оказались чрезвычайно удобными для седока и для лошади. Они состоять из деревянного остова формы английских седел, покрытая тонкой подушкой, и с полным набором, уздою, арканом и ремнями для притарачивания куржумов, стоили каждое по 10 руб.; добавочные к ним подушки, набитые верблюжьей шерстью — по 2 руб., 2 седла для прислуги с полным набором, по 8 р., 2 вьючных седла для ослов каждое по и р., попоны, необходимые для каждой верховой лошади, каждая по 80–90 к.

Считаю нелишним напомнить о необходимости запасных подков, ремешков, подпруг к седлам, ниток из жил, игл, веревок, гвоздей и прочих мелочей, которых достать в пути, конечно, невозможно.

Помимо тех кошм (войлоков), которые являлись принадлежностью юрты, расстилаясь на полу её, каждый из нас и из прислуги имел по одной спальной кошме — довольно толстой, грубой и столь обширной, что будучи сложена в несколько раз представляла довольно удобную постель. Другие кошмы, по нежнее, белые и менее обширные служили вместо или в добавление к одеялам: надо все время иметь ввиду, что ночи на Памирах холодные, морозные даже и в разгаре лета. Большие кошмы стоили за штуку от 5 до 6 р., меньшие белые от 2 р. до 2 р. 50 к. Необходимо иметь несколько запасных небольших кошм, чтобы прикрывать в пути багаж на случай дождя или снега.

Весьма удобным подспорьем при укладке вещей не громоздких и необходимых под рукою, являются куржумы (переметные сумы, приблизительно в квадратный аршин каждая), которые притарачиваются к седлу сзади; их стоимость зависит от материала, из которого они сделаны, и колеблется от 60 к. до и р. 60 к. Такие куржумы имелись также у всей прислуги, они же служили для перевозки части ячменя.

Из провизии, которую пришлось запастись заранее для нашего продовольствия, упомяну о следующих предметах: сушеная зелень для заправки супов (закуплена еще в России), бульон в желатиновых капсулях, чай для нас, а также для прислуги и подарков; для последних двух случаев вполне пригоден зеленый чай, так называемый «кокъчай», стоящий, кажется, около 70 к. фунт и развешанный по $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ фунта. Сахар для нас и прислуги, какао, свечи, мука и крупы, из которых первое место занимает рис, так как прислуга питалась исключительно им и бараниной в

форме «палау»; да и в нашем меню он играл выдающуюся роль — все это закуплено в г. Ош. Весьма порядочный местный рис стоит за пуд 2 р.10 коп. Черные ржаные сухари, которые лишь изредка в вид лакомства заменялись свежими лепешками, были заранее заказаны в булочной в Оше и с мешками обошлись за пуд по 2 р. 30 к. в расчёте по и фун. на человека в день. Остальная провизия добывалась нами на «гестб у киргизов, при чем кувшин молока (емкостью около 3 бутылок) стоил 10–15 к.

Масло там, где в редких случаях удавалось его достать, стоило за фунт примерно 20–30 к. Баран, в зависимости от его размеров, веса и обширности его курдюка, а также обилия скота в данной местности, стоил от 2 до 3 р. 50 к.

Для нашего пользования всегда следовала за нами корзина-погребец, в которой помещались эмалированные тарелки, ножи, вилки, ложки, две небольшие кастрюли, походный складной таган, кухонные ножи, чайники для воды и чая, чайные кружки, небольшое количество чая, сахара, сушеной зелени в мешочках и кухонные полотенца. Чугунный котелок для приготовления жидкой пищи и каши и другой для «палау» и мясных кушаний привязывались отдельно к седлам, особый котел для прислуги также; стоимость такого котла—90 коп. Роль самовара исполнял описанный уже мною кунган, емкостью в 9 стаканов и стоимостью 5 руб. Необходимо также ведро для воды, или большой медный кувшин с крышкой—4 р. 50 к. За выставляемые для нас заранее киргизами юрты, в которых обыкновенно помещалась прислуга, а также сухари и ячмень (во избежание порчи от дождя), платилось по и р., при чем принималось во внимание не столько количество дней пользования ею, сколько самый факт расстановки её. Дрова (терескен), заготовленные для нас заранее на каждой остановке, оплачивались 30–

40 к. Услуги случайных киргизов, которых приходилось послать куда-либо поблизости, оплачивались 20–30 коп. Джигитам же проводникам, сопровождавшим нас 1, 2 и 3 суток и исполнявшим разного рода поручения по покупке баранов, молока и пр., платилось или деньгами 1 р., или 8 аршинами недорогой ситцевой материи на халат, иногда с добавлением небольшой пачки табаку или восьмушки чаю, что ими очень ценится в виду невозможности поблизости приобрести такие вещи.

Запас материй для подарков мы сделали еще в Ташкенте.

Что касается одежды, приспособленной к памирскому климату, для нас прежде всего и с первых же дней выяснилась необходимость в прочной, по возможности непромокаемой и достаточно теплой обуви: обыкновенные охотничьи сапоги, могущие надеваться на толстые шерстяные или войлочные чулки, представляются наиболее пригодными, предохраняя ногу от холода и сырости; при частых переправах через ручьи и речонки лошадь часто забрызгивает водою ноги своего седока выше колен; при ходьбе по камням и лазанье по горам такие сапоги достаточно устойчивы.

Мужской персонал нашей экспедиции запасся еще в Ташкенте кожаными брюками, которыми обмундированы наши войска в Туркестане; они делаются из кожи козлов, или кииков, ярко-красного или желтого цвета. Прочны они очень и выдержали беспорочно два месяца усиленных, необычайных трудов. Цена их при этом весьма невысока: 2–3 рубля за пару; сделанные по особому заказу мужа, обошлись ему в 5 рублей. Ситцевая или вообще цветная рубашка и широкий пояс дополняли их костюм; по мере подъема нашего в горы пришлось, даже и для ходьбы, ситцевую рубашку заменить суконными охотничьими куртками. Из Оша нами были взяты с собою меховые «бешметы» — это

нечто в роде подрясника, крытого довольно грубою бумажною материею, на очень легком белом барашке: мех этот сильно пачкает, издает довольно неприятный запах, но чрезвычайно приятен на ощупь. Такой бешмет стоил 13 р.; Н. П. и М. М. часто пользовались им в холодную погоду.

Муж и я особенно дорожили взятыми из России архалуками (или чапаны) из толстого драпабобрика; это широкое, просторное одеяние с длинными рукавами, поясом и капюшоном. Надевая этот архалук сверх остального платья, подпоясав его, и нахлобучив на голову капюшон, я чувствовала себя на седле неуязвимою ни в дождь, ни в снежную пургу. Длинные рукава его защищают и руки, несмотря на необходимость держать в них поводья. Запаслись мы было и теплыми меховыми перчатками, но они оказались излишними.

Головные уборы были у нас весьма разнообразными: были и шлемы, и папахи, и войлочные киргизские шляпы; вообще же при выборе его надо руководствоваться соображениями о чрезвычайно ярком свете, сильном припеке на солнце и резком холодном ветре в теи и ущельях. Муж носил шлем (легкий, английский) и находил его удовлетворительным; я же, сверх сартской тубетейки, не снимавшейся мною ни днем, ни ночью, надъвала войлочную пуховую шляпу с большими полями, и на всякий случай всегда имела башлык на плечах.

Людам со слабыми глазами, не переносящими яркого света, не мешает запастись так называемыми горными очками-консервами (с боковыми сетками). Кое-кто из нас купил на, Алайской долине киргизские чамбары — широкие штаны из кожи или шерстяной верблюжьей материи; против холода и сырости они действительно могут на седле оказаться приятными, зато для ходьбы и

лазанья чрезвычайно неудобны, так как своею обширностью стесняют движения,

Считаю нелишним напомнить о необходимости шерстяной фуфайки, надеваемой прямо на тело: при резких переменах температуры, иногда при каждом повороте дороги, она способствует более медленному охлаждению тела.

Быть, может, читатель улыбнется, если я коснусь вопроса о стирке белья, но такая, по-видимому, мелочь может быть поводом к крупному затруднению. Так как личный багаж путешественника должен быть сокращен до возможного минимума, да и значительный даже запас белья никоим образом не сможет избавить от необходимости стирать его в пути, мы запаслись еще в Москве (в аптекарском магазине Келлера) несколькими жестянками жидкого мыла для стирки в холодной воде оно уже приготовлено с синькой и при посредстве его наше белье стиралось в первой попавшейся речонке; чистота его при этом, оказывалась вполне удовлетворительной.

Каждый почти член нашей экспедиции был вооружен огнестрельным оружием, в целях охотничьих и оборонительных (последние оказались излишними, но надо помнить, что путешествие наше совершалось в несколько тревожное время). Охотничья команда была вооружена трехлинейками нового образца; наша прислуга — берданками; у мужа был тройник с двумя гладкими стволами 12 калибра и экспрессным стволом 500 калибра. У меня неизменно находился при седле карабине Маузера: он собственно состоит из револьвера, вложенного в деревянный кобуре; при желании последний одним движением руки прикрепляется к револьверу и образует весьма удобное и прикладистое ложе карабина. Пули его (6) летят далеко, сила боя до 1.000 шагов; к счастью, мне пришлось испытать их действие лишь при стрельбе в цель.

Прибавлю, что, как всякий знает, весьма желательно иметь с собою хороший бинокль и совершенно необходимо иметь компас и карту (мы пользовались всегда 10-верстной картой, издания генерального штаба), чтобы не быть в зависимости от тех в большинстве случаев сбивчивых и неточных сведений о продолжительности и направлении того или иного пути, которые приходится получать от местных жителей.

По прибытии нашем в Новый Маргелан, мы ликвидировали все имущество экспедиции, причем за юрту и лошадей было выручено несколько более половины их первоначальной стоимости, за седла же, кошмы, посуду и прочую мелочь — лишь около трети.

Считая наше совместное путешествие начавшимся с 12 июня еще в Ташкенте и закончившимся 23 августа по возвращении в Ташкент, и за вычетом полученной суммы от продажи вещей и лошадей при их ликвидации, все путевые расходы выразились для каждого из четырех участников в сумме 250 руб.; для доктора и гр. Б., покинувших экспедицию ранее, — не сколько менее.

Этим, кажется, исчерпывается запас опытных сведений, которыми мне хотелось поделиться с читателем тем более, что насколько мне известно, ни в одном из многочисленных уже и, конечно несравненно более ценных описаний путешествий на Памиры таких сведений, мелочных, но необходимых каждому путешественнику, не имеется. Если настоящая книга попадется на глаза человеку, имеющему в виду предпринять такую поездку, и облегчит ему сколько-нибудь его сборы в путь, выяснив заранее те нужды, которые он встретит, и условия, при которых ему придется удовлетворять им, я сочту свою задачу выполненною.

Литература о Памирах.

Литература о Памирах. до 1879 г. (русская и иностранная) указана более подробно в книге И. Минаева: «Сведения о странах по верховьям Амударьи». Изд. Импер. Рус. Геогр. Общ.

Humbold «Asie Centrales».

Л. Ф. Костенко. «Туркестанский край». Спб. 1850, т. I. Proceedings of the R. G. S. 1870-1871—1892.

Capt. f. Wood. «A journey to the Source of the River Oxus». London. 1872.

Journal of R. G. S. 1840. 1872. 1876. 1878.

Н.А. Северцов. «Вертикальное и горизонтальное распределение Туркестанских животных». Москва, 1873. Извест. Общ. Люб. Естествозн.

T. E. Gordon "The Roof of the World". London, 1876.

"Centralasiatische Studien. Pamir Dialecte" Wien, 1880.

Д. Л. Иванов. «Путешествие на Памиры» и «Орографический характер Памиров». Извест. Импер. Рус. Геогр. Общ. 1884. Вып. 3.

Его же. «Что называть Памирами?» Изв. И. Р. Г. О. 1885. Вып. 2;

Его же. «Охота на Памире». Отрывки из дневника путешественника. «Природа и Охота». 1885. Январь.

D-r Potagos. «Dix annees de voyage dans l'Asie cehtrale. Paris, 1885.

Н. А. Северцов. «Орографический очерк памирской горной системы». Записки Им. Р. Г. О. т. XIII. 1886.

Его же. «Заметка о фауне позвоночных Памиров». Записки Турк. От. Общ. Люб. Естеств. Вып. 1.

Г. Е. Грум-Гржимайло. «Очерк при Памирских стран». Изв. И. Р. Г. О. 1886. Вып. 2.

И. В. Мушкетов. «Туркестан». Спб. 1886.

M. A. Menzbier. Sewertzow. «Ornithologie du Turkestan et des Pays adjacents». 1888. 1889. Moscou.

Bonvaht. «Du Caucase aux Indes.a travers le Pamir». Paris. 1889.

Gr. Groume-Grsbimailo. «Le Pamir et sa faune lepidopterologique («Memoires sur les lepidopteres», rediges par N. M. Romanoff, t. IV 1890).

G. Capus. «Le toit du Monde» Paris., 1890.

Б. Л. Громбчевский. «Доклад оутешествии 1889–1890 гг.». Изв. И. Р. Г. О. 1891. Вып. 2.

Geograph. Journal. 1893–1895.

By An Indian Officer «Russia's March towards India». London, 1894.

В. Острогоров. «Памиры и памирский вопрос». «Наблюдатель». Июнь, 1894.

Д-р К. Казанский. «Вблизи Памиров». Ташкент, 1895.

«Россия и Англия на Памирах». « Рус. Вестн .». Ноябрь , 1895.

Dunmore. «The Pamirs» London, 1895.

C. S. Cumberland. «Sport on the Pamirs». London, 1895.

Б. Громбчевский. «Наши интересы на Памирах».

И. В. Мушкетов. «Памиры и Алай». «Живописи.

Россия». Т. X.

Н. Третьяков. «К вопросу об акклиматизации» (докторск . диссертация).

F. de Rocca. " L'Ala'ï et le Pamir d'apres des donnees recenfes". Revue Geographique. 1896.

G. N. Curzon."The Pamirs and the source of the Oxus». Lond. 1896.

M.Blanc. «La nouvelle frontiere anglo-russe en Asie centrale». «Reviie Scientifique». 1896.

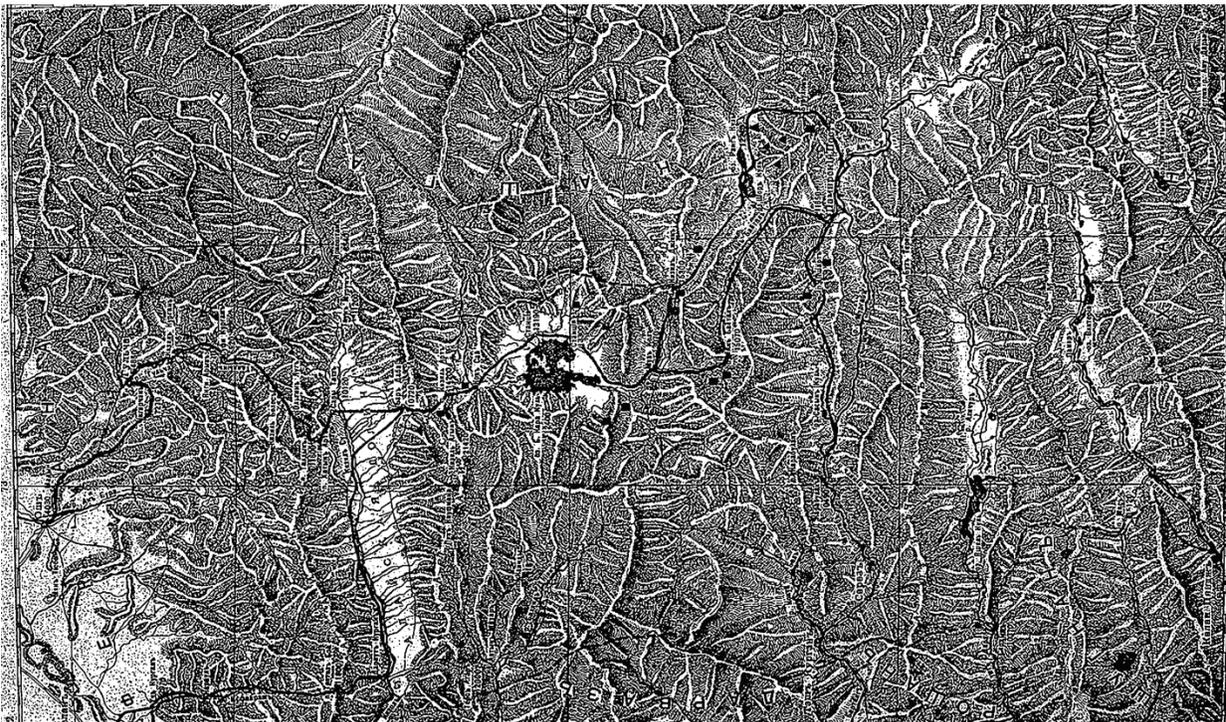
«История полувековой деятельности Имп. Рус. Геогр. Общ.», 1845–1895. Составленная П. П. Семеновым. Спб., 1896.

М. М. Воскобойников. «Из наблюдений на Памире». «Землеведение». Изд. Геогр. Отд. Имп. Общ. Люб.

Естеств. 1899. Кн. 3.

Свен-Гедин. «В сердце Азии» Путешествия 1893 — 1897 гг. Спб., 1899.

Д. Н. Головнин. «Очерки охоты на Памирах». «Природа и Охота». 1901.

notes

Примечания

1

10 и 11 стр. отсутствуют

2

Школа

3

Пилав (по сартовски палау) любимое национальное блюдо, приготовляемое из баранины и риса с приправою моркови, изюма и перца.

4

В настоящее время дорога уже принята правительством и по ней; открыто правильное движение.

5

Чайная лавка

6

Впоследствии оказалось, что полезен он нам не был.

7

Ишан — духовный сан, а также святой

8

Мюрид — ученик, последователь

Переводчик Ибрагим Чанышев оказал подполковнику Зайцеву важные услуги по предупреждению готовившихся в Ошском уезде беспорядков.

10

Переметные сумы, прикрепляющиеся сзади седла ремнями.

11

Чембары — очень широкие штаны, стягивающиеся у пояса; в ненастную, холодную погоду киргизы прячут в них длинные полы халатов.

Угощение.

13

Инструмент для применения фотографии к топографическим работам

14

Селение

15

Праздник, сорище.

16

Выборный судья

Бай — купец; это звание прибавляется к имени людей очень почтенных.

Молитва и установленные омовения.

19

Осел.

Дикая коза (*Cervus capriola*)

21

Bos gruniens

Горный козел (*Capra Sibirica*). Иллик держится в горных можжевельниковых лесах; киик же — на границе снега, на обрывистых скалах, лишь зимою спускаясь несколько ниже. в Алайскую долину.

Как нам говорили впоследствии, Июль на Ольгином лугу ознаменовывается ежедневными дождями

Поклон, приветствие, благодарность

25

Погонщик каравана.

Большинство путешественников называют ее «байга»; как нам, однако, объяснили, последнее название носят скачки, которые здесь также в большом ходу.

Присутствие этих мальков правдоподобнее всего объясняется по-видимому тем, что рыба которая водится в реках, впадающих в Кара-Куль, заходит в озеро для метания икры. Молодая еще рыбешка, достигнув известного возраста, в свою очередь, покидает озеро, чтобы уйти в эти реки.

Озеро расположено на высоте 12.400 ф. над уровнем моря.

Пятидесятник; по-киргизки иллик-баши значит:
голова пятидесяти.

30

Старшина.

При нашем, по крайней мере, посещении проток был, хотя показания путешественников на этот счет расходятся; надо предполагать, что временами он пересыхает

Войлок

Выборный судья

34

Кадка, в которой квасят тесто.

Скалистый голубь. *Columba livia*

36

Светящийся камень

Пиола — китайские фарфоровый чашки без ручек.

Бюрт — волк.

39

Местное название для яков. *Bos gruniens*

Архар — дикий баран, *Ovis Polii*.

41

Мой халат пропал.

Арча — хвойное дерево, весьма похожее на кипарис и очень разнообразное по формам: одни из них напоминают сосну, другие имеют витой и перекрученный ствол, попадаются и ползучие. Оно незаменимо для построек и стоит чуть не сотни лет, не портится в воде, даже и червь его не точит. Благодаря своей смолистости, оно также дает прекрасное топливо.

Это не разрешалось прислуге каравана, так как она употребляла на это не менее 3-4 часов времени. По той же причине, и сами мы ограничивались чаем и холодной закуской.

44

Погиб, пропал.

45

Кизил-Су — красная вода.

Малый Алай.

Красная горная куропатка.

К сожалению большая часть этих снимков погибла.

49

Празднество, развлечение.

Дорога не была еще в то время официально открыта, а потому правильного движения еще установлено не было.

Нов. Маргелан был гнездом восстания.

Как известно, в начале текущего 1901 г. Н. А. Иванов назначен генерал-губернатором края.

Дорого бы дала, чтобы узнать теперь, через три года, насколько ему удалась эта военная диверсия.

Особенно интересны в этом отношении книги: Curzoa «The Pamirs and the source of the Oxus», London 1896 и «Russia's March towards India, by an Indian Officer», London 1894; последняя написана с целью убедить английскую публику в том, что почти исключительною целью всех операций и завоеваний России в центральной Азии является будто бы Индия и стремление проложить себе к ней кратчайший путь. Сомнения по этому поводу со стороны некоторой части публицистики и литературы автор объясняет продажностью их.

С крайним раздражением упоминает об этой рекогносцировке Кёрзон: «Уже много лет, — говорит он, — Аличур и Яшил-Куль были спорным рубежом сфер влияния Афганистана и Китая, и вот ранним летом 1891 г. полковник Ионов был послан русским правительством с военным отрядом, вероятно в шутку названным «охотничьей командой», в целях якобы охоты за архарами и упражнений в стрельбе (во всем мире не нашлось для этого более подходящего места), на самом же деле для того, чтобы произвести демонстрацию перед всею странюю, выгнать афганских или китайских солдат, если бы таковые встретились и, присоединив эту область насильственно, предварить решение спора дипломатическим путем.

Автор известной книги "В сердце Азии"

Например, царские кудри (*Fritillaria imperialis*), тюльпан (*Tilipa suaveolens*), тацет (*NarcissusTazetta*), родина которых оказывается на Памирах.

Свен-Гендин делит Памиры и прилегающие к ним местности на три области: 1) лишенную стока, или плоскогорье, 2) переходную между плоскогорьем и типичной горной страной, 3) периферическую, или горную страну.

Издание Туркестанского военно-топографического отдела генерального штаба 1892-1893 гг., исправленное и дополненное в 1898 г.

Мушкетов, «Туркестан». С. Петербург, 1896.

М. М. Воскобойников. «Из наблюдений на Памире», статья, напечатанная в 3-й книжке журнала «Землеведение». (Периодическое издание Географического Отдела Импер. Общ. Любителей Естествозн., Антроп. и Этнограф., под редакцией Д. П. Анучина. 1899 г.).

Нам нередко приходилось видеть камни с круглыми, иногда сквозными углублениями: это действие тех туч песка, несомых ветром, которые, ударяясь в препятствие, обтачивают камни и как бы отшлифовывают их, местами выдалбливая углубления в виде пещер.